

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

МИХАИЛ
ЛЕРМОНТОВ:
Успеть
за 321 месяц

УВЕРЕННОСТЬ ВО ВЗГЛЯДЕ

ТАКОЙ УЖ МЫ НАРОД, ЧТО ПРИВЫКЛИ СВЯЗЫВАТЬ свою личную жизнь с жизнью страны. Наш социальный оптимизм, как правило, имеет солидную государственную составляющую. Иначе как объяснить такие данные проведенного в прошлом месяце опроса ВЦИОМ?

По нему выходит, что число россиян, которые считают свою жизненную ситуацию хорошей или отличной, составило 27 процентов. А квартал до того было на 3 процента меньше. Плохим или ужасным считают свое бытие 11 процентов (вместо 14 процентов). Сократилось число тех, кто оценивает ситуацию и в стране в целом как плохую, – до 15 процентов. Тогда как в начале года таких было 23 процента. Что случилось переломного с начала года? Экономика вроде не показывает таких уж блестательных результатов. А случилось то, что Крым вернулся в состав России. И именно это, а также сопряженные с этим события, по мнению социологов, вызвали прилив социального оптимизма россиян.

Вплоть до того, что, по оценкам ряда социологических служб, чуть ли не в полтора раза выросло число граждан, которые стали считать удовлетворительной или даже хорошей работу тех институтов государства, что всегда подвергались особенно взыскательной критике населения. Например, здравоохранение и образование.

В последние годы многие отвыкли жить с ощущением гордости за свою страну, а у некоторых вошло в привычку считать, что она (даже не конкретные политики, ею управляющие, а именно страна) a priori не права в своем геополитическом поведении. Однако теперь общественные настроения меняются. И ощущение нашей по большому

счету правоты даже в тех вопросах, по которым с нами не сходятся большинство наших соседей по миру, придает нам уверенности во взгляде на дела внутри страны. Теперь остается лишь трансформировать эту уверенность, этот возросший социальный оптимизм в конкретные дела, которые и дальше будут подтверждать нашу историческую правоту. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железнодорожные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Чтобы помнили...
- 07** «Дайте двадцать лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию!»
- 09** Глаза войны
- 11** Под защитой Русского Орла
- 13** «Мы не сдадимся!»
- 16** Молдавия теряет образование на русском языке
- 17** Память на генном уровне
- 18** «Конец истории» отменяется
- 20** Здесь есть небесный свод

НАСЛЕДИЕ

- 22** Выше высшей математики
- 28** Над засыпанной снегом судьбой

ИСТОРИЯ

- 36** Белорусский треугольник

РЕПОРТАЖ

ИНТЕРВЬЮ

54 Говори, Магницкий!

66 Что задумал Чайковский...

ЭКСПЕДИЦИЯ

70 Пинежские
бывальщины

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

80 Каллиграф

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 От Калязина
до Углича

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Юлия СЕМЕНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

АВТОР

АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СПИСОК КНИГ, КОТОРЫЕ МОГУТ ПОМОЧЬ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ ЛУЧШЕ УЗНАТЬ О ВОЙНЕ, НАДОЛГО ЗАБЫТОЙ И ВЫЧЕРКНУТОЙ ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО СОВРЕМЕННИКИ НАЗЫВАЛИ ЕЕ «ВЕЛИКОЙ», ПОПОЛНИЛСЯ ЕЩЕ ОДНИМ ИЗДАНИЕМ. 8 СЕНТЯБРЯ В ЗДАНИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В МОСКВЕ СОСТОЯЛАСЬ ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА», ИЗДАННОГО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР».

Над составлением энциклопедического словаря «Первая мировая война» около трех лет трудились свыше 40 российских историков. Прежде всего речь идет о сотрудниках Института всеобщей истории Российской академии наук. Но к работе были привлечены специалисты и из других академических институтов страны. Презентация собрала авторитетное научное сообщество, причем здесь присутствовало немало историков, специализирующихся на изучении именно Великой войны. Это неудивительно: ведь презентация энциклопедии прошла в рамках Международной научной конференции «Первая мировая война – пролог XX

века», которая проходила в Институте всеобщей истории РАН с 8 по 10 сентября. Соорганизаторами конференции выступили Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский городской педагогический университет и Государственный академический университет гуманитарных наук.

В работе конференции принял участие председатель правления фонда «Русский мир», глава комитета Государственной думы по образованию, декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук Вячеслав Никонов. «Издание словаря, содержащего 560 словарных статей, с исто-

рической точки зрения уникально тем, что впервые в российской историографии в нем достаточно подробно излагается новейший взгляд на события Первой мировой войны, – подчеркнул руководитель проекта издания словаря, президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны, глава Центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН доктор исторических наук Евгений Сергеев. – Выпуск этого издания оказался бы невозможен без финансовой поддержки фонда «Русский мир».

«Наше сотрудничество с фондом «Русский мир» имеет большую историю и богатую традицию –

ми, – отметил в своем выступлении на презентации директор Института всеобщей истории РАН академик Александр Чубарьян. – Фонд «Русский мир» заслуженно пользуется высоким престижем как в России, так и за рубежом. Мы дорожим нашим плодотворным сотрудничеством с фондом и искренне рады, что еще одним свидетельством успешных результатов этого сотрудничества стало издание энциклопедического словаря «Первая мировая война».

Выступивший на презентации исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин сообщил, что фонд уделяет особое внимание мероприятиям, связанным с памятью о Первой мировой войне, напомнив, что в ближайшее время состоятся еще две тематические международные конференции – в Лондоне и Белграде. Он также отметил значимость новой энциклопедии о Первой мировой войне и высокий уровень работы ее составителей.

«Отрадно, что структура и логика изложения текстовых материалов в словаре подчинена замыслу максимально полной демонстрации беспрецедентных масштабов одной из великих трагедий в истории человечества, по завершении которой, к сожалению, не было сделано соответствующих уроков и которой суждено было повториться в гораздо более широком масштабе всего четверть века спустя, – подчеркнул Владимир Кочин. – В общероссийской кампании по столетию начала Первой мировой войны принимают участие, наряду с государственными структурами, такими как Министерство иностранных дел и Россотрудничество, ведущие российские научные учреждения, а также фонд «Русский мир». Часть наших мероприятий в рамках этой кампании уже реализована, другие – еще предстоит организовать и провести».

Заметим, по условиям договора между Институтом всеобщей истории РАН и фондом «Русский мир», часть тиража энциклопедического словаря «Первая мировая война» будет безвозмездно передана библиотекам ведущих российских вузов и библиотекам субъектов Российской Федерации. ●

«ДАЙТЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОКОЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО, И ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ РОССИЮ!»

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ПОЛУЧИТ НИ ДНЯ СПОКОЙНОГО РАЗВИТИЯ, О КОТОРОМ ТАК ГРЕЗИЛ ПЕТР СТОЛЫПИН, ОБЪЯСНИЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА – ПРОЛОГ ХХ ВЕКА».

Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, МГУ, Государственный академический университет гуманитарных наук и Московский городской педагогический университет принимали в сентябре Международную научную конференцию «Первая мировая война – пролог ХХ века».

– Мы понимаем, что в год 100-летия Первой мировой войны, – заявил директор ИВИ РАН Александр Чубарьян, – наша конференция – сотая, может, и больше, чем сотая, по счету. Но ее смысловая значимость перекрывает количественное или юбилейное значение. Как для России явлением стало открытие памятника героям Первой мировой, так и наша конференция возвращает важную часть отечественной истории и силами ученых России и мира встраивает ее в мировой контекст.

По данным ИВИ РАН, на конференции с докладами выступили историки из Австрии, Франции, Италии, Канады, США, стран Восточной Европы и СНГ, всего – около 25 государств. Столь весомое представительство объясняется просто: в мире идет переосмысление итогов Первой мировой войны, и каждая страна, таким образом, пытается внести свой вклад в мировую историю.

– Значимость современной историографии Первой мировой войны обусловлена тремя моментами, – считает Стефан Карнер из Института им. Л. Больцмана (Грац, Австрия). – Во-первых, введением в научный оборот большого массива источников, ранее застекреченных или недоступных, из архивных фондов Великобритании, России, США. Во-вторых, появлением новой генерации историков, свободных от идеологических стереотипов и владеющих компаративными методами исследования, основанными на сравнении и сопоставлении. В-третьих, появлением глобальных компьютерных сетей, в умелых руках отсевающих пропаганду, на которой долго строилась лженеука.

Ученые разных стран сразу отметили неудовлетворительное положение дел в советской и частично в российской историографии, посвященной войне 1914–1918 годов. Правда, признали, что в последние годы появились фундаментальные научные труды, меняющие парадигму научного поиска по созданию российской концепции Первой мировой войны. Так, если раньше образ войны рисовался исключительно как «схватка акул капитализма за передел рынков и сфер влияния», то сегодня, не отказываясь от этого подхода, но и не выпячивая его, отечественная наука впервые пытается обосновать роль Восточного

фронта в Первой мировой войне и встроить его в мировой контекст той войны.

– Несмотря на коалиционный характер той войны, русские, в отличие от французов, британцев либо итальянцев, в общем-то всех участников войны, вынуждены были сражаться в одиночку, – сказал Евгений Сергеев, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. – Кроме того, ситуация для России осложнялась переплетением внешних и внутренних событий, которые, как известно, вылились в самую большую в мире коммунистическую революцию. Тем не менее значимость Восточного фронта для Антанты сложно переоценить: в 1915–1916 годах Россия вместе с союзниками готовилась к параду победы в Берлине. А уже в 1918-м Россия подписала унизительный Брестский мир, расчленивший страну. Однако, как ни парадоксально, эти события сыграли с главными участниками той войны злую шутку. Германии и Австро-Венгрии пришлось осуществлять военно-административный контроль над занятами, но воюющими территориями, что позволило развить победное наступление французам и англичанам на Западном фронте. А Советской России, проглотив унижение в Бресте, разить большевистскую пропаганду и террор внутри страны, что позволило коммунистам, которых никто не воспринимал всерьез, укрепиться у власти.

Наконец, как полагает Евгений Сергеев, – и его подход разделяют как российские историки, так и ученые из Австрии, Франции, Германии и Белоруссии, – выпадение СССР из Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, созданной по итогам войны, «определило природу ликвидации Восточного фронта – падение Восточного фронта снизило, но не устранило его геостратегическое значение для союзников. Даже спустя десятилетия».

– Более того, – убежден Питер Лиддл из Центра Второй мировой войны (Лидс, Великобритания), – трансформация образа союзников, которые бросили русских на произвол судьбы, продолжилась в российском, потом в советском, а потом снова в российском обществе. Именно этот период мировой истории стал прелюдией к последующему восприятию россиянами западных демократий как недругов царской, а потом Советской России. Ее граждане весь XX век продолжали ощущать себя «гарнизоном осажденной крепости» в капиталистическом окружении. Период 90-х годов – период короткого очарования россиян западными демократиями – сменился новым кризисом в отношениях, природа которого кроется в истоках союзничества в Перову мировую. И эти истоки еще предстоит изучить и осознать, чтобы двигаться дальше, как говорят русские, без камня за пазухой.

Не меньший интерес у ученых вызвали дискуссии по поводу участия в Первой мировой войне Канады и США. Точнее, дискуссии шли о том, как эти две страны прошли путь от мировой изоляции в той вой-

не (США) и нейтралитета (Канада) до вступления в войну и создания «Североамериканского партнерства» США и Канады, действующего до сих пор.

– Позиция изоляционизма США раздражала Канаду, – говорит Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе из Университета Брука (Канада), – а вступление в войну помогло двум странам укрепить непростые отношения. По итогам войны канадское дипломатическое представительство в Вашингтоне так и не появилось, но именно этот вопрос в период послевоенного урегулирования стал ключевым в отношениях двух соседей. Именно тогда главным фактором создания «Североамериканского партнерства» выступила экономика, а не политика. В дальнейшем именно экономическое сближение двух стран окажется определяющим обстоятельством их союза.

Как полагают многие историки, трансформация истории Первой мировой войны в сознании рядового российского обывателя – из забвения в сторону создания памятников героям той войны в Москве, Калининграде, Пскове – это шаг к осмыслению исторического прошлого, без которого не построить сбалансированное будущее. И что очень важно: монументы создаются на народные деньги.

– Если и 90-летие, и 95-летие Первой мировой войны в России остались незамеченными, то сегодня все изменилось ключевым образом, – считает Вячеслав Никонов, председатель правления фонда «Русский мир». – История, как известно, учит тому, что ничему не учит тех, кто не хочет учиться. Мы долго не могли и не хотели, разные страны по разным причинам – тоже, извлекать уроки из Первой мировой, кардинально изменившей мир. Начало нового тысячелетия, подозрительно схожее с началом XX века, заставляет пристально всмотреться в прошлое, чтобы не допустить его кровопролитного повторения.

Вслед за Вячеславом Никоновым многие ученые цитировали выдающегося государственного деятеля и реформатора царской России Петра Столыпина: «Дайте государству двадцать лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию!» Сказано это было в период бурного экономического роста и внешнеполитических и торговых успехов Российской империи в 1909 году, после первой русской революции и накануне Первой мировой.

– Сегодня мы должны отдавать себе отчет в том, что нам никто не даст ни месяца, ни дня спокойного развития, – подвел итоги трехдневных дискуссий Александр Чубарьян. – Но это вовсе не означает, что Россия может себе позволить поддаваться на какие-либо военные либо иные провокации или размахивать кулаками. К чему это приводит – нас всех научила, учит и будет учить Первая мировая война.

Доклады научной конференции «Первая мировая война – пролог XX века» войдут в большой международный монографический сборник и будут изданы в странах Евросоюза, в Канаде и России в 2014–2015 годах.

ГЛАЗА ВОЙНЫ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

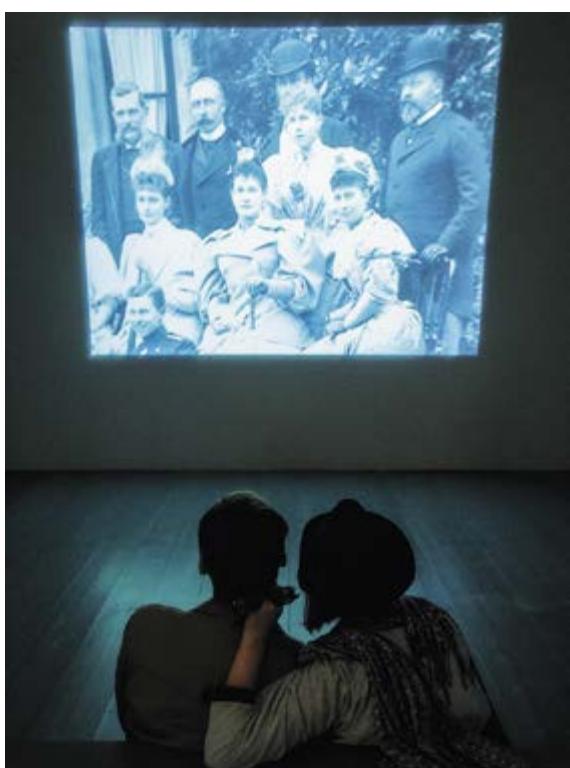
ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ ПЕРЕСЧИТАТЬ ВСЕ ВЫСТАВКИ, ЧТО СОСТОЯЛИСЬ И ПРОДОЛЖАЮТСЯ В РОССИИ ПО ТЕМЕ 100-ЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

РЕЗЕНТОВАЛИСЬ МАС-штабные проекты в Русском музее Петербурга, Государственном Историческом музее и Центральном выставочном зале «Манеж» в Москве. Представлены более скромные проекты в Калининграде, Петергофе, Ярославле, Кемерово, Симферополе, Брянске, Тихвине [Ленинградская область], Шадринске [Курганская область], Майском [Кабардино-Балкария], Якутске, Михайлове [Рязанская область], Уфе, Екатеринбурге, Ставрополе, Челябинске, Рязани... Однако, судя по тому, что написано в репортажах и отчетах, что удалось увидеть собственными глазами, подавляющее большинство экспозиций сделано по классическим выставочным лекалам.

Иное дело – выставка «Взгляды в глаза войны», открытая 28 августа в московском «Новом Манеже».

неже». Судя по представительной команде, приехавшей на официальное открытие, – премьер-министр РФ Дмитрий Медведев, зампред правительства Ольга Голодец, министр культуры Владимир Мединский, – эта экспозиция неформально признана главным событием выставочной деятельности в стране, связанной с памятной датой 100-летия начала войны. «Долгое время Первая мировая война в нашей стране была в тени последующих революционных событий. Открывая сегодня экспозицию, мы во многом восстанавливаем историческую память, отдавая должное подвигу солдат и офицеров на фронтах этой войны», – отметил в приветственной речи Дмитрий Медведев.

После визита высоких персон начался собственно вернисаж. Все пространство экспозиции по замыслу организаторов было поделено на две части: «фронт» и «тыл». «Тыловые» залы оформили в «лазаретной» стилистике. Стены, потолки, даже полы – марлево-белого цвета. Фотографии, документы, кинохроника – о том, как и чем жила Россия, далекая от передовой.

Совершенно другой эффект авторы концепции выставки обрушили на посетителей во «фронтовых» залах. Весь пол устлали мятными листами жести. И когда сотни ног вступили на это покрытие, создалось впечатление, будто зрители оказались под пулеметно-артиллерийским огнем. Огромные экраны с кинохроникой 1914–1918 годов, парусами нависая над залами, усилили эффект присутствия. Это отметили многие гости вернисажа, в том числе и весьма ревнивые к успехам коллег представители музеиного и выставочного сообществ.

«Очень интересный и необычный проект, – поделился впечатлениями после вернисажа заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа, государственный герольдмейстер РФ Георгий Вилинбахов. – Яркий пример того, как новейшие технологии можно поставить на службу культуре и просвещению».

В целом выставка в «Новом Манеже» – это довольно редкий для России образец того, что приня-

то называть «мультимедиа». В одном пространстве сошлись классические статичные формы подачи экспонатов с самыми современными технологиями. Рядом с картинаами из Третьяковки, Русского музея, лондонского Имперского военного музея, фотографиями 100-летней давности – голограммы, интерактивные панели, киноролики. С грохотом жести перемешаны звуки военных маршей и солдатских песен. Большая тема разделена на отдельные самодостаточные фрагменты: георгиевские кавалеры; женщины, отправившиеся на войну; императорская семья и наследник престола великий князь Алексей; полководцы; вооружение и оснащение армий; боевые операции.

Посетителям было предложено включиться в процесс: зарегистрировать собственную страничку на интернет-портале «Народный архив документов Первой мировой войны», прямо на выставке наполнив ее тут же отсканированными семейными документами, письмами и фотографиями.

Всего на выставке демонстрировалось около 500 подлинных экспонатов, включая оригиналы писем императора Николая II, его дневников и семейных фотографий. Материалы предоставили 15 российских музеев, архивов и галерей, а также частные коллекционеры. Зарубеж-

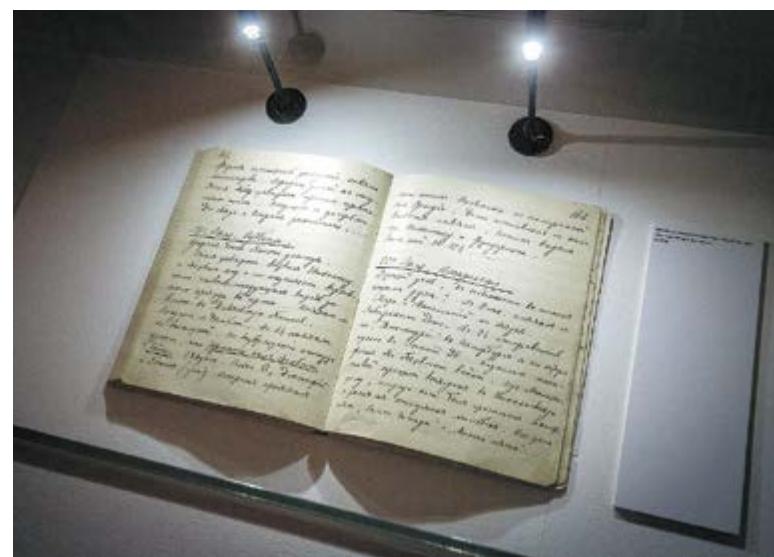

жье было представлено 13 музеями, архивами и организациями. В частности, Государственной архивной службой Украины.

«Выставку мы готовили не один месяц, – рассказал директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко. – И сил потратили много. В том числе потому, что задействованы были десятки организаций не только в России, но и в восьми странах. Кроме того, непросто было адаптировать мультимедийные технологии к собранным материалам. К слову, это первая выставка такого рода, созданная усилиями только российских специалистов. За время ее подготовки пришлось сменить

три команды технологов, и только последняя сумела предложить такой уровень, который нас устроил».

«Нас» – это тех, кто, собственно, и придумал проект. Вместе с Сергеем Мироненко это сделали режиссеры Павел Лунгин и Елена Якович, архитекторы Евгений и Кирилл Ассы. Соорганизаторами помимо ГАРФ выступили Министерство культуры РФ, Федеральное архивное агентство, Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО», правительство Москвы, Музейно-выставочное объединение «Манеж», Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество. ●

ПОД ЗАЩИТОЙ РУССКОГО ОРЛА

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

Нынешним летом латвийские рыбаки неожиданно обнаружили в Даугаве морскую якорную мину времен Первой мировой войны весом более 200 килограммов. Такой вот «привет» из прошлого в год 100-летия Великой войны. Или напоминание всем нам?..

В ИЮЛЕ 1914 ГОДА, ЕЩЕ до начала Первой мировой, адмирал Балтийского флота Николай Отто-вич Эссен приказал заминировать все подходы к Рижскому и Финскому заливам, что позже стало смертельным сюрпризом для моряков кайзера. В результате германская эскадра понесла страшные потери в Ирбенском проливе от подрыва на русских морских минах...

Хотя в Латвии сейчас об этом не особенно любят вспоминать, но в начале войны 1914 года латышский народ с небывалым патриотизмом встал на защиту Отечества, причем для многих это было тесно связано с понятием великой «Российской родины» на фоне исторической ненависти к немцам. Как писали газеты того времени, «из всех народов нашего Отечества наивысший патриотизм сейчас проявляет латышский народ». От желающих сражаться с врагами не было отбоя. За всю войну в царскую армию было призвано около 140 тысяч жителей Лифляндской и Курляндской губерний. Первое крупное сражение войны – Восточно-Прусская операция в августе 1914 года – развернулось в непосредственной близости от территории Лифляндии.

В исторических архивах сохранилось выступление депутата Госдумы Я. Голдманиса (в 1919 году он стал министром земледелия в правительстве Карлиса Улманиса), который в 1914 году заявил: «Среди латышей и эстонцев нет ни одного человека, который бы не сознавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, это достигнуто под защитой Русского Орла и

что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераздельной частью Великой России. Поэтому мы можем видеть теперь у нас такой подъем духа, такой энтузиазм стать на защиту своего дорого Отечества, что для нарисования правильной картины этого самые яркие краски были бы совершенно бледны. Эти великие дни доказывают, что ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества, стать плечом к плечу с великим русским народом против дерзкого врага». К слову, среди местных добровольцев нашлось и немало женщин, пожелавших во что бы то ни стало отправиться на фронт. Девушки сражались, получали награды, были ранены в боях, погибали. Поскольку официально женщины не имели права находиться в Российской армии в качестве военнослужащих, многие из них записывались на фронт под мужскими именами по документам своих погибших мужей или братьев. Среди россиянок такими смелыми «кавалер-девицами» в историю вошли Елена Цебржинская, Ольга Шидловская, Антонина Пальшина, Мария Бочкарёва. Ряды отважных воинов на фронтах Первой мировой пополнили и легендарные латвийские девушки, среди них – дочь священника рижской православной общины Неонила Тычинина, Паула Киса, Лина Чанка, Евгения Можейко, Нина Борх... Они храбро сражались в рядах латышских

стрелковых батальонов, которые были сформированы в августе 1915 года. Всего было создано восемь стрелковых батальонов, они входили в состав 12-й армии и сражались на рижском участке фронта.

Чудеса мужества и героизма проявили балтийские моряки. Так, экипаж канонерской лодки «Сивуч» вступил в неравный бой в Рижском заливе с германским крейсером «Аугсбург». Возглавляемая капитаном 2-го ранга П. Черкасовым канонерская лодка погибла, нанеся тяжелые повреждения вражескому крейсеру. Геройски сражался и старый линкор «Слава» под командованием погибшего во время сражения в 1915 году капитана 1-го ранга С. Вяземского. В 1915 году командование морских сил Рижского залива успешно применяло тактику высадки десантов на побережье, занятое неприятелем. Особенно удачной была высадка десанта моряками Минной дивизии под командованием капитана 1-го ранга А. Колчака в районе мыса Домеснес (Колкасрагс). Десант освободил тогда Кеммерн (Кемери). За эту операцию будущий адмирал был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени...

Кровавые бои развернулись в 1916 году, когда русские войска начали наступление на Северном фронте. «Островом смерти» был назван небольшой плацдарм неподалеку от латвийского городка Икшиле. Здесь в излучине Даугавы две бригады латышских стрелков вместе с сибирскими стрелками несколько месяцев сражались с кайзеровскими войсками. Сегодня на месте ожесточенных боев возвышается небольшой холм с братскими могилами, в каждой похоронено по 50–70 солдат и офицеров. Недавно группа энтузиастов расчистила и привела в порядок это место, а усилиями местной думы на холме был установлен четырехметровый восьмиконечный православный крест с памятной табличкой. Десятки братских могил и индивидуальных захоронений расположились вдоль шоссе Даугавпилс – Зарасай и в других местах, где сто лет назад шли кровопролитные бои. Всего же на территории Латвии насчитывается около 600 мест с захоронениями павших солдат всех армий Первой мировой войны...

Накануне 100-летнего юбилея Великой войны русские общественные организации Латвии провели серию мероприятий, посвященных памятной дате. Это и круглые столы с участием ведущих историков и публицистов, и семинары. А в рижском Доме Москвы открылись сразу две выставки: одна, подготовленная МИД РФ, была посвящена российской дипломатии. Эта передвижная выставка с фотографиями, документами и дипломатической перепиской периода Первой мировой войны прибыла в Ригу из Парижа, чтобы затем отправиться в другие страны. Над созданием второй выставки, посвященной хроникам Первой мировой войны на территории Латвии, работали латвийские историки из Рижского славянского исторического общества Олег Пухляк и Александр Ржавин. Выставка составлена из стендов, отражающих ход войны 1914–1916 годов. Как рассказал журналу «Русский мир.ru» Олег Пухляк, нынешней осенью и зимой выставка побывает во всех крупных городах Латвии. «Параллельно с демонстрацией стендов в школах и общественных организациях мы планируем провести различные лекции. При этом будем стараться не повторять везде один и тот же материал, а концентрироваться на местных событиях», – сообщил историк. – Например, в Лиепае (бывшая Либава) в те годы происходило очень много памятных событий, достойных внимания и изучения. Город не раз обстреливали с моря и бомбили самолетами. Жителям Прибалтики в начале 1915 года пришлось впервые пережить бомбовые атаки. Германские дирижабли наводили ужас на мирное население. Но под Либавой русским артиллеристам удалось сбить дирижабль системы «Парсиваль», и этот факт подробно отражен в наших материалах. Сбитый цепеллин имел вид огромной сигары, кстати, сборка дирижаблей позже проводилась в рижских ангарах, которые после войны и по сей день используются под павильоны Рижского центрального рынка».

На выставочных стенах также можно увидеть исторические фотографии, газеты и журналы, рассказывающие о посещении императором Николаем II Резекне в 1915

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Историк
Олег Пухляк
на выставке
в Доме Москвы

году. Интерес вызвали чертежи и снимки латвийского «броневичка», который пытались создать на местном заводе «Руссо-Балт» для нужд армии. Были изготовлены опытные модели танкетки «Вездеход», обладавшие большой проходимостью. Среди героев, отличившихся в боях, были и такие знаменитости, как прапорщик Николай Гумилев, ушедший на фронт добровольцем и служивший около Двинска (нынешнего Даугавпилса) в составе 5-го Александрийского гусарского полка. Другой кавалерист, воевавший под тем же Двинском, – полный кавалер Георгиевского креста Иван Тюленев, ставший во время Великой Отечественной войны командующим войсками Южного и

Закавказского фронтов и Героем Советского Союза. В районе Рижского взморья шли бои, в которых прославился кавалерийский отряд атамана Пунина. Воевавшие под его началом георгиевские кавалеры – а их здесь было более половины отряда особой важности при главкоме Северным фронтом – совершили глубокие рейды в тылы противника, занимаясь диверсионными действиями.

Бои на фронтах шли с переменным успехом, но после революции 1917 года в Ригу вошли германские войска. О том, как это происходило, видно и на фотографии, где кайзер принимает парад в самом центре Риги – напротив рижского Христорождественского собора.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На Покровском православном кладбище в Риге прошла панихида по русским воинам, павшим на фронтах Первой мировой войны

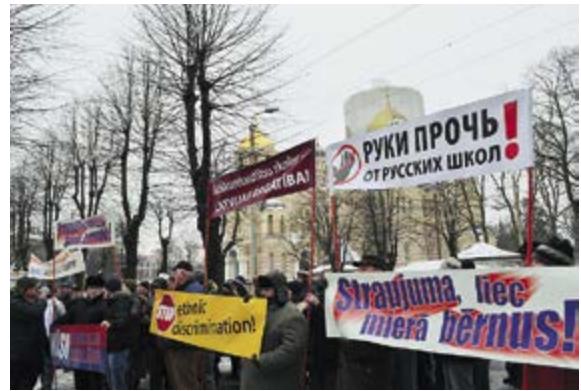
Завершает выставку стенд, демонстрирующий памятники Первой мировой, разбросанные по всем уголкам Латвии...

Как и во многих странах, прошедших через горнило Великой войны, в Латвии состоялись памятные мероприятия, посвященные трагическим событиям, унесшим миллионы человеческих жизней. По инициативе русской общины Латвии и Латвийской православной церкви на Покровском кладбище в Риге у памятника-обелиска русским воинам, павшим при защите Риги в Перву мировую войну, был организован молебен. Выступавшие у монумента историки и общественные деятели рассказали о подвиге русских и латышских солдат и офицеров, которые вместе сражались за наше Отечество. Представительница местного казачьего округа Людмила Бармина принесла фотографию своего прадеда в полевой форме – Ивана Егоровича Бармина, артиллериста, участника Первой мировой войны. Память о славном предке в их семье передается из поколения в поколение.

Собравшиеся с горечью говорили о том, что сегодня в Латвии сохраняется память лишь о латышских героях, о русских упоминается в лучшем случае вскользь. Вот и приходится нашим историкам по крупицам собирать сведения, изучать архивы, устанавливая имена сынов Российской империи, похороненных в братских могилах. На Покровском православном кладбище когда-то находилось братское захоронение моряков Балтийского флота, погибших за освобождение Риги в Первой мировой войне. Но сегодня никто не может точно указать даже место, где оно было. В 1928 году на пожертвования прихожан Покровской церкви здесь был установлен памятник русским воинам-героям Первой мировой войны. В торжественном молебне при открытии памятника участвовал архиепископ Иоанн Поммер, который обратился к собравшимся рижанам с речью: «Мы открываем здесь памятник русским воинам, «на полях браней за веру и Отечество живот свой положившим, от болезней и ран скончавшимся и от неверных венец мученический восприявшим». У нас

нет полного списка имен, почивающих на месте се. Сохранившиеся имена мало говорят сами по себе нашему сознанию. Громких имен здесь нет ни одного. Не в именах здесь дело. Благородное, благодарное и свободное подлинное русское сознание здесь, во услышание всего мира, свидетельствует свое глубочайшее уважение и преданность исконным русским идеалам, неразрывно связанным с верою отцов и с национальными русскими заветами... В августе 2014-го эстафету из рук архиепископа принял отец Василий, священнослужитель Покровской церкви, он и провел памятную панихиду по погибшим воинам. Батюшка призвал всех помнить о павших в боях воинах: «В том далеком, 1914 году они погибли и за наше с вами счастье, за нашу с вами мирную жизнь...»

Одна из организаторов памятного мероприятия – член правления русской общины Латвии, юрист и общественный омбудсмен от Конгресса неграждан Елена Бачинская – напомнила об огромных жертвах той войны, унесшей миллионы человеческих жизней: «Накануне Первой мировой многие считали, что войны могут происходить где угодно, но только не в Европе с ее высочайшим уровнем культуры, гуманитарным и общечеловеческим развитием. Однако корысть и ненависть, намеренно взращенные в умах и сердцах людей, обернулись кровавой бойней, в которую были втянуты многие страны. Миллионы мирных людей погибли! Сегодня в мире страшно быть русским. Русофобская и антироссийская пропаганда усиливается день ото дня, и происшедшее на Украине доказывает, что уничтожать русских – это почетно и не осуждается в мировом сообществе, особенно под лозунгом внедрения «демократических европейских ценностей». Сегодня мы видим, как набирает силу курс на демонизацию русских, России и всего Русского мира. Грустно, что и некоторые наши соотечественники принимают в этом участие, пытаясь даже извиняться за то, что они русские. Цель ясна: нужно раздробить русскую общину, чтобы было легче вообще лишить ее голоса. Не получится! Не за это отдавали свои жизни наши предки». ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«МЫ НЕ СДАДИМСЯ!»

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В РИЖСКОМ ДОМЕ МОСКВЫ СОСТОЯЛАСЬ 7-Я КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ «РУССКИЙ МИР ЛАТВИИ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА». В РАБОТЕ ФОРУМА УЧАСТВОВАЛИ 223 ДЕЛЕГАТА ОТ 102 ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРИГЛАШЕННЫЕ ГОСТИ. УВЫ, НЕ ОБОШЛОСЬ БЕЗ ОЧЕРЕДНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СКАНДАЛА – ВЛАСТИ ЛАТВИИ НЕ ВПУСТИЛИ В СТРАНУ ПРИГЛАШЕННОГО НА КОНФЕРЕНЦИЮ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ФОНДА ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ, ИГОРЯ ПАНЕВКИНА.

МОСКОВСКИЙ ГОСТЬ, К СЛОВУ ИМЕЮЩИЙ дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посланника России, до этого в Латвии ни разу не был. Следовательно, никоим образом не мог нарушить местное законодательство или причинить вред латвийскому государству. Не было его имени и в пресловутом европейском санкционном списке. Тем не менее в аэропорту Риги при прохождении пограничного контроля Игорь Константинович, к его большому удивлению, был остановлен сотрудниками Полиции безопасности Латвии, которые объявили о нежелательности его пребывания в республике. Руководителю правозащитного фонда пришлось разворачиваться и лететь обратно. Отправив сообщение участникам конференции с пожеланием конструктивной работы на благо Русского мира, глава правозащитного фонда назвал действия латвийских властей попыткой воспрепятствовать нормальным контактам с соотечественниками, которые борются за права, предусмотренные международными нормами. «Под угрозой оказываются наши соотечественники, их язык, история, законные права. При этом права не только русских и русскоязычного населения, но и многих тех, кто ассоциирует себя с Русским ми-

ром», – написал Игорь Паневкин в своем обращении. Также он заверил, что фонд в меру своих полномочий готов содействовать тезису, выдвинутому российским президентом, о том, что Россия будет отстаивать права соотечественников за рубежом, используя для этого весь арсенал имеющихся средств – от политических и экономических до предусмотренных в международном праве гуманитарных операций.

Посол РФ в Латвии Александр Вешняков в своем приветственном слове участникам конференции назвал действия властей Латвии очередным недружественным шагом в отношении России. Он заверил, что в работе с соотечественниками, в том числе и в Латвии, Россия сохраняет исключительно позитивную повестку дня. Никаких тайных целей и коварных планов, в чем периодически обвиняют россиян некоторые латвийские политики, никто не вынашивает. Посол предложил успокоиться тем, кто пророчит Латвии судьбу Крыма и приход сюда «вежливых людей». Россия выступала и выступает за стабильное развитие Латвии, за межнациональный мир и согласие. Александр Вешняков обещал и в дальнейшем поддерживать в Латвии проекты, направленные на сохранение здесь русскоязычного культурного пространства, такие как праздник русского языка и литературы «Татьянин день», театральный молодежный фестиваль «Русская классика Латвии», Дни русской культуры в Латвии. В рамках программы Министерства образования и науки России за минувшие четырнадцать лет около тысячи выпускников латвийских школ смогли бесплатно получить высшее образование в российских вузах. В этом году 86 юношей и девушек из Латвии стали студентами различных вузов РФ.

Надо заметить, именно проблема образования и возможности его получения на русском языке в Латвии была основной темой форума соотечественников в Риге. Ровно десять лет назад в Латвии в результате проведенной с огромным скандалом школьной реформы обучение в русских школах начало осуществляться по билингвальной модели: 60 процентов предметов – на государственном языке и 40 процентов – на русском. Как мы уже писали, нынешние власти Латвии планируют через четыре года оставить в школах нацименьшинств всего лишь 20 процентов школьных предметов на родном языке. Как считают правозащитники, это приведет к ликвидации русского образования, что сделает фактически невозможным дальнейшее существование русской лингвистической общины. Чтобы успешно противостоять этому, необходимо тщательно проанализировать опыт защиты прав русскоязычного населения в предшествующий период. Наметить план правозащитной деятельности на ближайшие годы предложил участникам конференции координатор Совета общественных организаций Латвии Виктор Гущин. «Проблема даже не только в том, что после ликвидации русской школы очень быстро уйдет в небытие русская культура Латвии в том огромном многообразии, в котором она существует сегодня, – сказал Виктор Гущин. – Останутся лишь танцы в национальных костюмах да песни под баян по воскресеньям. Ликвидация русского образования, основанного на русских духовных ценностях, неизбежно приведет к воспитанию русофобов среди молодого поколения русских людей, которые могут стать еще

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Посол РФ в Латвии Александр Вешняков обещал и впредь поддерживать проекты, направленные на сохранение русского языка и культуры

более ярыми латышскими националистами, чем сами латышские националисты. Именно к такому результату привела для части русскоязычных жителей 23-летняя промывка мозгов на Украине». Сопредседатель Латвийского комитета по правам человека Владимир Бузаев («Русский союз Латвии») рассказал о слаженных совместных действиях двух организаций – Конгресса неграждан и Штаба защиты русских школ, – которые весной подготовили и провели более 10 акций протеста, в результате чего обещанная дискриминационная реформа была перенесена на год, хотя ее поэтапное введение планировалось уже в нынешнем учебном году. Русскоязычные жители Латвии – а это почти 40 процентов населения, которые платят такие же налоги, как и титульные граждане, – не требуют для себя ничего запредельного. Возможность обучать детей на языке семьи, право на использование языков нацименьшинств в местах их компактного проживания – эти нормы считаются стандартными во всех цивилизованных странах. Вот и мартовская резолюция Комитета по правам человека ООН потребовала от Латвии пересмотра закона о языке и его репрессивной практики, предложив ликвидировать языковых инспекторов и языковые запреты на профессии. Местная газета «Латвияс авизе» в сердцах назвала факт появления данной резолюции капитуляцией латвийской дипломатии. Да только пока никто белый флаг выбрасывать здесь не собирается. Что ж, значит, акции протеста придется продолжать... И они уже вовсю идут. В сентябре в центре Риги прошел митинг-концерт «За русские школы», намечены мероприятия и на октябрь. А вот по мнению председателя правления Латвийской ассоциации в поддержку школ с обучением на русском языке (ЛАШОР), депутата Сейма от партии «Согласие» Игоря Пименова, русские школы в Латвии не удалось отстоять из-за отсутствия поддержки среди латышского населения, с которым не был налажен диалог по этому вопросу. Требование статуса для русского языка и нулевого гражданства окончательно оттолкнуло латышского обывателя от защитников русских школ, уверен Пименов. Ошибкой, по его мнению, был и лозунг «Реформе – нет!», так как он был воспринят как нежелание проводить какие-либо изменения в сфере образования. «Мы, русскоязычные жители Латвии, – часть Латвии. Это наша страна. В ней будущее наших детей и внуков. При этом у нас может быть две родины: Латвия и Россия, Латвия и Украина, Лат-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Сегодня единственная партия, которая открыто выступает за интересы русскоязычных жителей – «Русский союз Латвии», возглавляемый Татьяной Жданок

вия и Израиль – этот ряд можно продолжить, – сказал лидер ЛАШОР. – Диалог с латышами – это прежде всего наше отношение к латвийскому государству. Да, оно ущербно. Оно ограничивает применение и воспроизведение русского языка, на котором говорят около 40 процентов ее жителей. Оно не допускает до власти без малого 300 тысяч неграждан. Оно проводит экономическую политику, загнавшую людей в нищету, депрессию и эмиграцию. Но при всех этих художествах Латвия – свободная и демократическая страна, а не фашистский питомник. Другое отношение к государству неизбежно оттолкнет от нас латышей, изолирует всех, кто выступает за русскую школу, и усилит влияние как раз тех политиков, кто ее изводит. И это главный урок». Но с позицией представителя «Согласия», простили за тавтологию, согласились далеко не все.

Один из лидеров движения в защиту русских школ, доктор педагогики Валерий Бухвалов, признал, что сегодня уже не стоит рассчитывать на массовость акций протеста, как это было десять лет назад. Многие приспособились, или уехали, или просто потеряли надежду на успех. Но отчаяваться рано, надо искать другие формы защиты русских школ, уверен педагог. И один из таких путей, по его мнению, – организация диалога родителей со школами и, особенно, с Министерством образования. Этот путь не требует массовости, но, если в каждой школе хотя бы двое–трое родителей начнут такую работу, это тоже может принести свои плоды. Активисты Штаба подготовили специальные брошюры для родителей, готовых работать в родительских школьных комитетах и защищать права школ на формирование русской культурной идентичности. Буклеты, подготовленные при поддержке Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, получили все участники конференции для дальнейшего распространения. Говоря о проблемах русской общины Латвии, многие выступающие упоминали трагические события, происходящие на Украине, и сравнивали их с ситуацией в странах Балтии. Так, депутат Европарламента, лидер партии «Русский союз Латвии» [бывший ЗАПЧЕЛ] Татьяна Жданок уверена, что сегодня на кон в большой игре поставлено достоинство Русского мира. «На каждом маленьком клочке земли – там, где есть русский дух, – мы поднимаемся во весь рост и боремся за достоинство и справедливость.

Мы делали это в середине 90-х, когда в Латвии путем искусственного создания нелегалов и неграждан старались выдавать максимальное число нелатышей, и в начале 2000-х, когда с помощью реформы русских школ пытались подвергнуть ассимиляции нашу молодежь. Мы прорвались... Мы обязаны прорваться и сейчас, когда Европу пытаются накрыть волной ненависти к России и всему русскому», – сказала известный политик и борец за права нацименьшинств на европейском пространстве. Татьяна Жданок считает, что сегодня прошло время неопределенности. На двух стульях уже усидеть не получится. В последнее время, как рассказала Татьяна Аркадьевна, ей приходилось давать интервью крупнейшим американским, немецким и японским телеканалам. И все они добивались от нее ответа, призовут ли русскоязычные жители Прибалтики на помочь Россию для решения своих русских проблем. «Это мы, русские Латвии, помогали России осознать, как надо отстаивать свое право на достоинство, – так мы отвечаем на этот вопрос, – сказала политик. – Сейчас весь Русский мир осознал необходимость вступить в такую схватку. И еще я сказала: не надейтесь, мы не сдадимся!» В Латвии для многих национально настроенных политиков стала неприятным сюрпризом недавняя убедительная победа Жданок на последних выборах в Европарламент, притом что очень многие эксперты предрекали русской партии оглушительное поражение! В октябре «РСЛ» будет бороться за свое представительство в Сейме Латвии. Сегодня это единственная в стране партия, которая открыто выступает за интересы русскоязычных жителей Латвии.

Помимо различных резолюций и заявлений, касающихся ситуации в стране с правами русскоязычного населения, на конференции была поддержана инициатива депутата Конгресса неграждан Латвии Владимира Соколова о создании антивоенного движения в Европе. В июне было собрано более 800 подписей жителей Латвии под письмом «Нет войне в центре Европы!», текст которого инициаторы разослали в 17 международных институтов. По мнению автора, массовое антивоенное европейское движение может объединить не только правозащитников, но и всех людей, кто придерживается заповеди «Не убий». Сегодня власти Балтийских стран активно выступают за размещение на своей территории войск НАТО на постоянной основе, а также за применение ЕвроПРО против России. «Таким образом, можно констатировать, что спираль конфронтации раскручивается не только в политической, но и в экономической и военной областях. Надежда на мудрость, здравый смысл и pragmatичность политиков вызывает все больше сомнений во всех слоях общества. Но воевать придется именно простым людям, а не политикам, ведь не случайно когда-то говорилось, что война – единственное развлечение королей, в котором может участвовать простой народ. Неужели гражданское общество Европы согласно в очередной раз стать пушечным мясом? Мы с этим категорически не согласны! Если политики уже практически развязали войну, то первоочередная задача каждого европейца сегодня – создание массового антивоенного движения в Европе», – сказано в резолюции конференции российских соотечественников Латвии, которые призывают присоединиться к антивоенному движению всех жителей нашей Земли.

МОЛДАВИЯ ТЕРЯЕТ ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

В ЭТОМ ГОДУ В МОЛДАВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ НЕТ ПЕРВОГО КУРСА ФИЛФАКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. НЕ НАБРАЛИ СТУДЕНТОВ. ТАКАЯ ЖЕ ИСТОРИЯ В СЛАВЯНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ИЗ ЧЕТЫРЕХ КИШИНЕВСКИХ ВУЗОВ, ГДЕ ЕСТЬ РУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА, ЛИШЬ ОДИН МОЖЕТ ПОХВАСТАТЬСЯ НАЛИЧИЕМ НА НЕМ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ.

Э

ТО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени И. Крянгэ, предоставляющий максимальное количество бюджетных мест. За альма-матер радостно. Но тревожат перспективы: через несколько лет специалисты по русскому языку станут в Молдавии такой же редкостью, как, например, космонавты. Во всяком случае, такое складывается впечатление.

Эксперты, комментирующие ситуацию для «Русского мира.ру», назвали несколько причин сложившегося положения. Во-первых, в этом году свыше 40 процентов выпускников не смогли сдать экзамен на степень бакалавра (в Молдавии ее получают по завершении лицейского образования). Виной тому, говорят в Минпросвете, плохая подготовка кандидатов. Учителя, ученики и их родители придерживаются иного мнения и ругают чиновников от образования за зверские методы повышения объективности оценки. Экзамены проходили с металлоискателями, видеокамерами, железной дисциплиной, не позволяющей выпускникам не то что переговариваться друг с другом – в туалет выйти. В итоге стрессы и аннулированные работы. Без дипломов бакалавра осталось около 12 тысяч выпускников – потенциальных студентов университетов. И если до прошлого года они могли сдавать бакалаврские экзамены после первого курса вуза, то в этом году министерство запретило приемным комиссиям принимать документы у абитуриентов-небакалавров.

Вторую причину эксперты видят в количестве университетов на душу населения. Только в Кишиневе с его населением в 800 тысяч человек более 30 вузов, большинство из которых частные. «Кто и, главное, как там преподает, неизвестно, – признался в беседе с корреспондентом «Русского мира.ру» преподаватель госуниверситета, попросивший не называть его имени. – Принимают двоечников, выпускают недоучек. И это дискредитирует саму идею высшего образования. К тому же профессия филолога сейчас вообще непопулярна. Все хотят быть юристами и экономистами».

Ректор Славянского университета, член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор педагогики Татьяна Млечко утверждает

ет, однако, что интерес к профессии филолога не пропал, и это подтверждает и число лицеистов-участников олимпиад по русскому языку, и качество их подготовки. «Многие хотели бы связать жизнь со служением слову, но их останавливает перспектива оставаться безработными», – считает она. В мае Молдавское общество преподавателей русского языка и литературы организовало встречу специалистов республики. «Мы думали, что молодые учителя будут говорить о необходимости проведения образовательных семинаров, о недостатке литературы, но в итоге выяснилось, что самая большая проблема – это трудоустройство. Выпускники филологических факультетов не могут найти работу в школах, потому что год от года сокращается число учеников, количество часов, вышедшие на пенсию учителя продолжают преподавать, потому что пенсии им не хватает, и так далее. И наших выпускников можно встретить в бутиках, в туристических агентствах, на курсах бухгалтеров, где удобно, но не в школах», – рассказывает Татьяна Млечко. Перспектива их трудоустройства по специальности едва просматривается в тумане. «Ниша для них образуется, когда из школ уйдет старшее поколение. Или раньше, когда будет введен в действие Кодекс об образовании и станет понятно, в каком объеме и статусе останется в школах русский язык», – продолжает ректор Славянского университета.

Кодекс об образовании был принят молдавским парламентом 18 июля 2014 года. Принят «скоропостижно», без широкого обсуждения в обществе. Более того, основные его положения знают лишь специалисты, принимавшие участие в его подготовке, и депутаты, которые за него голосовали или не голосовали. Документ до сих пор не опубликован. По словам спикера парламента Игоря Кормана, сейчас идет его редактирование. Стилистическое, а не смысловое. Но уже известно, что в школах с молдавским языком обучения русский будет изучаться как иностранный, наряду с английским или французским. Еще до принятия документа в эфире одного из местных телеканалов министр просвещения Молдавии Майя Санду заявила, что государство берет на себя ответственность гарантировать изучение английского языка, а «русский станет предметом по выбору» (по новому законодательству, лицеисты смогут выбирать для изучения 25 процентов предметов, гимназисты – 15). И это в маленькой стране, где целые регионы считают русский вторым родным языком, как, скажем, жители Гагаузской автономии или северных районов Молдавии.

Кроме того, статья 10 Кодекса об образовании определяет, что «в образовательной системе процесс обучения проводится на румынском или, в границах возможностей системы просвещения, на языке национальных меньшинств или одного из языков международного общения». А «государство гарантирует конституционное право родителей и учеников выбрать язык обучения на всех уровнях обязательного образования в зависимости от возможностей системы просвещения». «Это цитата из документа, – утверждает член парламентской комиссии по образованию, культуре и СМИ Инна Шупак. – Фактически доступ к образованию в Молдавии на родном языке ставится в зависимость от финансовых возможностей. Вывод однозначен: речь идет о грубейшей дискриминации по этническому принципу».

Сегодня в Молдавии работают 263 учебных заведения на русском языке. В министерстве говорят, что с принятием нового Кодекса об образовании ничего не изменится, они и дальше будут работать. Но чиновникам не верят, и для этого есть все основания. Образование на русском языке в Молдавии сокращается, и пока что его перспективы незавидные. Увы.

ПАМЯТЬ НА ГЕННОМ УРОВНЕ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ФОТО

СВЕТЛАНЫ ДЕРЕВЩИКОВОЙ

ИЗ ШКОЛЬНОГО КУРСА ФИЗИКИ МЫ ПОМНИМ: СИЛА ДЕЙСТВИЯ РАВНА СИЛЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ. ИЗ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА ЯСНО: ЧЕМ НАСТОЙЧИВЕЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЛИЦА МОЛДАВИИ ПЫТАЮТСЯ ПРЕДАТЬ ЗАБВЕНИЮ ПОДВИГ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ТЕМ ШИРЕ ОБЫЧНЫЕ ГРАЖДАНЕ ОТМЕЧАЮТ И ДЕНЬ ПОБЕДЫ, И ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ МОЛДАВИИ ОТ ФАШИСТОВ. ПЕРЕД ЗАКОНАМИ ПРИРОДЫ ПОЛИТИКА БЕССИЛЬНА.

В этом году исполнилось семьдесят лет со дня начала Ясско-Кишиневской операции, которая вошла в число «десяти сталинских ударов», внесших огромный вклад в победу антигитлеровской коалиции над фашистской Германией в ходе Второй мировой войны. Ясско-Кишиневская операция – седьмая в этом списке. За исключительно короткий срок – всего 9 дней – советская армия нанесла сокрушительное поражение немецкой группе армий «Южная Украина», потерявшей 22 своих и все союзнические румынские дивизии,

и прорвалась вглубь Румынии. Фашистский режим Антонеску был свергнут. Румыния объявила войну Германии и две свои армии направила в подчинение командованию 2-го Украинского фронта. Историки говорят, что эта блистательная стратегическая операция предрекла Великую Победу. 24 августа, несмотря на проливной дождь, тысячи людей из всей Молдавии приехали в маленькое село Шерпены. Здесь на высоком берегу Днестра летом 1944 года шли самые ожесточенные бои. В 2004-м на том месте, где когда-то молдаване и русские, казахи и украинцы, татары и

узбеки отвлекали на себя внимание неприятеля, чтобы такие же простые солдаты, как они, двинулись с соседнего Кицканского плацдарма на Кишинев, установлен одетый в мрамор и гранит мемориальный комплекс. В специальном сейфе-алтаре хранятся списки тех, кто погиб, защищая молдавскую землю. 12 тысяч человек. Ежегодно списки пополняются: на Шерпенском плацдарме происходит перезахоронение останков солдат, обнаруженных поисковыми отрядами уже в наше время. 13 солдат перезахоронили и в этом году. Акция была организована Русским историко-патриотическим клубом и поисковым отрядом «Август» при поддержке посольства России в Кишиневе и Российской центра науки и культуры.

А вечером в кишиневском «Зеленом театре», под открытым небом, состоялся концерт Государственного академического русского народного ансамбля «Россия» им. Людмилы Зыкиной и народного артиста России Александра Михайлова. Артисты долго не отпускали со сцены, и, когда вместе с ними тысячеголосый хор зрителей грянул «День Победы», мураски побежали по коже. Никакая geopolitika и ни один «текущий момент» не могут повлиять на ощущение родства и единства, на то, что называется памятью народной, а скорее, генной памятью поколений.

ПРЕЗЕНТАЦИИ И КОНФЕРЕНЦИИ

Впрочем, день 24 августа был не первым и не последним днем, когда в Молдавии вспоминали события далекого 1944 года, а торжественные митинги на Шерпенском плацдарме и кишиневском мемориальном комплексе «Вечность» – важными, но не единственными мероприятиями, посвященными 70-летию освобождения Молдавии от фашизма. В их числе была Неделя военного кино, проходившая в столице Приднестровья – Тирасполе. Организованный там же и в соседних Бендерах форум «Ясско-Кишиневская операция. Навеки в памяти народной». Тематическая выставка «Путь к Победе» и презентация книг в Российском центре науки и культуры в Кишиневе. Обе работы – «Люди, которые спасли мир» и информационный сборник для юношества «Великие битвы

Великой войны» – подготовлены по инициативе ветеранов Великой Отечественной войны и при поддержке посольства РФ, РЦНК и Координационного совета российских соотечественников Молдавии.

А еще в Кишиневе и Тирасполе прошло сразу несколько научных конференций. «70 лет освобождения Молдавии от фашистских оккупантов» – так назывался форум, организованный партией «Renastere-Возрождение». Его участники приняли декларацию, где с тревогой констатировали: «Происходит новая фашизация мира. Если не остановить огонь войны на Украине, не дать отрицательную оценку действиям руководства Украины, не поддержать Российскую Федерацию в ее стремлении остановить фашизм на постсоветской территории, то geopolитические прогнозы распространения фашизма могут быть самые неблагоприятные для мирного населения. Сегодня мы не только отмечаем 70-летие победы над фашизмом в Молдавии, но и призываем, как когда-то в годы Великой Отечественной войны, объединиться вокруг России и дать отпор коричневой чуме. Мы заявляем, что, когда нацизм, неофашизм набирает силу, молчание интеллектуального сообщества является не только катастрофической ошибкой, предательством памяти погибших в ВОВ, но и преступлением. Все народы, прошедшие адовые муки войны, обязаны сплотиться перед лицом новой опасности и дать отпор неофашизму. Иначе многомиллионные жертвы, которые понесли наши народы семидесят лет назад, будут напрасны».

ИСТОРИЮ НЕ ПЕРЕПИШЕШЬ

По сути, эта же мысль содержалась и в докладах участников другой конференции – «Освободительные Канны 44-го: Ясско-Кишиневская операция и крушение гитлеровского господства в Юго-Восточной Европе (военное, политическое, историко-культурное измерения)». Ее организаторами стали Днестровско-Прутский информационно-аналитический центр Российского института стратегических исследований совместно с Приднестровским государственным университетом им. Т.Г. Шевченко. В форуме участвовали ученые из Молдавии, России, Болгарии. Конференция началась 31 августа в Тирасполе и закончилась 1 сентября в Кишиневе. Особый интерес ее участников вызвали доклад сотрудника Института славяноведения Российской академии наук, кандидата исторических наук Татьяны Покиваловой «Великие державы и ход переговоров о выходе Румынии из фашистского блока» и презентация нового проекта болгарских ученых Инны Манасиевой и Пети Димитровой, посвященного трансформации видения Второй мировой войны в болгарской научной, общественной и политической среде.

15 сентября в рамках международной научной конференции «Ясско-Кишиневская операция: мифы и реалии» в Кишиневе состоялся круглый стол. Один из его организаторов, председатель общественного движения «Родина – Евразийский союз» Игорь Тулянцев, заявил на открытии: «Наше общество искренне уважает подвиг своих предков, несмотря на попытки властей переписать историю».

И это чистая правда.

«КОНЕЦ ИСТОРИИ» ОТМЕНЯЕТСЯ

Почему
в России
все же не будет
единого учебника
истории

автор

АННА ЛОЩИХИНА

С ЭТОГО УЧЕБНОГО ГОДА В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ НАЧАЛОСЬ ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ПО-НОВОМУ. ОДНАКО ВОВСЕ НЕ КАК БЫЛО ОБЕЩАНО МИНИСТЕРСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ – ПО ЕДИНОМУ УЧЕБНИКУ.

ТЕПЕРЬ ИСТОРИЯ ИЗУЧАЕТСЯ по единому историко-культурному стандарту, на основе которого разрабатывается целая линейка учебников истории. Их издание ожидается в 2015 и в 2016 годах. – Скорее всего, единого учебника истории не будет, – заявил в Российской академии наук министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов. – У нас будет единый историко-культурный стандарт. Вот он разработан, изданы методические рекомендации, как его внедрять, учителя прошли курсы повышения квалификации, в школы поступили методические рекомендации. Итак, получается, что новая концепция изучения истории есть, а учебников, способных вдохнуть в нее жизнь, пока нет. И хотя Минобрнауки уверяет, что экспертиза ожидаемых новых учеб-

ников истории пройдет максимально быстро, к ней, экспертизе, ученых по-прежнему много вопросов.

– Концепция преподавания разработана в целом, – говорит Сергей Журавлев, заместитель директора по научной работе Института российской истории РАН. – Она сняла проблему однобокости подхода к масштабным историческим событиям, устранила попытки умолчания или обеления тех периодов отечественной истории, которые считались спорными, замалчивались или страдали множеством трактовок, которые путали обывателя и отдаляли его от науки. Однако новая концепция преподавания истории – это инструмент, которым, во-первых, надо учиться пользоваться. Во-вторых, концепция постоянно будет дополняться и совершенствоваться.

Как полагает Журавлев, в рамках единого историко-культурного стандарта ученые пришли к согласию прежде всего по ключевым событиям XX века и советскому периоду истории, но еще предстоит научная экспертиза новейшей истории XXI века. Так, теперь в концепции нового учебника истории русские революции – Октябрьская и Февральская – объединены в Великую русскую. В концепции и методическом пособии к ней говорится о Великой русской революции, которая разделена на три этапа – Февраль 1917 года (раньше называлась «Февральская революция»), Октябрь 1917-го (раньше называлась «Великая Октябрьская социалистическая революция») и третий этап – Гражданская война 1917–1923 годов. Работы над оценкой истории советского периода, революции 1990–1991 годов, создания СНГ, реформ Бориса Ельцина, «шоковой терапии», первой и второй чеченских войн в целом достигли научного консенсуса, но продолжаются. И, по прогнозам, будут дорабатываться не менее пяти лет.

Еще сложнее ситуация с новейшей историей нового столетия. Так, еще предстоит написать главы учебника по воссоединению Крыма и России в 2014 году

и учебник по истории Новороссии, которые станут составной частью школьной истории. Как заметил политолог Игорь Шатров, в этом смысле сегодня актуален как никогда Бисмарк: «В войне, которую выиграла Германия (война XIX века за объединение страны. – **Прим. авт.**), победил прусский школьный учитель». Игорь Шатров, перефразируя Бисмарка, утверждает, что в XXI веке – в эпоху Интернета и свободы слова – войны выигрывают СМИ и культурно-информационное пространство, соответственно «настроенное» в том числе в отношении Крыма и Новороссии.

– Фильтруемое, переписываемое и зомбируемое прошлое делает его непредсказуемым, – уверен Игорь Шатров, – разрушает настоящее и лишает нас будущего. Именно поэтому через создание общей истории и согласованных на нее взглядов, через терпеливое и кропотливое просвещение нам надо делать так, чтобы факты становились историей, а не их интерпретация. Например, через создание общих или двусторонних, я имею в виду между странами, в первую очередь СНГ, учебников истории.

Эту мысль также высказывают многие ученые. Однако они заметно осторожнее политологов.

– Тут важно синхронизировать два школьных курса истории, – убежден Александр Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН, – зарубежной и отечественной. И раньше, и сегодня было и остается заметным изъяном преподавание этих курсов разрозненно, а потому несвязано. Настолько, что у школьников не складывается единой исторической картины мира. Сломить эту тенденцию, увы, устоявшуюся, будет сложно. Один из способов – подготовка двусторонних, трехсторонних или разрабатываемых коллективом международных авторов учебников истории. Такая работа, несмотря на ее трудоемкость и затратность, ведется. И весьма успешно. Правда, пока локально. Как считает Александр Чубарьян, такой подход не только позво-

лит школьникам получать представление о том, что происходило в мире в тот или иной период развития России, но и будет способствовать созданию учеными разных стран научной, не идеологизированной картины мира. Правда, как признают и в Институте всеобщей истории РАН, и в Институте российской истории РАН, привлечение международных экспертов к выработке согласованных исторических трактовок событий или совместных учебников истории имеет несколько трудностей. Первая – объективная. У России и СНГ различная периодизация истории, и ученым разных стран еще предстоит определиться по периодам нашей некогда общей истории. Вторая трудность – субъективная. Часть стран СНГ и Балтии свою национальную историческую традицию и историческую науку строят на создании образа врага, и, к сожалению, на эту роль выбран большой сосед – Россия. И хотя создано несколько научных двусторонних комиссий России – с Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Молдавией, Латвией и рядом других стран, – они пока неэффективны. Так, российско-латвийская комиссия и российско-украинская несколько раз приостанавливали свою работу «из-за неразрешимых противоречий». Правда, не между учеными, а между политиками стран, пытавшимися навязывать историкам свои трактовки и видение тех или иных исторических событий.

Поэтому, как прогнозируют многие историки, несмотря на пожелание президентов стран Таможенного союза и их инициативу «написать совместный учебник истории СНГ», который бы преподавался в странах Содружества по согласованным стандартам, вряд ли эта инициатива реализуется в ближайшие годы. Пока试点ным проектом остается российская инициатива изучения истории по единому историко-культурному стандарту, на основе которого разрабатывается целая линейка учебников истории.

ЗДЕСЬ ЕСТЬ НЕБЕСНЫЙ СВОД

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЕВА

18 СЕНТЯБРЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ А.С. ПУШКИНА В МОСКВЕ ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА «МОЙ ДОМ ВЕЗДЕ, ГДЕ ЕСТЬ НЕБЕСНЫЙ СВОД...», ПОСВЯЩЕННАЯ 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА.

собных отвлечь нас от национального юбилея. Но... От музея-заповедника «Тарханы», где Лермонтов провел детство в усадьбе бабушки Елизаветы Арсеньевой, до границы с Луганской народной республикой – всего 450 километров...

Тем не менее страна не забыла! О том, что 200-летие великого сына земли русской не останется и не осталось незамеченным, говорили все организаторы московской выставки, представлявшие Государственный музей-заповедник «Тарханы», Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Государственный музей-заповедник Лермонтова в Пятигорске, Государственный Литературный музей, Государственный архив литературы и искусства, Дом-музей Лермонтова в Москве и, разумеется, Государственный музей А.С. Пушкина. Говорили не только в контексте открывшейся выставки, но и в связи с теми событиями и мероприятиями, что прошли и пройдут по всей стране.

Но – пора и в музейные залы!

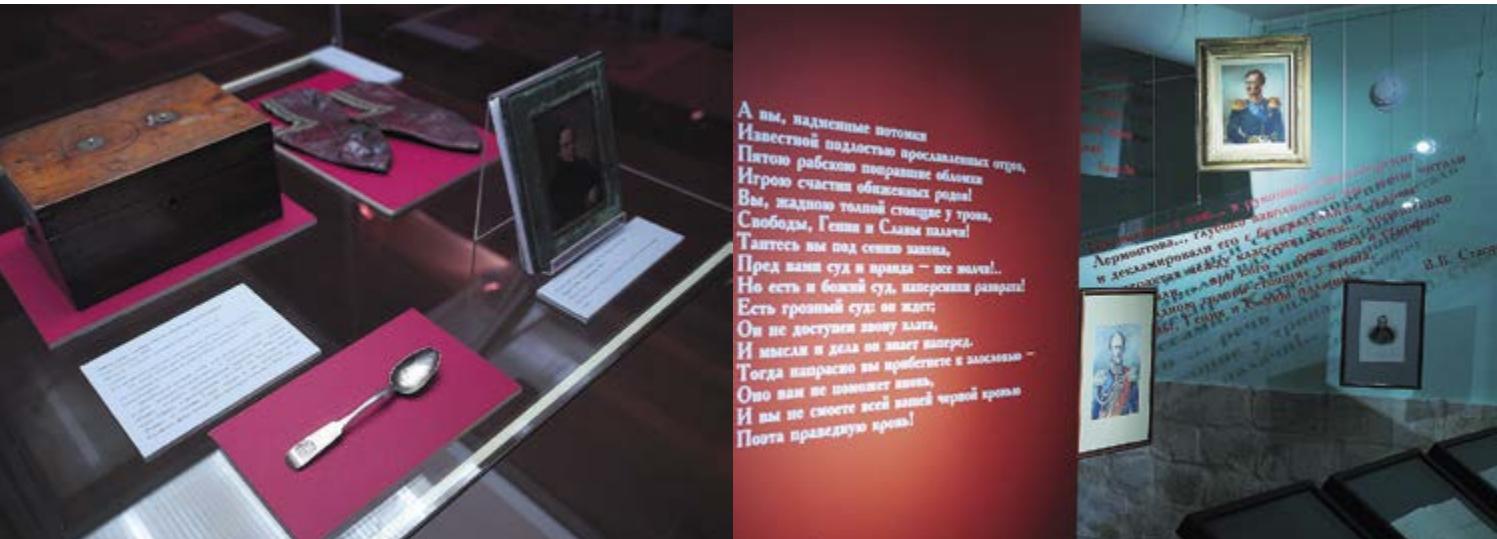
Главная лермонтовская выставка развернута в двух обширных залах музея на Пречистенке. Основная

КСЧАСТЬЮ, СОХРАНИ-
лись в национальном со-
знании имена, которые в
расшифровке и дополне-
ниях не нуждаются. Независимо от
возраста, образования, этнической
принадлежности, никому не толь-
ко в России, но и многим за ее пре-
делами не надо объяснять, кто та-
кие Ломоносов, Суворов, Пушкин,
Толстой, Достоевский, Менделеев,
Чайковский, Чехов. В полной мере
это относится и к гению Михаила
Лермонтова.

Так случилось, что лермонтовские
юбилеи и круглые траурные даты в
России отметить достойным образом
не удавалось. В 1914-м вспомнить

100-летие рождения поэта помешала
Первая мировая война. В 1941-м,
когда исполнялось 100-летие со
дня безвременной гибели Михаила
Юрьевича, свою черную леп-
ту внесла Великая Отечественная.
В 1991-м, когда исполнилось 150 лет
со дня смерти, помешали события,
следствием которых стало исчезно-
вение страны, собиравшейся покло-
ниться этой дате...

Лермонтов – фигура мистическая.
Не менее чем Николай Гоголь. Эта
череда совпадений навсегда оста-
нется для нас загадкой. И вот на-
стал 2014 год, 200-летие со дня рож-
дения русского гения. Казалось бы,
ничто не предвещало событий, спо-

ее часть – хронологически выстроенная экспозиция, состоящая из уникальных документов, рисунков, живописных полотен, рукописных материалов, мемориальных вещей. Надо заметить, что в спецхранилищах осталось очень немного предметов, принадлежавших поэту. Так вышло, что, когда в Тарханы из Пятигорска после трагически закончившейся дуэли прибыли личные вещи поэта, бабушка Михаила Юрьевича раздала их на память всем, кто оказался в тот момент в усадьбе. «На память о Мишеньке». Этую память, равно как и вещи, тогда сохранили не все. Ибо немногие из крестьян понимали, на кого поднялась рука дуэлянта 27 июля 1841-го.

Но кое-что все-таки сохранилось, и несколько таких экспонатов на выставке представлено. Это шкатулка, в которой Михаил Юрьевич хранил всяческие бумаги во время последней ссылки на Кавказ, серебряная чайная ложка, подаренная ему «однокорытниками» по Школе гвардейских подпрапор-

Шкатулка, чувяки и серебряная чайная ложка, принадлежавшие Михаилу Лермонтову

Торжественное открытие выставки, посвященной Лермонтову, в московском Музее А.С. Пушкина

А мы, надменные потоки
Известной подлостью прославленных отца,
Игрю рабской покорение блажен
Вы, жадною толпой стояще у труна,
Слободы, Гении и Славы плачь!
Танцесь мы под сенею листа,
Пред вами суд и праща – все начн!
Но есть и белый суд, непреклон разум!
Есть грозный суд: он знает:
Он не доступен звуку языка,
И мыслей и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы приступите к засланью –
Оно вам не поможет никак,
И вы не смеете всей вашей черной хромы
Погта праведную пращу!

щиков и кавалерийских юнкеров, с клеймом Школы, пара сафьяновых туфель, более напоминающих современные танцевальные балетки. Размещенные на одном стенде, эти вещи, помнящие лермонтовские руки, действуют особым образом. Почти два века минуло с тех пор, когда они служили поэту, но на глазах века растворяются и превращаются в сиюминутное.

Среди представленных личных бумаг особо стоит отметить лермонтовский дневник, листки со стихами, исписанные его мелким и запоминающимся почерком, страницы знаменитой «Юнкерской тетради», оригиналы частных писем, адресованных, в частности, бабушке Елизавете Алексеевне.

Кроме того, в экспозиции присутствуют графические и живописные работы Михаила Юрьевича, чей художнический талант хорошо известен.

Использованы на выставке и столь популярные и востребованные сегодня приемы мультимедиа. Ту же «Юнкерскую тетрадь» с помощью компьютерных технологий можно не только увидеть, но и постринично прочитать на большом экране. Пушкин и Лермонтов. Два великих русских имени, связанных особой духовностью, некой общей кармой. Тем знаменательнее, как заметил директор Музея А.С. Пушкина Евгений Богатырев, что главная лермонтовская выставка в год его 200-летия разместилась именно в стенах Пушкинского музея. «К нему не зарастет народная тропа»... Этими словами Александр Сергеевич, сам того не зная, не только себя помянул.

Для публики выставка на Пречистенке будет работать по 10 декабря 2014 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНОМ ЗОЛОТАРЕВЫМ

И

ВОТ – 27 ЛЕТ. МНОГО
или мало? Конечно, мало. А 321 месяц?

Ну что такое месяц в масштабах обычной человеческой жизни? Не успел оглянуться, а на календаре вместо единички двузначное число на «3». Что такого выдающегося можно успеть сделать за один день, когда большинство этих дней для большинства людей складывается из «проснуться – поесть – поехать – вернуться – поесть – заснуть»? И пусть в запасе 9782 таких дня, это только кажется, что их бесконечно много. Хлоп, проснулся, а их осталось уже 9781. Поужинал с аппетитом – а их уже 9780...

Михаил Лермонтов успел за 26 лет и 9 месяцев, отведенных ему на земле, образоваться и воспитаться; выучиться на офицера и повоевать; вволю повеселиться и пофлиртовать; обрести и потерять друзей; попутешествовать по России от Петербурга до Закавказья; мастерски освоить кисть, карандаш, смычок и, конечно, написать сотни чудных стихотворений, поэмы, драмы, великий роман. Мы столь рано, еще в середине школьного пути, сталкиваемся с тезисом о том, как много успел Лермонтов за свою короткую жизнь, что довольно быстро перестаем реагировать на смысл этого тезиса. Он превращается в общую фразу. В привычную банальность. Но есть простой способ вырваться из тривиальности школьного сознания. Довольно задаться вопросом, что ты сам успел сделать к неполным 27 годам. Или – что способен сделать, если этот возраст еще тебя дожидается.

27 – это мало. Раз так, то справедливо было бы считать, что каждый из 9782 дней жизни поэта изучен и озвучен. Ну, хорошо, не каждый. Глубокое детство и даже отрочество вовсе не требуют досягаемого исследования. Но уж вторая половина жизни Лермонтова – каких-то тринадцать четырнадцать лет – давно под микроскопом человечества, так? Так-то оно так, но 27 лет оказались настолько насыщенны, что и сейчас, спустя два века, уч-

ВЫШЕ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ

15 октября 2014 года исполняется
двести лет со дня рождения
Михаила Юрьевича Лермонтова

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

АРИФМЕТИКА ТОЛЬКО НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД
НАУКА ПРОСТЕНЬКАЯ. ЗНАЙ СЕБЕ СКЛАДЫВАЙ
ДА ВЫЧИТАЙ, УМНОЖАЙ ДА ДЕЛИ. НО ЕСТЬ
В ЕЕ ЦИФРАХ И ФОРМУЛАХ ЗАГАДКА, ЕСЛИ
НЕ СКАЗАТЬ БОЛЬШЕ – МАГИЯ. И ВОТ ПРИМЕР
В ТЕМУ. 27 – ВЕДЬ ЭТО НЕМНОГО, ВЕРНО? А 321?
А 9782? МЫ КАК-ТО ПРИВЫКЛИ МЕРИТЬ ЖИЗНЬ
ГОДАМИ. ИЗ ЭТОЙ АРИФМЕТИЧЕСКОЙ ПРИВЫЧКИ
ВЫРОСЛА ЦЕЛАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
В КОТОРОЙ СМЕШАЛИСЬ ОТНОШЕНИЯ КО ВРЕМЕНИ,
СОБЫТИЯМ, РАССТОЯНИЯМ И РЕЗУЛЬТАТУ.

ные-лермонтоведы, исследователи-любители, поклонники-фанаты находят все новые и новые подробности в жизни и творчестве Михаила Юрьевича, обнаруживают скрытые раньше нюансы его взаимоотношений с миром и людьми. Полностью в рамках этих заметок охватить все, что за несколько последних лет открыто, исследовано, изучено в центрах, где лермонтовским наследием занимаются предметно, невозможно. Остановимся на материалах, которыми занимались люди, объединенные в Московский филиал Межрегионального общественного объединения «Лермонтовское общество», штаб-квартира которого находится в Пензе. Тем более что их труды время от времени обретали форму публикаций в Московском Лермонтовском сборнике, докладов на ежегодных конференциях, статей в специализированных СМИ.

ЧТО Ж МЫ, НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ?

В Петербурге Лермонтов прожил девять лет. С перерывами, само собой. Это, что называется, общий срок. Приходилось в этот период жить в Царском Селе, где квартировал лейб-гвардии Гусарский полк. Были короткие отпуска в Москву и Тарханы. Ну и, само собой, – ссылки на Кавказ, растягивающиеся на месяцы. Но все-таки местом прописки являлась именно столица империи. Известны четыре адреса в Петербурге, где проживал Михаил Юрьевич.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Первый – Торговая улица, 10а. Ныне эта улица носит довольно бестолковое название – Союза Печатников. Иногда два слова пишутся вместе. На ее пересечении с Лермонтовским проспектом стоит здание, построенное в 1912–1913 годах и ничего общего не имеющее с тем, в котором жил поэт в 1832-м и в 1835–1836 годах.

Второй – Фонтанка, 14. Этот дом в топонимике Петера имеет два названия: «дом вдовы советника Венецкой» и «дом Олсуфьева». В 1838 году поэт жил здесь после первой кавказской ссылки. К слову, спустя шестьдесят лет тут останавливался Лев Николаевич Толстой. Дом подвергся серьезной реконструкции в начале XX века и ныне мало похож на тот, в котором пребывал Лермонтов.

Третий – Сергиевская, 18. Современное здание было построено в конце XIX века. А улица в 1923 году переименована в улицу Чайковского. До сих пор идут споры о том, в честь ли великого русского композитора, жившего более года на этой улице, или в честь его однофамиль-

ца – эсера Николая Чайковского. В пользу первой версии говорит хотя бы тот факт, что эсер и по совместительству масон покинул сей мир в 1926 году в Лондоне, в эмиграции, и вряд ли тремя годами ранее большевики увековечили бы его таким способом при жизни.

К настоящему времени в Петербурге сохранился только один дом, в котором Лермонтов жил относительно постоянно в течение почти года. Адрес – улица Садовая, 61, дом княгини Шаховской. Поэт и его бабушка Арсеньева поселились в этом доме весной 1836 года. Сюда приезжал корнет Лермонтов из полка, здесь написал знаменитое «Смерть поэта», отсюда отбыл под арест.

В бытность Михаила Юрьевича дом был трехэтажным, впоследствии надстроили четвертый, а еще позже – пятый этажи. Однако можно смело утверждать, что основа здания еще та – лермонтовская. И комнаты его квартиры на втором этаже сохранились.

В советское время с домом обращались безбожно: в нем трудились булочная, мастерская по никелированию и хромированию, артель «Метбытремонт», инкассаторский пункт. Даром что некоторое время на стене висела мемориальная доска работы скульптора Николая Дыдыкина. К XXI веку дом окончательно пришел в упадок и в 2010-м был признан аварийным, сразу же расселен и тут же заселен господами «без определенного места жительства». На легальном основании остались только три семьи, категорически отказавшиеся от переезда. Судьба дома решалась несколько лет. И вот, видать, решилась. По распоряжению властей Петера в доме Шаховской после соответствующего ремонта расположится гостиница Мариинского театра. Не исключено, что часть помещений отведут под музей-квартиру поэта. Равно как не исключено и обратное. Споры в Петербурге по этому поводу не утихали до последнего времени. Так, в мае 2014 года заместитель председателя комите-

К. Беггров.
Вид Садовой
улицы в Санкт-
Петербурге.
1820-е годы

та по культуре городского правительства госпожа Васютина обмолвилась местным СМИ: «За Мариинским театром будет закреплено обязательство по созданию мемориальной зоны...» Зона поэта – согласитесь, что-то новенько! Тем более удивительное, что еще десять лет назад тогдашний губернатор Северной столицы, Валентина Матвиенко, совершенно официально заявила «Интерфаксу», что «обязательным условием для инвестора будет сохранение квартиры поэта» и поручила комитету по культуре привести мемориальную квартиру «в надлежащее состояние».

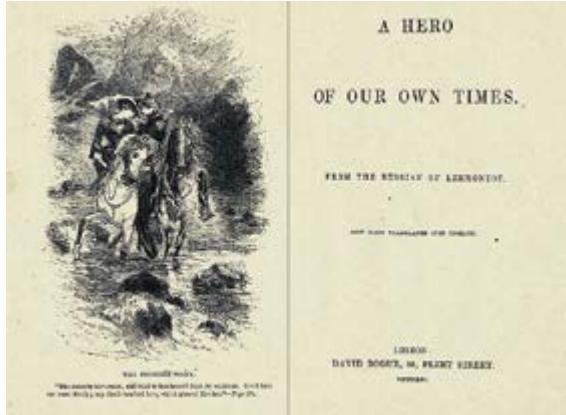
А при чем тут Лермонтовское общество и его столичный филиал? Член этого общества Наталья Купцова вместе с петербургскими «лермонтовцами» во главе с журналистом Зоей Бобковой долгие месяцы потратили на то, чтобы проблема дома на Садовой стала публичной и чтобы этот дом не снесли втихаря или не продали частному лицу.

В ПЕЧАТНОМ ВАРИАНТЕ

Распространено заблуждение, что от властей за вольнодумство и формальное нарушение запрета на дуэли пострадал не только сам Лермонтов, но и его творчество. Мол, выходу произведениям поэта на публику препятствовали вслед за императором Николаем I все остальные государи. И только свободная от цензуры советская печать дала народу возможность ознакомиться с великим наследием поэта.

Все это верно только в части обнародования биографии самого Михаила Юрьевича, да и то лишь на очень ограниченном промежутке времени.

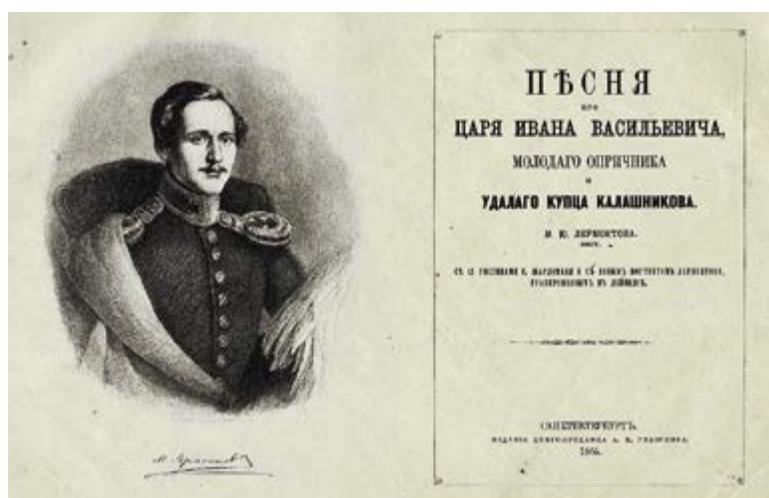
Вот перечень основных работ, связанных с жизнью и творчеством поэта, опубликованных в России только в XIX веке. В 1862 году в Петербурге изданы «Материалы для биографии и литературной оценки Лермонтова» Дудышкина. В 1882-м – Биографический очерк Пыпина и воспоминания «Лермонтов в рассказе графини Е.П. Ростопчиной».

Титульный лист
лондонского
издания
«Героя нашего
времени».
1854 год

царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и «Мцыри». В обоих случаях Лермонтов не имел возможности работать с гранками, так как «Герой нашего времени» навестил типографию тогда, когда автор пребывал под арестом после дуэли с де Барантом, а стихотворный сборник печатался во время второй кавказской ссылки.

Первый тираж «Героя» в тысячу экземпляров разошелся быстро, и Лермонтов продал права на второе издание тиражом в 1200 штук. По тем временам весьма солидный суммарный тираж. А если добавить к этому то, что в три первых года после гибели поэта увидело свет еще одно переиздание его романа и трехтомник стихов и поэм, выпущенный издателем Краевским? В царствование императора Николая I лермонтовские издания выходили и позже. В 1847 году издательство Смирдина выпустило два тома сочинений, в 1852-м также в двухтомном варианте выходят произведения Михаила Юрьевича в издательстве Глазунова. Это все к тому, что при всей личной неприязни Николая Павловича к Лермонтову никакого тотального запрета на творчество опального поэта не существовало. Даже при наличии цензурного комитета, действовавшего по довольно жесткому уставу, принятому в 1828 году. Иное дело, что отдельные произведения Михаила Юрьевича подпадали под

Титульный лист
«Песни про купца
Калашникова».
Издание
А.И. Глазунова
1865 года.
На фронтисписе –
гравюра
с портрета
М.Ю. Лермонтова
1834 года
в вицмундире
лейб-гвардии
Гусарского полка
работы художника
Ф. Будкина

Император Николай I.

Гравированный портрет из издания А.Э. Мюнстера «Портретная галерея русских деятелей». Санкт-Петербург. 1864–1869 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

запретительные санкции цензоров. Но, согласитесь, мало кто из литераторов и издателей той поры избежал проблем с цензурным комитетом. А разрешали эти проблемы тем же способом, что и век спустя, при советском контроле. Издания, содержащие запрещенные тексты, печатали за рубежом. Что касается лермонтовского наследия, то им охотно занимались немецкие издатели в Пруссии, Саксонии, Баден-Вюртемберге начиная с 1856 года.

О совершенно легальном присутствии Лермонтова в русской литературе в царствование Николая I говорит и тот факт, что уже в 1843 году некоторые произведения вошли в учебные программы для гимназий. Интересно, что последнее школьное пособие по изучению творчества Лермонтова издавалось в течение 1914–1915 годов в Киеве, когда Россия уже втянулась в Первую мировую войну. Самую важную роль, по мнению Татьяны Миловановой, в популяризации творчества Лермонтова в России сыграло издание, получившее название «Иллюстрированная Лермонтовская библиотека». Оно выходило в издательстве Павленкова в течение четверти века – с 1891 по 1916 год. Отдельные произведения выдержали до семи переизданий.

Императрица Александра Федоровна и великая княжна Мария на берегу Черного моря. Портрет работы П. Соколова. 1829 год

В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Раз уж пришлось затронуть личные отношения императора Николая Павловича и Михаила Лермонтова, то самое время обратиться к работе другого исследователя, ответственного секретаря Московского филиала Лермонтовского общества Елены Фадичевой.

На уроках истории и литературы в советский период школьникам методично вдалбливали в головы тезис о том, что и сами цари, и члены их семейств были за редкими исключениями невеждами и невежами одновременно. На самом деле в просвещенном XIX веке воспитанию и образованию представителей императорской фамилии придавали очень серьезное значение. В этом легко убедиться, если почитать письма и дневники того или иного «листка» на ветвистом древе Романовых. Тот же Николай Павлович образовывал сыновей без всяких скидок на происхождение и в режиме куда более суровом, чем, скажем, в Пажеском корпусе.

О том, что Лермонтов пишет стихи, государь был извещен младшим братом, великим князем Михаилом Павловичем, еще в бытность поэта юнкером Славной школы (Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров). Дело не только в том, что Михаил Павлович

с рвением относился к служебным обязанностям, коих у него было немало, в том числе и кураторство над всеми военными учебными заведениями. Юнкерам элитных училищ, укрываться от всеведущего начальства было невозможно и по той причине, что они были «штучным товаром». И каждого потенциально го офицера-гвардейца в высшем свете Петербурга, равно как и в Зимнем дворце, знали в лицо. Поэтому не нужны никакие документальные подтверждения тому, что Николай и члены его семьи встречались с Лермонтовым, что называется, воочию. Особенно после того, как он вышел корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, один из трех самых привилегированных кавалерийских полков империи, дислоцированный в Царском Селе.

Бытует в лермонтоведении и такое представление: Лермонтов не был представителем высшей аристократии и потому охотно противопоставлял себя светскому Петербургу, а тот, в свою очередь, платил поэту ответной нелюбовью. Посыл, мягко говоря, неточный. Да, Лермонтов не принадлежал к титулованной знати, но и «бедным родственником» в русском дворянстве тоже не являлся. Его род по отцу был известен в России еще со времен Смуты, а знаменитая бабушка

ка Елизавета Алексеевна носила в девичестве фамилию Столыпина. Среди родственников имелись предводители дворянства в уездах, офицеры гвардейских полков. Далее – с улицы в Славную школу попасть было невозможно. А оказаться в лейб-гусарах – тем более. Служба в таком полку означала частое присутствие в императорских дворцах – в караулах и на балах. Некоторая часть представителей высшего света претензий к лермонтовской фамилии не имела. Она имела претензии к самому Лермонтову, умевшему больно уколоть словом, а при необходимости готовому встать под пистолет.

Дискуссию по поводу органичного присутствия Лермонтова в свете лучше всего закончить словами великого князя Михаила Павловича, сказанными им после прочтения полной версии стихотворения «Смерть поэта»: «Эка, как же он расходился! Кто подумает, что он сам не принадлежит к высшим дворянским родам...» В целом командующий Гвардейским корпусом Михаил Павлович относился к Лермонтову строго, но справедливо.

В семье государя у поэта были и ярые поклонники, и скептически к нему настроенные. Из вторых можно выделить старшую дочь Николая I, Марию. По признанию популярного беллетриста Владимира Соллогуба, именно великая княгиня Мария Николаевна, к тому времени уже герцогиня Лейхтенбергская, заказала ему написание повести «Большой свет», в которой явственно просматривается пародия на Лермонтова. Не нравилось дочери императора лермонтовское освещение великосветской жизни.

Сестра Николая великая княгиня Мария Павловна также не жаловала лермонтовское дарование. Это тем более странно, потому как многие признавали за великой княгиней развитый интеллект и широкий кругозор. Не числился среди поклонников поэта и сам император. Причин тому несколько. Николай в принципе не слишком жаловал

Королева
эллинов Ольга
Константиновна

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

офицеров, склонных к посторонним занятиям. Во-вторых, после 16 строк, завершивших стихотворение «Смерть поэта», он с понятным предубеждением относился ко всему, написанному Михаилом Юрьевичем. Царь был государственником до мозга костей. И любую попытку делом ли, словом покуситься на существующий миропорядок в стране воспринимал крайне отрицательно. Но, по мнению некоторых исследователей, была и третья причина, по которой у царя с поэтом не сложилось. Среди ярых поклонников лермонтовского гения в семье императора была сама императрица – Александра Федоровна. Именно она предложила супругу прочитать едва вышедший из типографии роман «Герой нашего времени», именно она с глубоким интересом и пониманием отнеслась к программной лермонтовской поэме «Демон», именно она, узнав о гибели поэта, написала графине Бобриńskiej: «Вздох о Лермонтове, об его раз-

Великий
князь Михаил
Павлович и его
супруга великая
княгиня Елена
Павловна

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

битой лире, которая обещала русской литературе стать ее выдающейся звездой». Трудно, не имея хоть сколько-нибудь внятных доказательств, говорить о человеческой симпатии государыни к Лермонтову, но о том, что она ценила его талант, – спору нет. Ревновали Николай I супругу к стихам или к их автору? Вопрос навсегда останется без ответа, но, учитывая эгоцентрический характер императора, можно предположить, что не обошлось без этого отвратительного, но весьма распространенного среди людей чувства. Помимо императрицы почитали Лермонтова и другие члены царствующего дома. Например, великая княжна Ольга Николаевна, которая, хоть и не считала Михаила Юрьевича равным Пушкину, однако среди прочих поэтов своего времени ставила его на второе место после Александра Сергеевича. С еще большим интересом к творчеству Лермонтова относилась жена великого князя Михаила Павловича – Елена Павловна. Спустя одиннадцать лет после смерти поэта она заказала композитору Антону Рубинштейну оперу по мотивам юношеской поэмы Михаила Юрьевича «Хаджи Абrek». Либретто оперы «Месть», к счастью, сохранилось. Живой интерес к поэме «Демон» проявил примерно в это же время и августейший наследник великий князь Александр Николаевич. В его дворце был показан спектакль по мотивам поэмы, на премьере которого присутствовали другие члены императорской фамилии.

Любили Лермонтова в среде Романовых и представители более поздних поколений. Особенно стоит отметить внучку Николая I, королеву эллинов Ольгу Константиновну, которая посвятила изучению творчества Михаила Юрьевича год жизни. И – князя императорской крови Иоанна Константиновича, правнука Николая Павловича и сына великого князя Константина Константиновича (известного поэта, писавшего под псевдонимом К.Р.). В одном из юношеских писем отцу Иоанн признавался, что ценит Лермонтова выше Пушкина.

НА ПЯТИГОРСКОМ КЛАДБИЩЕ

Уже в 1842 году бабушка Лермонтова Елизавета Арсеньева добилась разрешения перевезти прах внука в родовое имение Тарханы в Пензенской губернии. Первоначально же поэт был похоронен на Пятигорском кладбище, у подножия горы Машук. В работе исследователя Артема Багдасаряна, представленной в Лермонтовское общество в 2010 году, есть крайне любопытные данные об этом некрополе, который он называет музеем под открытым небом.

Сам Михаил Юрьевич вступить в брак не успел и потомства не оставил. Но он был не единственным представителем древнего рода. Лермонтовы в истории Отечества присутствовали и до, и после его трагического ухода. А также потомки рода с другими фамилиями, в жилах которых текла лермонтовская кровь. Собственно, есть таковые и в наше время.

На Пятигорском кладбище похоронены два человека, имевшие к лермонтовскому роду самое прямое отношение. Первый – внучатый племянник поэта Владимир Михайлович Лермонтов. Он родился в 1874 году, получил военное образование и вышел офицером в 12-й Ахтырский гусарский полк. Тот самый, которым когда-то командовал легендарный Денис Давыдов. Интересно было бы оказаться в том месте и в тот час, когда император Николай II в 1903 году вручал поручику Лермонтову призовую чашу с вином и премию в 5 тысяч золотых рублей за победу на Всероссийских скачках. О чём думали и тот, и другой?

Владимир Лермонтов участвовал в Первой мировой войне. Был трижды ранен, награжден орденами и Золотым Георгиевским оружием. В годы Гражданской войны был мобилизован в Красную армию и был среди тех военспецов, что создавали Конную армию Буденного. В 1931 году Владимира Михайловича осудили на десять лет

Памятник
М.Ю. Лермонтову
на Пятигорском
городском
кладбище.
Начало XX века

лагерей как царского офицера и вредителя. Пришлось бывшему полковнику-ахтырцу строить Беломорканал. В 1936-м скостили, но оставили на работах в Карелии. Смилистивались позже, сразу после Великой Отечественной. Как участнику трех войн выделили персональную пенсию и позволили жить в Пятигорске, где он и ушел из жизни в 1954 году. Вот что писал о своем происхождении сам Владимир Лермонтов: «Происхожу я из рода Лермонтовых, которые берут свое начало от шотландца Георга Лермента, каковой в 1613

Могила М.Ю. Лермонтова
на кладбище в Пятигорске в первый
(1841) год кончины поэта. Литография
В. Тимма с рисунка А. Арнольди.
Середина XIX века

году поступил на русскую службу. Он имел чин ротмистра и обучал детей боярских рейтарскому строю. У Георга Лермента был внук Юрий (Евтихий) 1688 года рождения, у которого было три сына. Третий сын Юрия, Яков, был бездетен. По линии старшего сына, Матвея Юрьевича, происхожу я. По линии второго сына Юрия, Петра Юрьевича, произошел поэт Михаил Юрьевич Лермонтов». Там же, на Пятигорском кладбище, неподалеку от первого захоронения Михаила Юрьевича, находится могила генерала Николая Рузского. Да-да, того самого, что в 1914 году в течение двух месяцев получил сразу три степени ордена Святого Георгия: 4-й и 3-й – за взятие Львова и 2-й – за победу в Галицкой битве. Уникальный случай. И того самого, что в феврале 1917-го предал своего императора, фактически взяв его под арест в Пскове. И того самого, что осенью 1918-го во время показательной акции «красного террора» был зарублен в Пятигорске вместе с героями Первой мировой генералом Радко-Дмитриевым и еще 102 людьми.

Казалось бы, при чём тут генерал Рузский? Все дело в том, что Николай Владимирович – потомок Лермонтовых в шестом колене... Четыре фрагмента, связанных с жизнью великого русского поэта. 26 лет. 321 месяц. 9782 дня. Непростая арифметика...

Николай
Владимирович
Рузский
(1854–1918),
генерал
от инфanterии,
член Военного
и Государствен-
ного советов

НАД ЗАСЫПАННОЙ СНЕГОМ СУДЬБОЙ

АВТОР

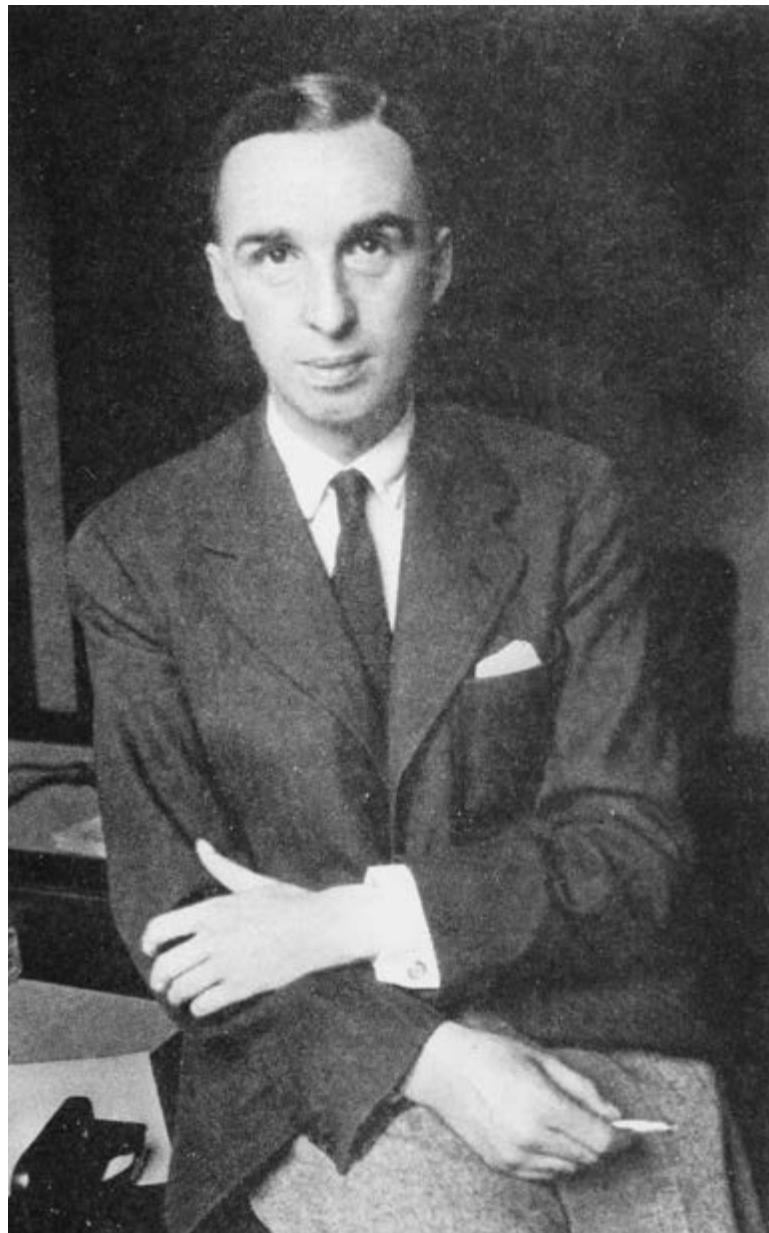
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ОДИН КРИТИК СКАЗАЛ ОДНАЖДЫ О ГЕОРГИИ ИВАНОВЕ: ХОРОШИЙ ПОЭТ, НО ЧЕГО-ТО ЕМУ НЕ ХВАТАЕТ. ДАЙ ЕМУ БОГ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОРЯ, МОЖЕТ, ТОГДА СТАНЕТ ПОЭТОМ НАСТОЯЩИМ.

БОЛЬШОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ горе не замедлило себя ждать. Горем таким для него стала эмиграция, которая навсегда отняла родину, среду, близких – и добавила в поэзию такие ноты, что даже страшно: и от того, что пророчества сбываются, и от того, что за настоящую поэзию приходится платить такой ценой.

КАДЕТИК

Георгий Иванов был сыном офицера Владимира Иванова и баронессы Веры Бир-Брау-Браурэр ван Бренштейн (так ее фамилию пишет Ирина Одоевцева, жена Георгия Иванова; возможно, на самом деле фамилия была Бирбруэр фон Бренштейн). Отец был из семьи полоцких дворян; мужчины в этой семье были военными, и сам отец служил в 3-й гвардейской конноартиллерийской бригаде, во время русско-турецкой войны был ранен под Плевной, был флигель-адъютантом при дворе болгарского принца Александра Баттенбергского. Мать, из обрусевших голландцев, была красавица,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

любила светскую жизнь – званные обеды, балы, фейерверки. Детей в семье было трое: Наташа, Владимир и младший, Юрочка, появившийся на свет 29 октября 1894 года в имении Бренштейнов Пуки в Ковенской губернии. Отец, получив наследство, купил имение Студенки, где Георгий Иванов вырос. Био-

графы пишут, что оно было в Ковенской губернии, но на самом деле в Новогрудском уезде Минской губернии – бывшее имение Радзивиллов; часть времени он проводил в имении Гедройцы под Вильно – возможно, у родственников. Детство поэта было по-настоящему счастливым усадебным детством; с ранних лет Юрочка

проявлял интерес к истории искусства, любовался старинными вазами, гравюрами на стенах, коллекцией живописи, собранной в усадьбе. Он рассказывал, что когда ему, 12-летнему, должны были удалять полип в носу и предлагали за это разнообразные дары, он потребовал себе «две истории искусства и абонемент на «Старые годы» – то есть искусствоведческий журнал.

Будущее мальчика было предопределено: как и его предки, он отправился учиться в кадетский корпус – сначала, как сообщает Андрей Арьев, в 1905 году, в Ярославский, затем, в январе 1907-го, его, по просьбе отца, перевели во 2-й Петербургский.

Потом отец умер. Семейная история гласит, что отставной подполковник Владимир Иванов разорился, скверно распорядившись доставшимся от сестры наследством, застраховал свою жизнь и выбросился из поезда, чтобы спасти семью от краха. Георгий Иванов всю ночь (зимнюю, морозную) просидел в комнате перед открытым окном, простудился и сам едва не умер; в архивах корпуса есть свидетельство, что Иванов пропустил в 1907-м весь конец учебного года из-за воспаления легких, отчего остался на второй год.

Он потом и еще раз оставался на второй год, уже из-за неуспеваемости. В военные этот юноша, с упоением читавший стихи и способный долго сидеть над каталогом антикварных вещиц, никак не годился. Ему хорошо давались рисование и химия, в остальном он успехами не блестал. Интересно, что и стихи, которые он начал писать, были своеобразным словесным рисованием, картинками в стихах. Из стихов сложилась книга «Отплытье на о. Цитеру» – Иванов говорил, что она вся была написана за партой в шестом-седьмом классах; точнее было бы сказать – на шестом-седьмом году обучения, потому что из корпуса его забрала сестра

Наташа в 1911 году – и к этому времени он окончил только пять классов. Он рассказывал, что однажды ночью в общежитии корпуса ему было видение: звучный голос необыкновенно прекрасно прочитал ему «Выхожу один я на дорогу...». Однокашник Иванова по корпусу, Перфильев, запомнил, как тот, шупленький, маленький, цитировал ему на плацу Городецкого – «стоны, звоны, перезвонь»...

Уже в 1910 году Иванов свел знакомство с петербургскими поэтами – сначала с Георгием Чулковым, позже с Кузминым, Северяниным, с «футуристическим доктором» Николаем Кульбины. Обрадованные и удивленные тем, что этот худенький кадетик в мундирчике пишет такие умные, грамотные стихи, поэты охотно беседовали с ним, вводили его в литературные гостиные. Первыми литературными учителями Иванова стали Михаил Кузмин и Игорь Северянин.

В 1912 году в издательстве эгофутуристов «Эго» на деньги сестры Наташи, в замужестве Мышевской, вышла первая книга Георгия Иванова, «Отплытье на о. Цитеру», с посвящением сестре.

Обложка
первой книги
стихов Георгия
Иванова,
«Отплытье
на о. Цитеру».
Санкт-Петербург.
1912 год

ЮНЫЙ ПОЭТ

«Отплытье на о. Цитеру» отсылает читателя к поэме Тредиаковского «Езда в остров любви» и к картине Антуана Ватто. Один из первых экземпляров – может быть, даже самый первый – Иванов побежал дарить Александру Блоку. Блок много разговаривал с кадетиком Ивановым; в одной из дневниковых записей Блока сказано, что Иванов собирается сдавать экзамены на аттестат и поступать в университет и что «он ушел другой, чем пришел». В университете он не поступил – некоторое время ходил туда вольнослушателем, но и только, но ушел от Блока в самом деле другим. С призванием своим он вполне определился: он будет писать стихи. Впоследствии говорил, что он умеет только это, и больше ничего – и в самом деле, ничего другого в жизни своей не делал: писал и переводил.

В первое время Иванов прымкал к эгофутуристам, обменивался стихотворными посланиями с Игорем Северянином; биограф Иванова Вадим Крейд рассказывает, что Северянин предложил юному эгофутуристу взять звучный псевдоним «Жорж Цитерский», но тому хватило ума не последовать совету вождя. Иванов стал одним из трех «директоров» дирекции эгофутуризма и подписал листовку эгофутуристов, которая широко распространялась и после того, как он отошел от этого направления и примкнул к акмеистам; от бывших соратников ему даже пришлось отмежевываться в заявлениях для печати.

В отличие от большинства юношеских стихов даже крупных поэтов стихи из сборника «Отплытье на о. Цитеру» – не эпигонские подростковые упражнения, а серьезные, взрослые, формально безупречные стихи. Они свеженькие и розовощекие, хорошо причесанные и набриолиненные, как их автор, всегда носивший безупречный пробор, и выдают хороший культурный уровень, превосходное

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

владение пером, замечательный талант стилизатора. Стихи на удивление статичны – это замершие картинки, впечатления от гравюр, репродукций, музейных картин:

Ах, небосклон светлее сердолика:
Прозрачен он и холоден и пуст.
Кровавится среди полей бруслика
Как алость мертвых уст.

Видно, что автор очень много читал – и классики, и символистов; он примеряет на себя разные маски – то пастушка, то инока, он перебирает один за другим любимые мотивы русской поэзии начала века... Это очень пышная книга: в ней много золота, аметистов, жемчугов и янтарей; много цвета – особенно выделяется рдяно и рдяно-золотой, но есть и алая медь, и бледно-синяя эмаль, и зеленый бархат, и кровавые альмадины, и серебряный лен, и бледно-розовый свет, и закатная порфира. В ней полны полно «истомно-кружевного» и «грустно-знакомого», осколов вечерней звезды и брызг лунного света, и ужасно декадентских вянущих азалий, которыми автор даже несколько злоупотребляет. При всем этом Иванов ни слова не говорит о себе самом: никакого лириче-

Артистическое
кабаре
«Бродячая
собака».
Санкт-Петербург.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Георгий
Иванов.
Шарж
Н. Альтмана.
1913–1914
годы

ского «я» в этих стихах нет. Они живописны, они звучны, они многое скажут глазу и уху – но решительно ничего сердцу. В целом – это очень славный поэтический дебют: грамотный, умелый, удачный. Николай Гумилев, прочитав «Цитеру», пригласил молодого поэта в «Цех поэтов». Предметность, конкретность стихов Иванова, его наблюдательность, тщательная чеканка стиха, тяготение к «прекрасной ясности» сблизили его с акмеистами. С Гумилевым он познакомился в «Бродячей собаке» и долго испытывал в присутствии мэтра робость и благовение.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Петербургская жизнь Иванова в довоенные годы – счастливое время литературных кружков, салонов, участия в работе журналов. Он бывает на «Башне» у Вячеслава Иванова, в «Бродячей собаке», на заседаниях «Цеха поэтов», на вечерах Случевского, печатается не только в «Аполлоне» и «Гиперборее», но и в альманахах «Шиповник», и в новом «Лукоморье», и даже в «Ниве». В издательстве «Гиперборей» вышел его второй сборник, «Горница», – с религиозными мотивами, навеянными, возможно, Кузминым, с популярными в Серебряном веке образами комедии дель арте – снова это череда масок, под которыми прячется автор, не желающий ничего рассказывать о себе. В «Горнице» он куда менее пышен, чем в «Отплытье...», куда более конкретен. В «Горнице» Иванов – уже мастер лаконического стиха, афористической фразы. Он строже, скучеет на эпитеты, да и в самих эпитетах меньше декадентской пустозвонной расплывчатости; его стихотворные картинки точны и предметны.

Над грушами лежит
разрезанная дыня,
Гранаты смуглые
сгрудились перед ней;
Огромный ананас
кичливо посередине
Венчает вазу всю короною своей.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Поэты
(Артур Лурье
и Георгий
Иванов).
Рисунок
П. Митурича.
1915 год

Шампанского бокалы подымая,
Мы весело встречали – Новый Год...
Только случайная печаль, не-
чаянная дымка туманит сти-
хи молодого Иванова – он
по-прежнему жизнерадостен,
влюблён в краски мира – и
любуется им, но не жадно, по-
жирающим взглядом гурмана,
а нежно, спокойно, несколько
отстраненно.

Своей легкости и оптимизма
Иванов не потерял даже с на-
чалом войны. Журнал «Луко-
морье», который охотно его пе-
чатал, много внимания уделял
военной теме; достаточно по-
смотреть на обложки журнала,

Габриэль
Тернизиен,
первая
жена поэта.
Фотография
из архива
Т.Н. Жуковской

чтобы увидеть, что тема эта ре-
шалась в ура-патриотическом
ключе. В 1915 году «Лукоморье»
издало сборник Иванова «Па-
мятник Славы», стихи из ко-
торого сам поэт не любил и не
включал в свои последующие
сборники.

Он жил в это время вместе с
Георгием Адамовичем; у того
была сестра Татьяна, кото-
рой увлекался Гумилев. Татья-
на занималась ритмическими
танцами у швейцарца Даль-
коза. У нее была подруга,
француженка Габриэль Терни-
зиен, тоже танцовщица. В 1915
году Иванов внезапно женил-
ся на Тернизиен, причем Ири-
на Одоевцева утверждает, что
инициатором этого брака был
Адамович, который думал, что
«если Георгий Иванов женит-
ся на Габриэль, то Гумилев раз-
ведется с Ахматовой и женится
на Тане»... Какое-то время Ива-
нову казалось, что он счастлив;
в семье родилась дочь Елена.
Скоро, однако, брак распался,
и в 1918 году Габриэль разве-
лась с мужем, забрала дочь и
уехала во Францию из голод-
ной революционной страны.

«Вереск», новая книга поэта, вы-
шла в 1916 году в «Альционе».
Больше половины стихотворе-
ний в ней – это описания гра-
вюр или картин.

Все в жизни мило и просто,
Как в окнах пруд и боскет,
Как этот в халате пестром
Мечтающий поэт.

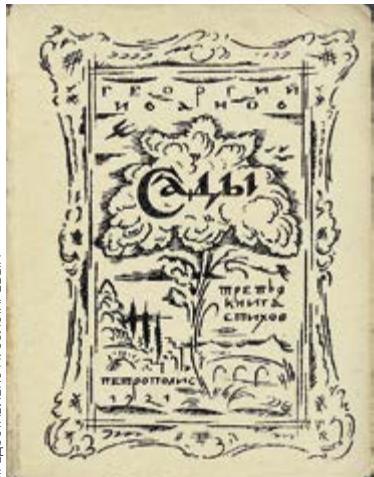
Рассеянно трубку курит,
Покачиваясь слегка.
Глаза свои он щурит
На янтарные облака.

«Все в жизни мило и про-
сто» – это почти девиз. Отстра-
ненное любование становится
поэтическим принципом Ивано-
ва. Он смотрит, он подробно из-
лагает, что видит, но ни слова о
себе! Ходасевич зло отрецензи-
ровал «Вереск»: «...поэтом он ста-
нет вряд ли. Разве только случит-
ся с ним какая-нибудь большая
житейская катастрофа, добрая
встряска, вроде большого и на-
стоящего горя. Собственно, толь-
ко этого и надо ему пожелать».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гости
и знакомые
в усадьбе
Жуковских
Канашево.
Крайние
справа –
Георгий Иванов
и Габриэль
Тернизиен.
Фотография
из архива
Т.Н. Жуковской

«СТРАШНЫЕ СТИХИ»

Следующая книга Иванова, вышедшая в жутком, голодном 1921 году в опустевшем Петрограде, называлась «Сады». Голод, смерть, революция, Гражданская война, аресты (Иванову и самому довелось посидеть на Шпалерной и пережить несколько жутких часов после ареста поэта Каннегисера, убийцы Урицкого: Каннегисер оставил Иванову свои вещи, в них обнаружились антибольшевистские прокламации, которые Иванов ночь напролет жег в камине) не оставили в ней никакого следа. В книге, вышедшей в год, когда по улицам валяются трупы лошадей, когда печатная литература вымерла, когда люди ждут ареста, –

Там меланхолия, весна, прохлада
И ускользающее серебро.

Все очертания такого сада
Как будто страусовое перо.

Может быть, это его способ справиться с действительностью, как-то выдержать ее: «Да, холодно, и дров недостает, // И жалкая луна в окно глядится, // Кусты качаются, и дождь идет. // А сердце все не хочет убедиться, // Что никогда не плыть на волю нам // По голубым эмалевым волнам»...

Блок написал еще в 1919 году в рецензии на «Вереск»: «Что же он хочет? Ничего. Он спрятался сам от себя, а хуже всего было лишь то, что, мне кажется, не сам спрятался, а его куда-то спрятала жизнь, и сам он не знает куда. В стихах всякого поэта 9/10, может быть, принадлежит не ему, а сре-

Обложка книги стихов Георгия Иванова «Сады». Художник – М. Добужинский. Издательство «Петрополис». Петроград. 1921 год.

де, эпохе, ветру, но 1/10 – все-таки от личности. Здесь же как будто вовсе нет личности, и потому – все не подвластно ни критике, ни чувству, ни даже размышлению, потому что не на что опереться, не может быть ни ошибок, ни обратного». И заключил: «...слушая эти стихи, можно вдруг заплакать – не о стихах, не об авторе их, а о нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи ни о чем, не обделенные ничем – ни талантом, ни умом, ни вкусом, и вместе с тем – как будто нет этих стихов, они обделены всем...»

И, может быть, с этого времени начинается настоящий Георгий Иванов. Он, словно заколдованная царевна, пробуждается от очарованного сна, и трудно судить, что его разбудило, – то ли счастье, то ли страдание.

ПЕТРОГРАД

Он мерз и голодал со всеми вместе. Со всеми вместе – почти со всеми петроградскими литераторами – приходил в Дом искусств, где можно было получить пшенную кашу, селедку и горячий чай, поработать в теплом помещении. Вместе с другими литераторами работал во «Всемирной литературе» – переводил с подстрочника (не особенно хорошо зная язык) поэму Кольриджа «Кристабель» – с ее сложным размером и непростой фонетикой. Следующей его работой во «Всемирной литературе» стала Вольтерова «Орлеанская девственница» – перевод, начатый Пушкиным и продолженный Гумилевым. В 1920 году в студии Гумилева «Звучащая раковина» он встретил Ирину Одоевцеву – Ираиду Гей-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нике, дочь адвоката из Риги, зеленоглазую и рыжую «маленькую поэтессу с огромным бантом». «Зеленые очи» нашли отражение и в «Садах» – эта книга вообще чуть не наполовину о любви, – и в последующей лирике. И даже перед смертью Иванов больше всего беспокоился о том, что оставляет любимую жену одну, без средств к существованию... Он собирался жениться, искал жилье; в Доме искусств ему предложили баню с предбанником; он поменялся с Георгием Адамовичем, и того скоро арестовали

Ирина
Одеевцева
(1895–1990),
вторая жена
поэта

в этой самой бане. А затем... Последние выступления Блока, болезнь и смерть. Арест и расстрел Гумилева. В одном из писем, уже в эмиграции, Иванов писал: «Я был и участником злосчастного – и дурацкого – Таганцевского заговора, из-за которого он погиб. Если меня не арестовали, то только потому, что я был в «десятке» Гумилева, а он, в отличие от большинства других <...> не назвал ни одного имени». Гибель Гумилева его потрясла. Он собрался издавать посмертный сборник стихотворений поэта, и сборник этот увидел свет в 1922 году; для этой книги Иванов собирал автографы Гумилева. Вторая подготовленная им к печати книга Гумилева, «Письма о русской поэзии», увидела свет уже после отъезда Иванова в Берлин. В 1922 году появились возможности уехать: открылась граница, стали уезжать друзья и знакомые, ушел «философский пароход». Иванов получил командировку «с целью составления репертуара государственных театров» и отправился на немецком пароходе «Карбо-2» в Штеттин, тогда прусский, а ныне польский город Щецин. Жена еще раньше уехала в Ригу к отцу, латвийскому гражданину, и скоро должна была приехать в Германию.

ЭМИГРАЦИЯ

Он прибыл в Берлин и там был радостно встречен в Доме искусств. Здесь был переиздан его «Вереск». Иванов выступал с чтением стихов в литературных кружках и ждал французской визы: в Берлине оставаться не хотел. Во Франции они до самой Второй мировой жили довольно безбедно, не испытывая, как другие русские эмигранты, мучительной нужды: отец Ирины высыпал им деньги, которых хватало и на жилье, и на прокорм. Он, совсем молодой, еще 30-летний, берется за мемуары – «Китайские тени». Жанр мемуаров в этом возрасте – биографическая дикость, но историческая закономерность: той цивилизации, той культуры, о которой он вспоминает, не стало.

Вслед за очерками из «Китайских теней» он опубликовал в 1928 году свои «Петербургские зимы». Это и не художественная проза, и не воспоминания – нечто среднее, «я так помню», – впечатления и ощущения, летучие образы, чьи-то рассказы, аберрации памяти... Те, кто остался на родине, сочили книгу пасквилем, враньем, доказывали, что никогда такого не было и автор все наврал. Он все яснее понимает, что вернуться уже не получится, что эмиграция – это не временно, до крушения власти, а навсегда. И тоска по родине, по утраченному миру заполняет его стихи, вселяя в них новую, живую, боящую душу.

Замело тебя, счастье, снегами,
Унесло на столетья назад,
Затоптало тебя сапогами
Отступающих в вечность солдат.

Только в сумраке Нового Года
Белой музыки бьется крыло:
– Я надежда, я жизнь, я свобода.
Но снегами меня замело.

Несчастье эмиграции, потеря родины, культурного слоя, друзей, всего, чем жил, наполнили его безупречные, холодные, не очень живые стихи живой, бьющейся тоской, горьким страданием, ужасом и болью. Это – новый Иванов, сухой и строгий. Он смотрит в прошлое, не жалея себя, в будущее – без всяких иллюзий. В сборнике «Розы», вышедшем в 1931 году, читаем – какое обманчивое название! – жуткие, вымороженные отчаянием строки:

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертвое,

Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Георгий
Иванов
и Ирина
Одеевцева.
Дружеский
шарж
из газеты
«Сегодня».
1927 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Скорбная тишина, последний взгляд приговоренного на некогда любимый, теперь уже совершенно бессмысленный мир. Никто, кажется, не ожидал, что блестящий, набриолиненный, оттузженный Иванов окажется таким пронзительным, глубоким трагиком. Его чуть не сразу признали первым поэтом эмиграции. Стихи его растеряли всю свою пышность и краски, стали простыми, жесткими, графичными – и горько умными. Горе эмиграции заставило Иванова не прятаться в стихах, а безбоязненно рассказывать самую страшную, самую последнюю правду.

РАЗЛОМ

Внешне жизнь этой семьи казалась совершенно благополучной. В 1932 году отец Одоевцевой умер, она получила наследство, и на эти деньги был куплен дом в Биаррице. Море, светская жизнь, приемы, публикации. И тем не менее уже в 1937 году Иванов пишет страшный «Распад атома», хронику разложения и человеческой души, и европейской цивилизации. Его сравнивали с Генри Миллером, и сравнивали справедливо: антиэстетизм и физиологизм этой прозы совершенно тошнотворны; Иванов настаивал на том, что не знал никакого Миллера, и вообще книга Миллера вышла двумя годами позже (он не прав: «Тропик Рака» вышел в 1934 году, «Тропик Козерога» в 1939-м). Тупик, стущение тьмы, беспросветная европейская ночь. Он был свидетелем стущения тьмы, проехав по Германии в 1933 году и написав серию очерков о помешательстве, охватившем всю страну; он ясно понимал смысл советского режима – и жестко выступал против всякого, кто высказывал просоветские мысли. Но «Распад атома» – не о наступлении фашизма, он о распаде и одичании человеческой души.

Правда, в этой ночи неожиданно звучит тонкая, слезная лирическая нота – маленький фрагмент о зверьках-размахайчиках, любящих ленточки, праздники и именины и изъясняющих

Сотрудники журнала «Числа». Во втором ряду сидят: Ирина Одоевцева, Дмитрий Мережковский, Георгий Адамович, Зинаида Гиппиус и Георгий Иванов. Париж. 1934 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся на странном австралийском языке: «ногуважаемый», «ваше высокоподбородие»: «Они были славными зверьками. Они, как могли, старались украсить нашу жизнь. Они не просили мороженого, когда знали, что нет денег. Даже когда им было очень грустно, они танцевали и праздновали именины. Они отворачивались и старались не слушать, когда слышали что-нибудь плохое. «Зверьки, зверьки, – нашептывал им по вечерам из щели страшный фон

Клоп, – жизнь уходит, зима приближается. Вас засыпет снегом, вы замерзнете, вы умрете, зверьки, – вы, которые так любите жизнь». Но они прижимались тесней друг к другу, затыкали ушки и спокойно, с достоинством отвечали: «Это нас не кусается». Непонятно даже, выносимое отчаяние или невыносимое в присутствии такой обреченной теплоты, такой нежности, такого тихого достоинства. Может быть, это в самом деле только метафораrudimentарных, остаточных человеческих инстинктов, но ведь если и есть что живое в этой вывишнутой, выморочной повести, то зверьки, если что и способно выстоять в холодной пустыне бесмыслицы, то это наивные зверьки с их трогательным уютом и теплом собственных тел. Впрочем, автор и зверькам не оставляет ни малейшего шанса, заканчивая их милым «это вашего высокоподбородия не кусается» записку самоубийцы в финале. Первый вари-

Биарриц.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ант финала он вычеркнул, а там значилось – «Хайль Гитлер, да здравствует отец народов великий Сталин, никогда, никогда англичанин не будет рабом» – куда ни кинь, всюду клин, по какой из трех дорожек ни пойди, всюду ночь и тьма.

Вторая мировая перевернула жизнь Иванова и Одоевцевой. Их дом в Биаррице продолжал оставаться открытым; веселая, любящая светскую жизнь Одоевцева продолжала звать к себе гостей на бридж; извещения об этих вечерах публиковались в местных газетах – в отсутствие других новостей. Юрий Фельзен, побывавший проездом в Биаррице, узнал из местной газеты о вечерах, устраиваемых Одоевцевой, и написал об этом Георгию Адамовичу. И когда Адамович получил письмо, он решил, что в оккупированной Франции Одоевцева и Иванов зовут к себе немецких офицеров; так родилась сплетня, из-за которой после войны чуть не все эмигранты порвали с ними отношения. Вилла, на которой жили супруги, была сначала реквизирована немецкими властями, потом разграблена и, наконец, сгорела в 1944 году от американской бомбёжки; парижскую квартиру за время их отсутствия разграбили – платить за нее было нечем, возвращаться некуда. Иванов и Одоевцева оказались бездомными. Они вернулись в Париж, где жить было нечем и не на что.

Кирилл Померанцев, друг Иванова, писал: «...ни Георгий Владимирович, ни Ирина Владимировна работать не умели. Не не хотели, а не умели. И я имел возможность в этом убедиться». Случайные газетные заработки давали мало возможности прокормиться, он взял ссуду в Союзе писателей и журналистов, не мог вернуть, просил отсрочки, Одоевцева продавала свои доведенные вещи... При этом приходилось оправдываться и доказывать, что они не сотрудничали с немцами, – и оставаться «в положении парии или зачумленного», как написал Иванов Алданову.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вадим Крейд сказал об одном из стихотворений Георгия Иванова, что оно читается как трагедия без катарсиса. В самом деле – это странная, мертвая, посмертная и тихая свобода, отделенность от всякой людской суеты. В этих стихах, некогда совершенно лишенных лирического героя, теперь его голос ясно слышен – тихий, мертвенно-спокойный, иронический:

Конечно, есть и развлеченья:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец.

В 50-х годах Ивановым удалось устроиться в «Русский дом» в Жуанле-Пене – это был приют для пожилых эмигрантов, лишенных средств к существованию; там же жили Бунины, с которыми Ивановы много общались; слушая рассказы Иванова о службе отца при болгарском дворе, Бунин прозвал его Болгарином...

«Портрет без сходства» – поздняя, мрачная книга, вышедшая в 1950 году. Роман Гуль писал о ней, что в ней много вульгаризмов, что поэт «обуднивает» внутреннюю тему, «сознательно отказывается от всяких ее украшений, предпочтая прекрасное нищенство музыки и образа».

Георгий Иванов.
Портрет работы
Ю. Анненкова.
1921 год

Вот я иду по осеннему полю,
Все, как всегда, и другое, чем прежде:
Точно меня отпустили на волю
И отказали в последней надежде.
И в этом осознании нищеты –
в стихи и душу внезапно врывается красота, врывается память об ушедшей России, и эта тонкая, невидимая нить удерживает всю конструкцию стиха от распада.

В середине 50-х им пришлось хлопотать об устройстве в дом престарелых. Он находился в Йере, городе у моря, очаровательном и тихом. Очарование его пропадало, когда наступало лето с его изнуряющим зноем, от которого не было спасения. Ни Иванов, ни Одоевцева не были престарелыми – едва на рубеже пятого и шестого десятков, однако устройство сюда решало их финансовые проблемы, перекладывая заботу на плечи французского правительства. В доме вместе с ними жили несколько русских семей и несколько испанских коммунистов.

В душном, жарком Йере Иванов начал болеть, с трудом ходил, задыхался – и в 1958 году умер. Прах его впоследствии перезахоронили на Сен-Женевьев-де-Буа. Ирина Одоевцева, о судьбе которой он так тревожился, дожила до падения коммунистического строя и смогла приехать в Россию, о которой он так тосковал.

Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия –
только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, катаржный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет.
И вместе с тем, и все-таки – пусть
«голубые комсомолочки, визжа, купаются в Крыму» – но «Леонид под Фермопилами, конечно, умер и за них»... И Россия не исчезнет, даже если она осталась только на каторге: «И лишь на Колыме и Соловках Россия та, что будет жить в веках». И когда все кончится, останется только холодный лед вечности – останется И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.

БЕЛОРУССКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

УГОЛ ВТОРОЙ: ВИЛЕЙКА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ВОРОНОВА

В НАШЕЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СОХРАНИЛИСЬ – ПУСТЬ ИХ И НЕМНОГО – НАЗВАНИЯ МЕСТ, СВЯЗАННЫХ С СОБЫТИЯМИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ГУМБИННЕН, ЛЬВОВ, МАЗУРСКИЕ ОЗЕРА, ПЕРЕМЫШЛЬ, ОСОВЕЦ, ЛУЦК, РЕКА СТОХОД, БРЕСТ-ЛИТОВСК... И ЕЩЕ – СМОРГОНЬ. С КРАСНОЙ СТРОКИ! НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ БЕЛОРУССИИ РЯДОМ СО СМОРГОНЬЮ ЕСТЬ И ДРУГИЕ, НЕ МЕНЕЕ ЗНАЧИМЫЕ МЕСТА. НАРОЧЬ, КРЕВО, ВИЛЕЙКА... ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ПРИШЛА СЮДА ЛЕТОМ 1915-ГО, НА ЦЕЛЫХ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА.

ПОЕЗД МОСКВА – ПАРИЖ прибывает на минский вокзал днем, в половине четвертого. Огромную и полупустую привокзальную площадь выжигает июльское солнце. Жарко и сухо. Вопреки скромным

надеждам московского гостя на кратковременный отдых, встречающая сторона в лице заместителя руководителя представительства Россотрудничества в Республике Беларусь Виктора Мичурина предлагает иное начало путешествия – паломничества по местам Первой мировой. Едем на Братское кладбище.

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №9.

МИНСКИЙ МЕМОРИАЛ

Это недалеко, почти в центре Минска. Город красив, широк, свободен. Как-то не верится, что именно тут, рядом с разлившейся в пруд рекой Свислочь, роскошным парком, аллеями, наполненными праздными и беззаботными людьми, материализовалась в камне и металле память о людях, век назад отдавших жизни за Отечество. Входная арка – и не арка даже. Две темно-серые гранитные опоры-башни, на которых – два ангела с саваном в руках, растянули его над головами вступающих сюда людей. На столбах скромные таблички: «Минское братское военное кладбище 1914–1918 годов». Под табличками влиты в камень колонн георгиевские кресты светло-бирюзового мрамора. За аркой – мощеная дорога к большой часовне Святого Александра Невского, вокруг которой десятки плит с высеченными именами тысяч солдат и офицеров. Надписи говорящие. И говорят на них не столько фамилии и чины погребенных, сколько названия частей, в которых они служили. Тут и простые пехотинцы обычных пехотных и стрелковых полков, тут и артиллеристы, саперы, казаки, оборо-

зники, ополченцы-дружины, летчики. А вот на плите – элита Русской армии: восемь имен солдат лейб-гвардии Семеновского полка, далее – измайловцы, павловцы, лейб-grenадеры и лейб-егеря...

Славное место. Есть военные мемориалы, рождающие безысходную скорбь и отравляющую горечь. Тут, на Старовиленском тракте, получилось по-другому. Торжественно и строго.

Говоря откровенно, город-герой Великой Отечественной войны Минск городом-героем Первой мировой до сего момента не воспринимался. Беседы с белорусскими историками на устроенному днем позже в резиденции Россотрудничества круглом столе, посвященном Первой мировой войне на белорусской земле, в корне изменили это представление. Один из самых ярких исследователей, Вячеслав Бондаренко, рассказал о том, что военное кладбище было открыто еще в конце 1914 года по предложению управляющего Александровским комитетом о раненых генерала Смородского, а в 1915-м на его территории построили скромный деревянный храм. Всего было похоронено более 5 тысяч солдат и офицеров. В конце 40-х кладбище было... Как бы это помягче выразиться? Было закрыто.

Часовня Святого Александра Невского на мемориале Первой мировой войны в Минске

Ангелы над входом в минский мемориал

А восстановили мемориал к 2011 году. Без всякой привязки к дате. Просто восстановили – и все. И 14 августа того же года торжественно открыли.

Что же до самого города-участника Первой мировой, то можно вспомнить, что здесь располагался штаб Западного фронта, формировались два десятка дружин ополчения, работали госпитали и лазареты, на местном аэродроме базировались отряды военной авиации. Германская

армия сумела войти в Минск только в феврале 1918 года, то есть тогда, когда Русская армия уже не существовала, а Советская Россия была в шаге от подписания сепаратного договора с немцами о выходе из войны.

Да, Минск в Перовую мировую на передовой не был. Но жил жизнью прифронтового города долгие месяцы. А фронт в Белоруссии, растянувшийся по ее землям на 400 километров, находился чуть западнее. И в полосе этого фронта оказались небольшие городки Вилейка и Сморгонь.

НА РЕКЕ ВИЛИЯ

Ранний выезд предполагает, что где-то на полдороге 100-верстного маршрута неизбежен поиск точки, где продается кофе. Сворачиваем в одну из придорожных деревень. Кофе тут и не пахнет, зато в глубине единственной улицы – живая история. Вероятно, в отдаленных районах Белоруссии такое изредка попадается. Но одно дело предполагать, другое – увидеть собственными глазами. Несколько старых амбаров с продавленными временем и зимами крышами, с заколоченными почерневшими досками окнами. Древняя конюшня с бог весть когда навечно закрытыми воротами. И – полуразрушенная фасадная стена красного кирпича с огромными оконными проемами, потерявшими стекла, но сохранившими изящные росчерки рам. Костел? Синагога? Немцы? Наши?

Спросить не у кого. Народ, как говорится, в поле. Да и не хочется спрашивать, чтобы не разрушать романтическое сплетение места и времени. Кафе подвернулось уже на другом берегу Вилейского водохранилища. Занятно, что в белорусской глубинке, сохранившей все прелести национальной кухни, процветает придорожное кафе с вывеской «Украинский дворик». До литовской границы не то чтоб рукой подать, но недалече. Не то что до украинской. А тут – на тебе! При кафе еще и гостиница... Любо-

пытно, на кого все это рассчитано? По этой трассе дальнобойщики не шмыгают, идут по главной дороге через Молодечно. И туристами здешние места не избалованы. В нескольких десятках километров – берега озера Нарочь, где куча пансионатов и кемпингов. Вот там на кофе и прочие напитки спрос изрядный.

Дама в вышиванке за стойкой бара от вопросов отмахивается. Но при этом безропотно принимает в оплату карту Visa.

За спиной осталась гладь Вилейского водохранилища, рассеченного трассой попрек. Век назад его в помине не было. А текла тут река Вилия, которую сентябрьским вечером 1915 года форсировали прибывшие из Минска части 45-й пехотной дивизии генерала Николаева при поддержке четырех артиллерийских батарей и кавалерии. Чуть ранее Вилию перешли и полки 76-й пехотной дивизии.

Здесь, в деревне Сосенки, где варят сегодня кофе в «Украинском дворике», не заладилось у нашей конницы. Деревню оборонял один-единственный германский эскадрон в 80 сабель с двумя орудиями. Но долго не давался всадникам 6-й кавалерийской дивизии. Что там говорить, немцы тоже умели воевать.

Поучаствовали в бою и части 18-й пехотной дивизии. С фланга на немецкие позиции двинулись знаменитые полки Русской армии: пехотные 69-й Рязанский и 70-й Рязанский.

Самое время пояснить, почему к событиям вокруг крохотного городка на берегу узкой речки

На подъезде к Вилейке. Там, где кофе и не пахнет

привлечено столько внимания. После Свенцянского прорыва немцев на северо-западе Белоруссии в начале сентября 1915 года сложилось трудное положение. Можно сказать, отчаянное. В 20 верстах юго-западнее Вилейки – Молодечно с железнодорожной станцией, на которой сходились рельсы, ведущие из уже захваченных Гродно и Вильню (ныне – Вильнюс) на Минск и Полоцк. Немцы упорно пытались взять Молодечно, а заодно разобраться и с настырной Сморгонью, но все никак не получалось. А вот Вилейку, через которую проходила «железка» на Полоцк и, следовательно, Петербург, взяли. Создали уступ. И, отталкиваясь от него, вполне могли сделать нам много неприятностей.

Защищать Вилейку отправились отборные части, проверенные в боях, в том числе на Западном фронте. И дрались за город немцы насмерть. Особенно в уличных боях. Когда русские солдаты Вилейку таки взяли, стали считать пленных. И их было довольно мало, учитывая плотность живой силы на этом участке фронта. Оказалось, что многие германцы полегли в штыковом бою, которого наши противники по большей части избегали. Короче, выступ срезали за два дня. В честь освобождения Вилейки один из свежесформированных полков – 748-й пехотный – получил соответствующее

имя. К слову, второй раз немцы пришли сюда в декабре 1918-го. Но тоже ненадолго. Их сменили поляки. До 1939 года.

В 1915-м город был сильно изувечен артиллерийским огнем. И смотреть в современной Вилейке, строго говоря, не на что. Местный житель и одновременно военный историк Андрей Коркотко этого и не скрывает. По части старинной светской архитектуры Вилейка – не лакомый объект. Интерес представляется разве что железнодорожный вокзал, чудом сохранившийся во время боя и почти в первозданном виде доживший до наших дней. Да здание пожарной части начала XX века, где располагается краеведческий музей.

Храмы – другое дело. Есть костел Вознесения Святого Креста, построенный в 1913 году в стиле неоготики. Впрочем, что в нем изначальное, а что плоды реставрации, разобрать трудно. В Перову мировую пострадал изрядно. А после Второй был превращен в склад.

Костел стоит на центральной площади города. Аккурат напротив православной церкви Преподобной Марии Египетской, воздвигнутой в начале XIX века. Почему именно Марии Египетской, узнать не удалось. На оба храма сурово взирает белокаменный Ильич с постамента-трибуны. Очевидно, хочет высказаться, но некому. Носящая

имя Ленина площадь, несмотря на духовно-материальное присутствие двух христианских конфессий, вовсе не пустует. Но люди приходят сюда по каким-то другим поводам. Они – у храмов, на автобусной остановке, у входа в супермаркет, у веселого фонтана посередке площади. У трибуны – никого.

Современная Вилейка, насчитывающая 27 тысяч жителей, известна еще тем, что рядом с городом находится узел связи Главного штаба ВМФ России. Но это уж вовсе не экскурсионная тема.

Железнодорожный вокзал в Вилейке, почти такой же, как и сто лет назад

ОТ ПОГОСТА ДО ПОГОСТА

Вот уж где не чаял встретить людей в полдень будничной среды, так это на городских кладбищах. Их два. Одно называется «Лесное». Другое вроде никак не называется. По крайней мере, на входной арке белого силикатного кирпича таблички с названием не видно. По проекту эта арка будет в скором времени оштукатурена, над центральной частью появится купол, и она превратится в надвратную часовню. Тогда, вероятно, и надпись соответствующую сделают. Время стерло могилы 300 солдат Первой мировой, которых тут похоронили когда-то. И восстановить утраченное трудно, если вообще возможно: верхний слой – захоронения позднего периода, гражданские. Хорошо уже то, что найдены данные 250 человек из погребенных. Однако зримый след войны есть и тут. Советско-польской войны 1919–1920 годов. Польский след.

На «Лесном» иначе. Могилы павших облагорожены памятника-

ми и мемориальными камнями да плитами. Вот лежат казаки Донского и Амурского войск, погибшие во дни Свенцянского прорыва немцев. Вот – солдаты, убитые в атаках на деревню Порса при освобождении Вилейки. Вот – камень, под которым останки 26 воинов, павших в бою за деревню Красный Бережок.

Да, Бережок... Как же невесело умирать у деревни с таким веселым названием.

В Вилейском районе памятных мест много. Выезжаем из города в сторону Нарочи. К Литве поближе. Поселок Боровцы. Стоп машина! На самом въезде у шоссейной обочины – памятник. Небольшая площадка, обложенная по границе крепкими валунами. В конце – пирамида выше человеческого роста из таких же серых и рыжих валунов, грубо связанных цементом. На верхушке – простой черный крест. Рядом два крупных гранитных камня, похожие будто братья. На каждом надпись. Первая сообщает, что на

этом месте с 1918 по 1973 год находилась часовня, то есть часовня, в память о погибших в Николаевскую войну. Вторая – что мемориал создан в 1998 году, к 80-летию окончания Первой мировой. Есть на земле люди, не только вековыми датами живущие. Через дорогу – автобусная остановка. Под косой крышей прячутся от солнца двое. А загорелый дочерна особым, крестьянским загаром парень лучай давно не

боится. Курит в сторонке. Выясняю, что местный, из Боровцев. Киваю на довольно свежие венки из искусственных цветов на валунах, интересуюсь – откуда? Парень отвечает: мол, наши приходят, женщина одна убирает. Спокойно так, будто всегда и всюду у деревенских могил на славянских землях не истрепанные ветром и дождями цветы и чистые дорожки из вручную уложенного дикого камня.

Придорожный мемориал русским солдатам в селе Боровцы, погибшим и умершим от ран в «Николаевскую войну»

Захоронения и мемориальные плиты на кладбище «Лесное» в Вилейке

БОРИС БОРИСОВИЧ

Еще в Минске на круглом столе примечаю, что многие участники живо интересуются, а будет ли Цитович. Уже в ходе официальной части Андрей Коркотко поясняет, что не будет. По объективным причинам. Волей-неволей кажется, что эти самые причины – некая дань вежливости. А на самом деле этот известный в Белоруссии человек во все ни на какие круглые столы и не собирался. Далеко, и забот по горло. В Сморгони готовятся к открытию первой части мемориала, посвященного легендарной обороне этого городка. Цитович – один из создателей и кураторов проекта. Какие уж тут поездки в столицу? Уж лучше вы к нам. В Забродье. А со временем – вновь в Вилейку, где также планируется открыть музей Первой мировой.

От Боровцев до Забродья километров семь. Далее – тихой сельской дорогой мимо лугов, обсыпанных многоцветьем буйной травы, да мимо сосновых опушек. Здесь, на окраине деревушки в полтора десятка домов, в далеком 1974 году осел художник-график и скульптор Борис Цитович. Его работы экспонируются в Национальном художественном музее Беларусь, приобретены коллекционерами России, США, Германии, Польши, Литвы. Помимо творчества Борис Борисович вот уже который десяток лет посвящает тому, что одним словом и не назовешь. Занимается военной историей страны, прежде всего периодом Первой мировой, и в научном, и в сугубо прикладном смысле. В Забродье все началось с восстановления лазаретного кладбища солдат 29-й пехотной дивизии 20-го корпуса 2-й армии Западного фронта. Оно было обнаружено Цитовичем неподалеку от Забродья, рядом с местечком с характерным названием – Русское Село. Массивный крест из белого камня виден издалека любому, кто движется по дороге, соединяющей Вилейку с Нарочью. Вокруг креста уже знакомые суровые

Музей-часовня
Святых Бориса
и Глеба
в Забродье

валуны. На валунах лаконичные надписи. Где общего порядка, где именные. Есть такая: «мл. унит-оф. Иванов Константин Федорович, 3-я бат. 17 отд. тяж. арт. дивизиона. 27.07.1916». И такая: «Неизвестный солдат, павший у дер. Ляховщина».

Экспозиция
музея-часовни
Святых Бориса
и Глеба
в Забродье

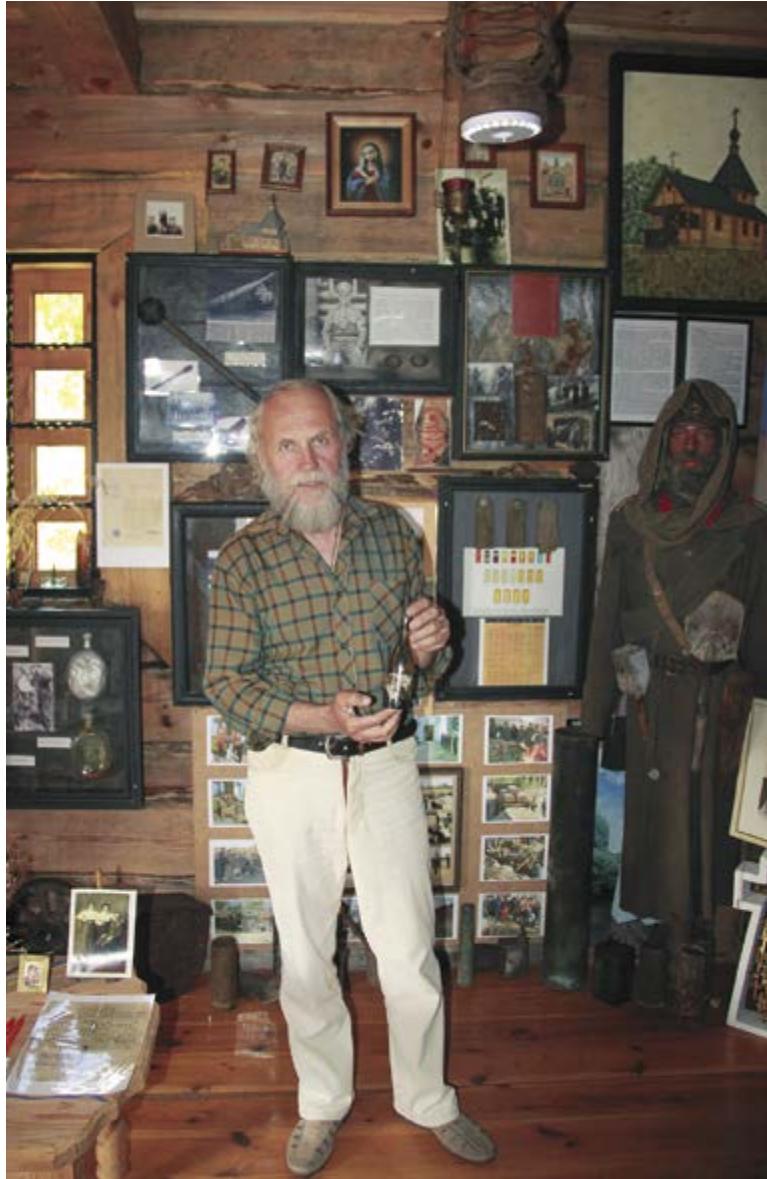
В 2004 году Цитович становится лауреатом премии президента Белоруссии в области изобразительного искусства. Премия помогла построить в Забродье часовню-храм Святых Бориса и Глеба, довольно скоро приобретшую еще одну функцию – му-

зея. До сих пор это единственный пока в республике музей Первой мировой войны.

Борис Борисович встречает с улыбкой. Хотя мы прилично припозднились, путешествуя по виленским весам. Видно, что далеко не первый раз он рассказывает об истории часовни, об экспонатах, собранных им за долгие годы, дарит любопытные сюжеты времен Великой войны. Но нет в голосе традиционной для экскурсовода-формалиста усталости и монотонности. Как нет усталости от темы, которой он посвятил значительную часть жизни.

А экспонаты на самом деле удивительные. Вот солдатский Георгиевский крест, будто новенький. Реплика? Подделка? Ничего подобного. Солдаты дорожили этой наградой и перед атакой кресты снимали. Чтобы не потерять в горячке боя. Аккуратно прятали в кусок ткани, а уж потом – в шинельный карман. Потому найденные поис-

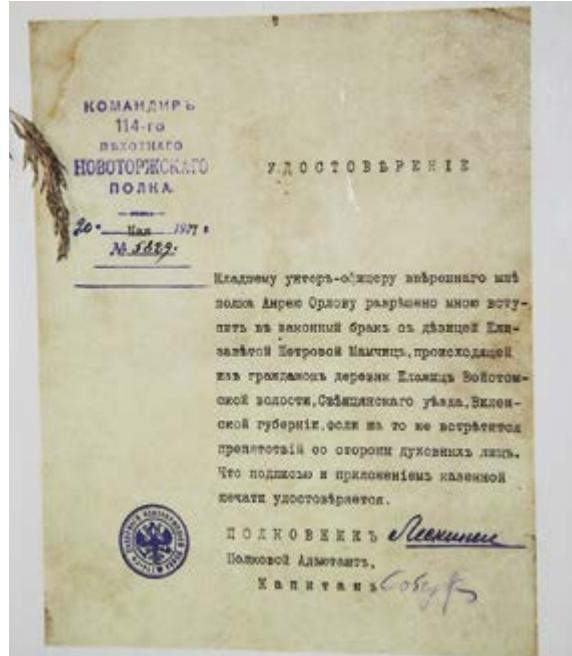
ковиками кресты зачастую выглядят новенькими.

На стенах часовни – множество фотографий в простых рамках. На полу – ржавые снаряды и мины. По углам – два манекена в полевой форме русской и германской армий. На стенах – противогазы, каски, фонари, саперные лопатки, фляжки. Даже полковая труба имеется. Очень любопытный стенд с фотографиями, на которых изображены авиаторы-белорусы, награжденные в Перову мировую орденами Святого Георгия и Георгиевским оружием. Не так их мало, оказывается, было.

Рядом с храмом – колокольня, также срубленная из вручную тесанных бревен. А чуть поодаль –

обширный сарай, к которому Борис Борисович ведет так, что понимаешь: впереди сюрприз. И верно: в сарае-гараже с десяток авто и мотоциклов, прибывших из 1941 года. Да и во дворе пара пехотных грузовиков стоит, так знакомых по фильмам про Великую Отечественную. Гордость хозяина понять можно: мало того что найдено, так еще и вся техника на ходу. И в тех самых фильмах мотоциклетки и броневики снимаются с удовольствием.

Но сейчас тихо. Движки отдохивают. За грубой оградой крохотный пруд. На плотной зеленой воде – ни морщинки. А на поверхности – бледно-розовые лилии. Этот цветок издревле почитали за символ милосердия.

Раритеты
Первой мировой
в Забродье

Борис Цитович
и его жизнь

В СТОРОНУ ОТ СМОРГОНИ

Это уже в пути выяснилось, что в райцентре Сморгонь нам будут не слишком рады. Хотя у белорусов и не принято подавать вид, что ты в данный момент не слишком желанный гость. В городе вовсю идет подготовка к открытию мемориального комплекса. Само открытие – 1 августа. А на календаре – 23 июля. Все понятно?

Понятно. Тем более что согласно разведанным Сморгонь в этом году открывает лишь малую часть задуманного. По проекту, мемориал займет 130 гектаров и будет закончен к 2018 году, к 100-летию завершения Первой мировой войны. А пока готово лишь несколько скульптурных групп, среди которых и главный памятник – «Крылатый гений солдатской славы». Но не забраться в Сморгоньские земли тоже нельзя. Ведь фронт держался два с лишним года не только в самом городке, но и в окрестностях. Фантастическая оборона Сморгони, растянувшаяся на 810 дней, это не только полностью уничтоженное селение, покинутое 16 тысячами жителей, не только яростные схватки первых дней, когда в ближнем бою погибло более 5 тысяч немцев и более 3 тысяч русских. Это и громадный

укрепрайон, изобиловавший траншеями, дотами, колючкой, минными полями.

Минуем село Нарочь и пересекаем границу Вилейского и Сморгонского районов. Более того, границу Минской и Гродненской областей. Выше к северу – озеро Вишневское, круглое точно блюдце. За ним в 15 километрах – озеро Нарочь. Это между ними пошли на прорыв русские войска весной 1916-го, в очередной раз вытаскивая из беды измученные окопной войной под Верденом французские армии. Это там, в межозерье, погибли тысячи наших солдат в безнадежных атаках.

Под Сморгонью было иначе. Здесь не было противоречивых приказов и бессмысленных штабных экспериментов. Здесь был отдан только один приказ: «Ни шагу назад! Стоять на смерть». И его выполняли. С 20 сентября 1915 года по 18 февраля 1918-го. Первыми его выполнили воины 9-й, 10-й сибирских стрелковых и 25-й и 68-й пехотных дивизий, которые 20 сентября отбили захваченный было немцами пятью днями ранее город. Затем в дело вступила русская императорская гвардия, переброшенная под Сморгонь из-под Вильно. Гвардейский корпус прибыл в город

24 сентября и сразу вступил в бой. Здесь в который раз покрыли себя славой преображенцы и лейб-grenадеры, полки 3-й гвардейской пехотной дивизии и гвардейцы-артиллеристы. К началу октября немцы были отбиты окончательно и начали зарываться в землю.

Кругом – поля. Редкие перелески. Слева спешит навстречу с Неманом уже знакомая речка Вилия. Кстати, белорусы произносят «Неман» через «ё». Если подняться по Вилии чуть выше к истоку – там Сморгонь. А тут – ее укрепления.

Указатель на деревню Няфеды. Няфеды по-нашему. Самой деревни с дороги не видать. Вокруг – ни души. Да и откуда им взяться, душам, ежели в Нефе-

Мемориал
у Русского Села.
Тут все вместе:
поименные
и неизвестные

Под Сморгонью.
Немецкие доты
как символ
окопной войны

дах живет сейчас меньше сотни человек. По выгорающей траве мимо слабеньких деревьев, сбившихся в крохотные стайки, выбираемся к кромке ржаного поля. Колосья гуляют под ветром мелкой волной. Вдали мрачнеет лес. На соседнем поле качают тяжелеющими от вызревающих семечек головами подсолнухи. Их сотни, будто роты в вольном строю. И вдруг перед глазами – длинный, высотой в несколько метров холм. Или насыпь? Очевидно, что-то рукотворное. Уж больно гладки здесь исконные земли. Насыпь поросла травой, края обмякли, но до сих пор выглядит опасно. Особенно для тех, кому когда-то приходилось брать ее с боем.

Среди деревьев и травы – нагромождения бетонных глыб. Они едва выступают над поверхностью земли и замаскированы природой за последние сто лет так, что не сразу обнаружишь. Зато под землю уходят глубоко, что там до сих пор таится, знают только ребята из поисковых отрядов. Это немецкие доты, глядящие глазами-бойницами на окружающие их рожь и подсолнухи, на далекий темный сосняк, скрывающий нарочьеские болота, на нас, осторожно ступающих по остро пахнущей миром траве. Обратный путь всегда короче. Вот и Минск. Проезжаем мимо ангелов, накрывающих саваном вход на мемориал. Теперь, после сморгонских дотов и насыпей, понятно, откуда в здешних похороненных списках имена русских гвардейцев. Сутки назад казалось, что и Сморгонь, и Вилейка от Минска ой как далеко. Сутки назад здесь, на столичном Братском кладбище, теплый и мягкий, точно слезы, дождь, упавший с ясного доселе неба, показался не более чем случайностью. ●

Автор благодарит за помощь заместителя руководителя представительства Россотрудничества, первого секретаря посольства России в Республике Беларусь Виктора Мичурина.

МОРЕ РЯДОМ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АЛЕКСЕЯ КОРНЕЕВА

ПЕТЕРБУРЖЦЫ РЕДКО ВСПОМИНАЮТ, ЧТО ЖИВУТ НА БЕРЕГУ МОРЯ, А ФИНСКИЙ ЗАЛИВ ПРЕЗРИТЕЛЬНО НАЗЫВАЮТ МАРКИЗОВОЙ ЛУЖЕЙ. МЕЖДУ ТЕМ МОРЕ БЛИЗКО: ВОЛНЫ, ВЕТЕР, КРИКИ ЧАЕК, ПРОСТОР И СВОБОДА. ОНО ЗОВЕТ К СЕБЕ ТЕХ, КТО СУМЕЕТ ЕГО ПОЧУВСТВОВАТЬ.

...д

ВЕ МАЛЕНЬ-
КИЕ деревян-
ные лодочки
смело направ-

ляются к огромному бригу. На корабле – тревога: команда заряжает пушки, пытаясь потопить противников, но те все равно берут судно на абордаж. Схватка как в кино: солдаты фехтуют шпагами на палубе, кто-то лезет на мачту, его подстреливают, он падает в воду...

Когда пушечный дым рассеивается, исход битвы уже известен – шведский бриг захвачен русскими моряками, в этой морской битве наши победили.

– Кто бы сомневался, что мы проиграем! Вот бы была битва не в Неве, а где-нибудь в районе

Стокгольма, тогда все было бы иначе, – смеются «шведы» и, покрасовавшись немного в своих костюмах, идут переодеваться. В роли шведских захватчиков выступали участники петербургского клуба исторического и сценического фехтования «Силуэт».

ТЕЛЬНЯШКА НА 14 ЧЕЛОВЕК

Инсценировка морской схватки времен Северной войны – это лишь малая часть всех развлечений, которые выпали на долю Петербурга в последние выходные августа. В городе прошел первый Международный морской фестиваль. Власти города спохватились: про «культурную столицу» все знают, а вот о «морской столице» подзабыли не только гости Санкт-Петербурга, но и сами жители. Поэтому было решено срочно сделать «морскую прививку» всем желающим – устроить грандиозный трехдневный праздник. Фестиваль проходил сразу в трех местах – на набережной Лейтенанта Шмидта на Васильевском острове, в Кронштадте и в Ломоносове. Набережная Невы превратилась в пешеходную зону. На трех сценах выступали музыканты всех направлений, от рока до блюза, играли военно-морские оркестры, в палатках угощали рыбой, по набережной прошло карнавальное шествие с Нептунами, желтыми подводными лодками, русалками и осьминогами.

Ажиотаж вызвали митьки – знаменитая неформальная группа петерских художников. Они где-то достали старую ржавую баржу, пришвартовали ее к набережной и окрестили эту посудину арт-баржей «Митёк». Все выходные баржа принимала гостей – на художественные мастер-классы и музыкальные выступления. Главный митек, Дмитрий Шагин, известный петербургский художник, ставший уже частью городской мифологии, убеждал всех, что митьки всегда хранили верность морю – не случайно же их «форменная» одежда – тельняшки. Специально для праздника они даже сшили тельняшку, в которую влезает 14 человек разом. Кстати, к празднику приурочили и празднование 140-летия тельняшки – оказывается, тельняшка стала символом флота 1 сентября 1874 года по предложению великого князя Константина Николаевича Романова.

– Генерал-адмирал увидел этот атрибут на моряках, ходивших в заграничное плавание в Средиземноморье, – рассказал хранитель музея «Морская Стрельна» Олег Вареник. – В южном море им было жарко в толстых и теплых нательных рубахах,

и моряки закупили себе хлопчатобумажные, полосатые – на Мальте и во Франции. Тельняшки так понравились князю, что он повелел одеть в них весь флот. Правда, изначально полосы были неодинаковые – белые в четыре раза шире синих.

НЕИЗЛЕЧИМАЯ ЯХТЕННАЯ БОЛЕЗНЬ

Но все эти развлечения – тельняшки, мастер-классы, концерты – для тех, кто страдает морской болезнью и готов любоваться водными просторами лишь с берега. Те же, кто не боится бросить вызов стихии, получили возможность пройти школу юнг и прокатиться на настоящих яхтах. Нас взяла к себе на борт двухмачтовая шхуна «Гея». «Гея» вышла в акваторию Невы и, расправив паруса, пошла в сторону моста Лейтенанта Шмидта, чтобы сделать там разворот и направиться обратно к причалу, совершив, таким образом, небольшой «круиз». Если вы в детстве зачитывались Жюлем Верном и Дюма, то вам обязательно надо прокатиться на яхте! Ступив на борт, вы оказываетесь в царстве «грот-мачт», «стакселей», «фордевинда» и «швартовых». Капитан громо-

вым голосом кричит: «Травить шкоты!», а команда сноровисто тянет за веревки и завязывает морские узлы. Но пока пассажиры вслушиваются в знакомые по приключенческим романам термины, команде не до шуток: узкая Нева не терпит промедления и ошибок, команды капитана нужно выполнять мгновенно. Впрочем, и для пассажиров получасовой «круиз» оказался нелегким испытанием – сидя на ветру без движения, начинаешь мерзнуть, ведь конец августа в этом году в Петербурге выдался достаточно прохладным.

– А вы встаньте на шкоты, сразу согреетесь! – предлагает капитан шхуны Кирилл Лысенко. – Вообще, конечно, у нас не Лазурное побережье... Ветра суровые, вода холодная. Бывало, и в штормы «Гея» попадала, яхту кренило на волнах, левый борт оказывался весь в воде. Но это хоть выглядит жутко, на самом деле не опасно, если уметь ях-

той управлять. А один раз у нас случилась течь, тут уж приходилось соревноваться – кто быстрее, вода или мы.

Вообще, оказавшись на яхте, быстро понимаешь, что это занятие совсем не так «гламурно», как это представляется, когда глядишь на картинки. Холод, теснота и духота маленьких кают, качка, жизнь поделена на вахты, личного пространства – минимум. В длительных переходах приходится экономить питьевую воду. Но парадокс: все, кто полюбил яхтинг, уже не могут от него отказаться. Яхтсмены в один голос утверждают, что яхтенный спорт – это болезнь.

– Причем неизлечимая! – смеется старпом «Геи». – Мне зимой так тесно в квартире! Яхта даже снится. Если есть возможность, уезжаем на недельку в теплые страны, арендаем судно и участвуем в международных регатах. Морской фестиваль – праздник не только для горожан, но и

для яхтсменов, ведь редко когда удается пришвартоваться прямо в центре города, как правило, частные яхты в акваторию Невы не допускают. Одна из стоящих на причале яхт привлекает внимание тем, что ее команда будто и не собирается выходить в море: ребята готовят прямо на палубе шашлыки. Оказывается, эти гурманы – знаменитый экипаж яхты «Петр I», которая установила мировой рекорд – совершила кругосветное путешествие вокруг Арктики.

– Конечно, мы шли не только под парусами, но и на моторе, – говорит капитан «Петра I» Даниил Гаврилов. – Но впервые без зимовок и ледоколов были пройдены Северо-Восточный и Северо-Западный морские проходы. Мы обогнали соперников на 12 часов. Путешествие заняло у нас время с июня по ноябрь 2010 года. Еще одни «экстремалы» – те самые ребята, которые в деревянных лодочках участвовали

во взятии на абордаж «шведского» брига. Оказывается, это гички – парусно-гребные лодки XVIII века. И экипажам гичек приходится вступать в бой не с бутафорским противником, а с реальной стихией.

– Наши лодки – точные копии французской гички, которую в 1798 году выбросило на берег в Ирландии, – рассказывает рулевой Иван Жбанов. – Ирландцы ее в деревне у себя в каком-то сарае хранили полтора столетия, пока в 1944 году ее случайно не обнаружили. Сейчас она экспонируется в Дублинском морском музее. Потом появилось международное молодежное движение Atlantic Challenge, организаторы которого взяли эту старинную лодку за образец, наиболее подходящий для сплочения экипажа. Теперь молодежные команды (10 гребцов и рулевой) по всему миру соревнуются в мастерстве и скорости на деревянных гичках.

Сам Ваня впервые сел в гичку в 15 лет, и с тех пор каждое лето он отправляется в длинные походы и участвует в соревнованиях. Сложно представить, что эта маленькая открытая лодка может пройти сотни километров, но именно так и происходит.

— Мы участвовали в этом году в праздновании 200-летия Гангутского сражения, дошли до полуострова Ханко, — говорит Ваня. — Бывало, что и в волнение попадали, приходилось срочно приставать к берегу и вытаскивать лодки на сушу. Но самое тяжелое — это штиль. Когда мы шли на Гангут — а это почти 450 километров, — то ветра целый месяц практически не было. Приходилось идти на веслах по жаре.

Изначально гички выполняли представительскую функцию: когда судно стояло на рейде, адмирал на красивой шлюпке с лучшими гребцами в специальной парадной форме отправлялся на берег или на другой корабль.

– В память об этом на Atlantic Challenge есть специальные соревнования по искусству гребли, – говорит Ваня. – Тут важно не то, как быстро гичка добралась до нужной точки, а как слаженно и красиво работают гребцы, как изящно принимают на борт и высадивают на берег пассажиров.

ОРАНЖЕВАЯ ГОНКА

Самое главное событие Международного морского фестиваля – это регата Orange Race. Гонка не случайно называется «оранжевой» – ведь стартует она на южном берегу Финского залива, в городе Ломоносове или, как его раньше называли, Ораниенбауме. Если в Петербурге морской фестиваль проходит впервые, то в маленьком Ломоносове праздник моря устраивают уже четвертый год подряд. – Четыре года назад отмечалось 300-летие города Ломоносова, – рассказывает организатор Ораниенбаумского морского

фестиваля Евгений Захаров. – У нашего Ораниенбаума богатая морская история: здесь был учрежден второй яхт-клуб (первый – Императорский). Назывался он «Общество любителей яхтенного спорта». Ведь это было дачное место, здесь отдыхала петербургская аристократия, консулы и послы, а эти господа занимались яхтингом. К сожалению, это осталось в прошлом. Нас, жителей Ломоносова, сильно расстраивало то запустение, которое уже много лет царит на южном побережье Финского залива. Закрытые территории полузаброшенных военных баз, промзона, самозахваты, никакой инфраструктуры – и это при наличии красивейшего побережья! Чтобы напомнить людям о морской прелести наших мест, мы решили организовать небольшую регату – в первый год участников было чуть более 30. Яхтсмены – народ специфический. Их не заманишь калачом,

деньгами, какими-то посулами. Если им что-то не понравится, то в следующий раз они не придут. Но, к счастью, наша скромная регата полюбилась морским волкам: в этом году у нас уже сотня парусов, не считая детские швертботы – их еще 60.

Действительно, когда около сотни больших и маленьких яхт и катамаранов выходит в акваторию Финского залива – это очень красиво. Хотя понять, кто вырывается вперед, а кто отстает, невозможно: у каждой яхты свое время старта и своя дистанция – в зависимости от ее категории. Зрители наблюдают за гонкой с Паромного причала, некоторым счастливчикам удается попасть на катер, снаружи между яхтами.

– Как только яхта делает поворот и ветер становится по-путным, поднимают спинаркер – парус для попутного ветра, – объясняет водитель катера и опытный яхтсмен Алексей Гусев.

Яхты с поднятым спинакером – это грандиозное зрелище. Спинакер – это «лицо» яхты, и каждый украшает его по-своему. Кто-то сторонник классического белого, а чей-то спинакер пугает «пиратским» черным цветом. В гонке участвовали даже яхты с парусом цвета российского флага. Но случалось, что наполненный ветром красавец-парус вдруг безжизненно провисал.

– Потеряли ветер, – комментирует Алексей Гусев. – Надо срочно искать, а то теряется скорость. В этом году с погодой повезло, хотя и прохладно. А на

прошлом фестивале вдруг во время гонки ветер стих, и начался дождь. Гонку пришлось даже переносить.

СТАРИННАЯ КИНОЗВЕЗДА

«Лира», «Кайфун», «Лафа», «Спокойный», «Селенга» и даже «Кузя» – фантазии яхтсменов нет конца, когда они придумывают названия своим детищам. Но самое уникальное судно регаты не участвует в гонке – это судейское судно, двухмачтовый бриг «Триумф». «Триумф» выглядит как старинная яхта XIX века, с деревянными реями, каната-

ми и пушками. Да и капитан у «Триумфа» под стать – седовласый и бородатый морской волк в белой парусиновой робе – Борис Сидоровский. Бриг он создал сам 27 лет назад – по старинным чертежам.

– Я работал в Военно-Морском музее, был там начальником реставрационных мастерских, – рассказывает капитан «Триумфа». – Поэтому я был вхож во все фонды и видел подлинные чертежи старинных голландских и немецких прогулочных яхт. Я сконструировал этот бриг из старой рыболовецкой посуди-

ны, которую мне чудом удалось выкупить у рыбколхоза. Это не копия какого-то конкретного корабля, это собирательный образ старинной яхты. Строили мы его сами, вместе с друзьями. Надо мной иногда посмеиваются, мол, в адмиральской каюте в окнах обычное оргстекло вставлено! Но прошло тридцать лет, а оно даже не треснуло: я изучил строение яхт и создал такую геометрию корпуса, что при самом сильном шторме в окна долетают только брызги.

Бриг оказался уникальным – в 1987 году других таких старин-

ных яхт в России не было. Неудивительно, что им заинтересовались кинематографисты – «Триумф» наперебой приглашали (да и до сих пор приглашают) сниматься в исторических картинах.

– Ездили на Черное море и участвовали в съемках «Узника замка Иф», – вспоминает Борис Сидоровский. – Должны были быть яхтой графа Монте-Кристо. Снимали много, но в итоге все вырезали, оставили только пару кадров идущего по волнам парусника. Наш бриг снялся в 27 картинах! Бывали и ляпсы – однажды

почему-то в ленту попал кадр, как «Триумф» идет по морю без парусов – сняли в тот момент, когда мы шли к месту съемки на моторе. Зато когда снимали фильм Эльдара Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви», мне нужно было корабль посадить на мель. Каскадеры не знали, как это безопасно сделать, но я им пообещал, что все сделаю сам. Носом вылетел на берег, нос поднялся чуть ли не на метр. Я просто знал, в каком месте такая штука пройдет безнаказанно – я на этом корабле 27 лет хожу! Когда все засняли, я спокойно дал задний ход и сполз в воду.

Хотя «Триумф» давно стал «кинозвездой», жизнь у яхты и у его команды непростая – содержание такого судна требует больших затрат.

– В гонках мы почти не участвуем, потому что в России нам не с кем соревноваться, – говорит Михаил Сидоровский, помощник капитана и его сын. – Яхт такого класса в нашей стране нет. Обычно мы выступаем как судейское судно, как и на этой регате. Содержим «Триумф» с помощью туристов, хотя все не можем накопить на капитальный ремонт, который нашему старику уже необходим. Наш «Триумф» стал для десятков молодых людей первым шагом в большое плавание: к нам часто приходят новички, помогают нам в подготовке судна к сезону, мы знакомим их с устройством яхты, берем с собой в походы. Многие из этих ребят так влюбляются в море, что идут учиться в Академию имени Макарова и становятся профессиональными моряками.

– Наверное, мы могли бы, как и наш знаменитый «Штандарт», жить припеваючи в Европе, там старинные яхты ценятся на вес золота, – говорит Борис Сидоровский. – Десять лет назад мы даже ходили через пол-Европы до Дании. Но я считаю – и команда меня в этом поддерживает, – что верна пословица: где родился, там и пригодился. Родина «Триумфа» – воды Финского залива.

ГОВОРИ, МАГНИЦКИЙ!

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГЭ-2014 ПОРАЗИЛИ САМИХ ЭКЗАМЕНАТОРОВ. СДАЛИ ТАК ПЛОХО, ЧТО МИНИМАЛЬНЫЙ БАЛЛ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ АТТЕСТАТА ПРИШЛОСЬ ОПУСТИТЬ НА НЕСКОЛЬКО ПУНКТОВ. ОСОБЕННО УДРУЧАЮЩИМИ ОКАЗАЛИСЬ «УСПЕХИ» ПО МАТЕМАТИКЕ, И ЭТО – БЕДА НЕ ОДНОЙ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ. В ВЕК ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ЗНАЧИМОСТЬ ЭТОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НЕ НУЖДАЕТСЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБОСНОВАНИЯХ. НО ОНА ВАЖНА НЕ ТОЛЬКО САМА ПО СЕБЕ.

И СПОКОН ВЕКОВ СЧИТАЛОСЬ, ЧТО вкупе с музыкой наука о числах отражает законы мироздания. Те, кому сейчас за 30, помнят цитату Ломоносова, которая украшала кабинеты в советских школах: «Математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит». Так вот, ЕГЭ показал, что ум у нас в беспорядке. Способность перенимать знания – родовой признак Русского мира. И, возможно, «русский путь» – это бесконечное образование. И то, что сегодня мы разучились учиться, говорит о сбое системы, о больших нарушениях сущностного порядка. В моей голове горестные итоги ЕГЭ неразрывно связаны с личностью Леонтия Магницкого – первого русского учителя и автора первой русской «Арифметики», друга и сподвижника Петра I. Его по праву можно назвать отцом отечественной науки, что понимали и в царской России, и в СССР. 300-летие Магницкого в 1969 году праздновали по всему Союзу. А 300-летие выхода «Арифметики» в 2003-м никто даже не заметил. Казалось бы, сейчас, когда реформа образования в центре общественного интереса, имя первого реформатора должно стать символом этих перемен! Но ничего такого, увы, не происходит... Первая русская «Арифметика» вышла в 1703 году немыслимым для своего времени тиражом в 2400 экземпляров. 200 из них предназначалось для учеников Навигацкой школы. Остальные Петр велел разослать по стране, включая далекие Хол-

могоры, где один из них попал в руки 14-летнего Ломоносова...

Магницкий был первым российским энциклопедистом, заложил основы отечественной картографии и первым вычислил широту и долготу главных русских городов, руководил возведением фортов и крепостей, изучал астрономию и медицину, был богословом, филологом, поэтом. Родился Леонтий Филиппович в Осташкове, на Селигере, в 1669 году. Его настоящая фамилия Теляшин. Но, узнав его лично в 1700 году, царь был так впечатлен широтой его кругозора, что уподобил магниту и велел писаться Магницким, – ибо «как магнит привлекает к себе железо, так он при-

Иеромонах
Иоанн (Захаров)

родными и самообразованными способностями своими обратил внимание на себя». В 1701 году царь заказал ему учебник и назначил учителем в только что открытую Навигацкую школу, учрежденную под создаваемый флот. В 1731-м Магницкий взглянул ее.

О подвижнике российской науки и ее первом идеологе мы разговариваем с сотрудником Центра Магницкого при Нило-Столобенском монастыре иеромонахом Иоанном (Захаровым). Сам в прошлом учитель начальных классов, ныне отец Иоанн ратует за возрождение памяти Магницкого и той особой системы государственного образования, которую тот создавал.

– *Магницкий – предтеча Ломоносова, с него отсчет. Но Ломоносова знают, а Магницкого забыли. Почему?*

– Михайло Васильевич известен, потому что почти 75 лет назад имя его присвоено МГУ. А Леонтия Филипповича замалчивали, потому что он защищал православие. В «Арифметике» он пишет о Боге, поэтому при советской власти о нем неохотно говорили, хотя его 300-летие в 1969 году отметили довольно широко.

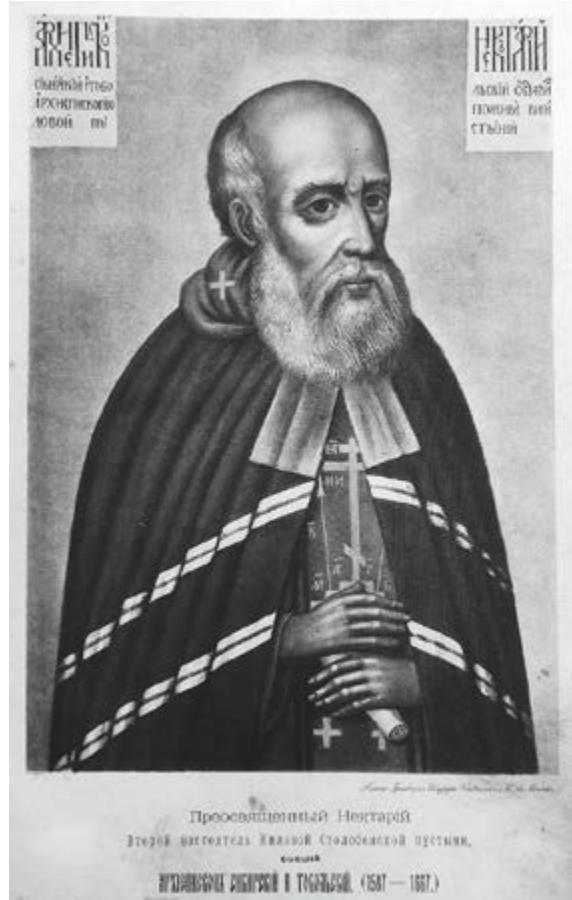
– *Мне кажется, дело не только в этом. И Магницкий, и Ломоносов стояли у истоков российской науки. При этом учитель Магницкий видел ее как*

единство естественной и духовной составляющих, которые он пропагандировал, и православия, которое защищал. А ученик это единство разорвал. Отечественная наука пошла по пути секуляризации, и ученик остался на корабле истории, а учитель – на причале. Я думаю, и до советской власти Магницкий был не в чести.

– Да, еще при жизни его начали «задвигать». А разрыв, о котором вы говорите, осуществил Петр. Ломоносов – младший современник Магницкого. Но разница в возрасте в 42 года была решающей. За это время царь успел изменить Россию так сильно, что для Михайло Васильевича вопрос секуляризации науки уже не стоял. Магницкий же эти процессы наблюдал и в них участвовал. Петр его взглядов не разделял. Для него было важно порвать с прошлым – пусть и ценой отказа от православия. Тому пример дело о ереси Тверитинова. Это был показательный процесс, на заседании Правительствующего сената его разбирали. Его настоящей целью было понять, может ли Россия вовсе сменить веру и стать протестантской. Если бы Петр был верующим, был предан традициям отцов, он бы никогда не устроил это позорище! Зачем так ставить вопрос, нужны ли иконы, нужны ли монастыри и храмы, если мы семь веков с этой верой жили? Магницкий ответил однозначно: да, нужны. Не только в науке – во всем государственном строительстве, в военном деле, в повседневной жизни развития у нас не будет, если отойдем от православия. Эти свои взгляды он изложил в «Записке митрополиту Новгородскому о ереси Тверитинова» – своего рода стенограмме процесса, в котором он участвовал. Ее надо обязательно всем знать. Там такая трагедия, такая борьба! Его отговаривают, убеждают, а он: «Нет! Что скажу Господу, если Он меня спросит, что же Его не защитил? Я должен защищать!» А почему об этом так скоро забыли – тому еще

Моши
преосвященного
Нектария
(1587–1667),
второго
настоятеля
Ниловой пустыни
(находятся
в Богоявленском
соборе мона-
стыря), и его
графическое
изображение.
Святитель
Нектарий
приходился
Магницкому
двоюродным
дедом

есть духовная причина. Мне об этом сказал протоиерей отец Валерian (Кречетов). У дьявола задача – забвению предать угодников Божьих. Тот же Магницкий – сколько сделал и для защиты науки, и для православия! И посмотрите, какая его посмертная участь... Забвение!

– Из моих ровесников не всякий знает Магницкого. А старшее поколение знает... Это он потерял актуальность или мы – память? Почему так происходит?

– Так происходит потому, что нет государственной политики в области образования и нет иерархии ценностей – на что опираться. А относительно актуальности... В советское время задачи Магницкого были и в школьных, и в вузовских учебниках, навигаций раздел «Арифметики» до сих пор изучают военные моряки. Когда я учился в университете, у нас первый билет на экзаменах по методике преподавания математики в начальных классах был «Арифметика» Магницкого – первый русский учебник». А когда, окончив учебу, приехал в Осташков, я сразу увидел памятник ему – маленький, скромный. Но его нельзя не заметить, он расположена на центральной улице города, которая идет по берегу озера Селигер. В городской библиотеке мне предложили к ознакомлению папку. В ней хранились материалы по празднованию 300-летия Магницкого в 1969 году. Представьте – советская власть, филологи,

В память
о Л.Ф. Магницком
в Осташкове
установлена
памятная доска
рядом с бывшим
Знаменским
девичьим
монастырем

историки, математики... Так вот, на триста лет рождения Магницкого они собрали в Осташкове научную конференцию – всесоюзную! К этой дате был выпущен научно-популярный фильм. Интересно было бы найти его в Госфильмофонде. И даже имя Магницкого присвоили одной из центральных улиц города. И все мероприятия курировал Калининский облисполком. То есть юбилеем Магницкого занималось не только научное сообщество, но и власть. А сейчас, казалось бы, живем в более свободном и просвещенном обществе, но внимания со стороны государства к Магницкому нет.

– Мне доводилось общаться с потомком автора «Арифметики» в шестнадцатом поколении, астрофизиком Александром Константиновичем Магницким. Это было года четыре назад, он как раз заканчивал монографию о своем предке. Но она до сих пор не вышла. В нулевых возникла идея открыть в Осташкове мемориал – его не открыли. Мечтали Сухареву башню воссоздать – тоже безрезультатно.

– Александр Константинович книжку пока не закончил, но уже заключен договор о ее публикации с авторитетнейшим издательством по части биографий – Биографическим обществом при Академии наук.

– «Арифметика» Магницкого издана в 1703-м и пятьдесят лет была «единым учебником», по которому в России учились. А потом ей на смену пришли другие. Почему? Ведь по содержанию она не устарела!

– А вот надо посмотреть, какое пособие сменило Магницкого. Но этим вопросом должны заниматься историки науки, которых, увы, мало. Однако интерес к Магницкому есть. Недавно был вечер его памяти в Доме ученых, его устраивал сектор

математики РАН. И отрадно, что участвовали в нем не только профессора, но и докторанты. Они выбирают эту тему, хотят писать. Какое тут может быть новшество? А новшество в том, что он наш первый учитель, и те, кто в этом сомневается, не могут представить других кандидатов. Одни называют братьев Лихуд – но это греки, а речь-то о русских! Другие возражают, что он не может быть первым математиком, потому что в XI веке был некий Кирик. Но Кирик – это не государственная система образования!

– Конечно, Кирик – монах, это «закрытая система», монастырская традиция. С Магницким другое: посреди Москвы Сухарева башня, в ней светская школа для светских людей – причем всех, в отличие от академии Лихудов, куда брали только дворян.

– Согласен. А вот что мне отвечает Российская академия образования за подпись Мясоедова: «Мы не рекомендуем вам называть Магницкого первым русским учителем». Хорошо – если не Магницкий, то кто? Иванов, Петров, Сидоров? Но нет этого, не предлагают никого!

– 19 октября (по ст. ст., здесь и далее. – Прим. ред.) исполнится 275 лет со дня смерти Магницкого. По этому поводу планируются какие-то мероприятия?

– С мероприятиями – проблема, и сейчас мы пытаемся ее донести до правительства России и московских властей. Дело в том, что сегодня и помянуть Магницкого негде. Он был похоронен в Москве в храме Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке. Но храм разрушили в 1927 году, а с ним и могилу. Ее воссоздание для нас первая цель. Архитектурный проект уже написан и представлен правительству РФ. Сейчас он проходит экспертизу, и мы надеемся, на самом высоком уровне будет принято решение о создании оргкомитета по устройству надгробия и памятника этому выдающемуся человеку.

– «Мы» – это кто?

– Проект подготовлен Центром Магницкого при мужском монастыре Нило-Столобенская пустынь. Полное название – «Тверская региональная общественная организация «Верхневолжский духовно-просветительский центр «Наследие Селигера» им. Леонтия Филипповича Магницкого». Центр открылся в 2010 году благодаря поддержке журналистов Москвы – Ольги Каменевой и редакции журнала «Покров». Это были первые исторические публикации. Когда они вышли, мы поняли, что проект будет жить, и зарегистрировали центр как юридическую организацию. Вообще, 2010 год оказался для нас стартовым. Это был Год учителя. К нему мы приурочили несколько научных конференций, посвященных Магницкому, и по их итогам пришли к выводу, что он был не просто выдающимся математиком и педагогом,

При входе
на территорию
монастыря
установлен
памятник
преподобному
Нилу –
основателю
обители

но основоположником отечественного образования. Тогда же мы обратились с запросом в Российскую академию образования, предложив узаконить этот статус. Мы привели такие аргументы. Навигацкая школа, в которой Магницкий преподавал, находилась в ведении Оружейной палаты и существовала на средства государственной казны – то есть была первым образовательным заведением на службе у государства.

– Последнее важно. В конце XVII – начале XVIII века образование в России еще монастырское, ориентируется на книжное, а не практическое знание. Лекарей, зодчих, богословов приглашали из-за границы. В правление Алексея Михайловича при царском дворе появились ученые-поляки. При его наследниках Федоре, Иоанне, Петре и Софье в Москве открылись учебные заведения, ориентированные на секулярные знания, – Типографская школа и Славяно-греко-латинская академия. Но первый по-настоящему светский «вуз» учрежден только в 1701 году.

– Совершенно верно, и это – колыбель нашего образования, прообраз государственного университета – Школа математических и навигацких наук в Москве. И потому, мы считаем, надо поставить вопрос, чтобы день ее открытия, 14 января, был объявлен Днем российской науки и образования, и Сухарева башня, где она помещалась, была построена заново. А теперь посмотрим, кто же в ней преподавал. А преподавали иностранцы. Единственным русским среди них был Леонтий Магницкий и таковым оставался до 30-х годов XVIII века, пока ему на подмогу не пришли его

же воспитанники из лучших выпускников. Но он, конечно же, больше, чем просто первый математик и первый педагог. Рождение Российской империи как мощной державы и подвиг Магницкого, научный и духовный, – вещи взаимосвязанные. В эпоху Петровских реформ иностранцы не только обучали. Мы зависели от Запада в большом и в малом. Независимая русская наука, независимые русские кадры для флота означали независимость России.

– И потому Петр крепко подумал, как организовать подготовку специалистов: отправлять ли наших в Европу или, наоборот, привечать европейцев у нас, в России.

– Посыпать посыпали, но большинство посланных возвращались «онемеченными» или оставались за границей. А Петру, при всем его западничестве, нужны были свои люди, преданные империи. В конце концов ставку сделали на собственную систему образования. Магницкий – это самородок, которого Сам Бог послал России, чтобы организовать независимую подготовку кадров и для флота, и для приказных должностей, и для будущей науки. Его трудами из Навигацкой школы вышла целая плеяда выдающихся специалистов – картографов, геодезистов, навигаторов, – заложивших основы российского образования. Формат Магницкого нельзя занижать ни в коем случае. Одним из первых это понял Ломоносов, назвавший «врачами своей учености» три книги – «Арифметику» Магницкого, «Грамматику» Смотрицкого и «Рифмовенную Псалтирь» Погоцкого.

– В судьбе двух ученых много схожего. Оба из рыбаких семей, оба в 15 лет с обозами пришли в Москву. Но если у Ломоносова были какие-то ориентиры – вот эти книги, то Магницкий шел не проторенным путем. Что за чудо, как он встал на него?

– На конференциях меня часто об этом спрашивают: «Как так – из Осташкова в 15 лет Магницкий пришел в Москву!» Известна лишь дата, когда это произошло, – 1684 год, а все остальное только предстоит выяснить. Оканчивал он Славяно-греко-латинскую академию или не оканчивал, владел древними и современными языками или не владел?.. Первых списков учащихся академии не сохранилось. Но что нам достоверно известно, так это что в 1714 году Магницкий не побоялся принять участие в деле Тверитинова. На нем присутствовали первые лица государства, уже задававшиеся вопросами: зачем нам книги житий русских, зачем священнослужители, а церковь зачем, а причастие зачем, а Истина зачем? Давайте жить как в Голландии живут, как в Англии – и чи-

тать будем то, что там читают о Боге! И соблазн у Петра I был... Когда он съездил в Европу, он понял, что технически мы отстаем. И возникла мысль, что если возьмем веру тех народов, то и жить будем так же. Так рассуждал Петр, так думали в его окружении и уже косо смотрели на церковь православную. И вот тут Магницкий огромный вклад внес в историю нашей страны – написал «Записку о ереси Тверитинова». Он сам принимал участие в поединке против сторонников этой ереси – диспуте, который состоялся в Петербурге в присутствии высших сановников и членов Правительствующего сената.

– Как эти диспуты проходили? Как наши телевизионные «барьеры» и «поединки»?

– Совершенно верно. Они вошли в моду еще при Алексее Михайловиче – тогда спорили сторонники православия и раскольники – и проходили в Грановитой палате или домах знати. А заслуга Магницкого в том, что он не только участвовал, но и все подробно описал – кто был на поединке,

что сказал, как позорно выгнали из зала митрополита Стефана Яворского. Тот заплакал и ушел. Таким уже было отношение к священнослужителям после устронения патриаршества. Царь склонялся к протестантской ереси, был на грани ее принятия как религии государства. Вот в какой момент в дело вмешался Магницкий.

— Что за персонаж Тверитинов?

— Дмитрий Тверитинов был лекарем, подвизался в Немецкой слободе, лечил богачей из окружения Петра I. Лечил — и потихонечку их подначивал. Православие — зачем нужно? Причащаться не надо, исповедоваться не надо, храмы строить не надо. А вот мы дома соберемся и прочитаем Евангелие!.. Петр наблюдал эти козни, но ничего не делал, чтобы их пресечь. Он не форсировал события, а будто смотрел — приживется или нет? Лучше бы прижилось, и тогда приживутся преобразования, которые он начал. Второй важной причиной, почему Петр склонялся к протестантизму, было то, что с позиций православия выступала царица Софья, его сводная сестра и главный оппонент внутри страны. Сама Софья Алексеевна уже находилась в монастыре, но у нее оставались сторонники, и противостояние было жестким. А Магницкий не побоялся, связался с вице-губернаторами, связался с людьми в окружении Петра, и получилось два лагеря: один за православие, другой против. И те, кто против, сказали: «Ладно, двадцать минут тебе даем, говори, Магницкий». А он говорил два с половиной часа — не могли остановить! И одержал блестящую победу.

— Петр на диспуте присутствовал?

— Нет. О поединке ему докладывал Долгорукий, который возглавлял совет, а Магницкий подробнейшим образом засвидетельствовал его в своей «Записке». Это удивительно, что он все как по ролям описал! У него и сюжет драматический, и действующие лица — готовый художественный фильм! Люди плакать будут, видя подвиг. И чей подвиг? Родного человека — Учителя. Совершенно мирный учитель, писатель, который чудесную «Арифметику» написал! И в то же время он восстал на защиту православного государства, выступил как государственный деятель. И мышление его — государственное. Он, между прочим, был на стратегической должности. Вместе с Петром обсуждал и вопросы флота, и вопросы строительства, и кадровые вопросы. Он был во власти, но, будучи во власти, оставил за собой право быть независимым. Вы представляете, какой поступок!

— «Записка» Магницкого обнаружена недавно. Как удалось ее найти?

— Она хранилась в библиотеке Вяземского и была опубликована в 1826 году. Ее второе открытие состоялось в 2011-м, когда Александр Константинович Магницкий нашел ее в архивах и привез к

Возможно, рядом с церковью Воздвижения Креста Господня, что находится в некотором отдалении от центра монастыря, поставят памятник великому русскому математику Леонтию Филипповичу Магницкому

нам. Она изложена на языке петровских времен. Ее предстоит адаптировать для публикации. Наш центр под руководством директора, наместника Ниловой пустыни архимандрита Аркадия (Губанова), потихоньку переводит текст на современный русский язык. Пока мы не удовлетворены качеством перевода, но найти научного руководителя не можем. Хотя, казалось бы, эта тема так актуальна, так перекликается наше время и петровское! А помимо «Записки» есть еще один текст – знаменитая «Эпитафия» на смерть Магницкого, которую 275 лет назад собственноручно высек на камне его сын Иван!

– Камень с эпитафией тоже «терялся». Повторно его обнаружили в 1932 году в ходе строительства метро на Лубянке. Сейчас останки и камень хранятся в Покровском соборе близ Кремля.

– Да, прямо под крыльцом лежат. На камне сколы, но ученые восстановили полный текст. Он выложен на сайте нашего центра. Он должен быть в учебниках, о нем нужно говорить, цитировать, потому что это одна из первых попыток сформулировать национальную идею России. Кроме того, это памятник первому русскому интеллигенту, как его определяет Дмитрий Сергеевич Лихачев в своем письме в «Новый мир» в 1993 году. В нем говорится о феномене русской интеллигенции и называются признаки, по которым можно отличить интеллигентного человека от неинтеллигентного и понять, какой проблемы этот интеллигент. Среди этих признаков есть такой: человек европейски образованный при православной безупречной нравственности. Вот это Магницкий... Кто был Магницкий? Учитель скромный, человек кропотливого труда...

– А вы не приижаете его статус? Он входил в ближний круг Петра...

– Да, к тому же они были почти ровесники и были по-человечески близки. Петр же сам редактировал «Арифметику»! Значит, у них были дискуссии, они общались на короткой ноге! Но когда через десять лет случился раскол и царь склонился к протестантизму, Магницкий не пошел на поводу – хотя мог бы за свои три копейки смалодушничать. При этом он понимал, что рискует головой. Но Магницкого царь не тронул, потому что он был наиполезнейший человек для отечества.

– А как Петр о нем узнал?

– Они познакомились в 1699 или в 1700 году. К этому времени Магницкий уже обосновался в Москве и преподавал арифметику в домах высоких чиновников. Спрос на него был большой: под угрозой кар Петр обязал дворян обучать детей грамоте. Он лично проверял исполнение этого приказа и так мог узнать о Магницком. Другая версия – они встретились в Немецкой слободе, где Магницкий учился европейским языкам, медицине и астрологии.

– Дело, наверное, и в том, что Магницкий действительно превосходил знаниями современников.

– Да, и саму «Арифметику» ему заказали неслучайно, а по результатам «тендера». Сохранилось письмо царского прибывщика (сейчас – министр финансов) Алексея Курбатова от 22 июня 1701 года, из которого следует, что прежде Леонтия Филипповича сочинять ее начал «некоторый иноземец». Он с делом не справился, и тогда за учебник взялся Магницкий.

– В Навигацкой школе Леонтий Филиппович преподавал наравне с англичанами, а денег получал меньше. Совсем как в современных лингвистических центрах, где native speakers оплачиваются выше, чем русские педагоги...

– Я думаю, скромность Магницкого позволяла Петру платить ему небольшое жалованье. Он скромный был человек и ничего для себя не просил, а те все-таки приглашенные... Мы же всегда перед иностранцами чем только ни щеголяли, лишь бы какую-то пользу от них получить. А они, зная, что мы зависимы, иногда злоупотребляли своим пребыванием в Москве. Магницкий же в этом отношении был безупречен, и потому, когда 1 октября 1715 года по указу Петра в Санкт-Петербурге открылась Морская академия и Навигацкую школу поделили надвое, большинство иностранцев отправили туда, а Магницкого с несколькими помощниками из русских выпускников оставили на московском хозяйстве. Он преподавал до самой смерти в 1739 году. Есть, кстати, предположения, что в этот период Леонтий Филиппович встречался с Ломоносовым и что именно он помог ему поступить в Славяно-греко-латинскую академию. Сам Михайло Васильевич сделать бы этого не смог.

– Почему Ломоносов к Магницкому в Навигацкую школу не пошел?

– Так он на батюшку хотел учиться! Народ к ученым относился с опаской. Опять же, от иностранцев наука-то идет, что само по себе очень подозрительно. Магницкому надо было столько вынести – чтобы быть русским и православным и с иностранцами общаться. Народ-то темный как рассуждал? Все иностранцы – колдуны и лекари. И Магницкий с ними чего делает? А Магницкий был с ними, потому что служил царю, служил науке, служил Отечеству.

– А почему в 1715 году, когда разделили Навигацкую школу, Магницкий не переехал в Петербург?

– Я думаю, так распорядился Петр. Потом, в Москве семья, хозяйство... Царь же ему даровал дом и земли, когда он «Арифметику» написал. И он жил в Москве и в ней похоронен. И обратите внимание где! Рядом с любимой женой в храме Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке, где хоронили только знатных людей. Это место, где был похоронен Магницкий, расположено в Москве на улице Мясницкой, напротив магази-

на «Библио-Глобус», справа от главного здания ФСБ России на улице Лубянка. Но когда он умер, Петра-то уже не было. Леонтий Филиппович пережил его на четырнадцать лет.

— У вашего центра есть удивительный проект — установить скульптуру Магницкого на Лубянке, где прежде стоял Дзержинский, а саму площадь переименовать в площадь Образования. Сначала мне показалось, что это скандал, но, может быть, скандал-то и нужен, чтобы о чем-то начали говорить. Кому-то эту идею вы уже рассказывали?

— Да, и встретил большое непонимание: «Кто такой, мы не знаем!» Но еще дальше пошли те люди, которые считают, что памятник должен быть не одному Магницкому, а авторам всех «врат российской учености». То есть речь о композиции — Магницкий, Смотрицкий, Полоцкий и Ломоносов. На мой взгляд, перекосы в российском образовании объясняются отсутствием приоритетов. Что в нем второстепенное, что главное — неясно, и не-

понятно, каким дисциплинам сколько часов уделять. А универсальный ученый Ломоносов назвал только три из них врагами учености — «Псалтиль», «Грамматику» и «Арифметику», и не просто так это сказал, а потому что названные предметы совпадают с тремя силами души. А теперь рассуждаем: что такое душа человеческая? Это ум, воля и чувство. Что мы называем математикой, какую силу души? Ум. А что в нас отвечает за чувство? Язык русский. Остается воля — это что? «Псалтиль»! Представляете, у Ломоносова так выходит! В этих трех книгах заключена сила России.

А теперь вернемся к школе. Если мы убираем теологию, мы выпускаем умного, знающего математику, но безвольного человека. Слово в школьных программах тоже укорочено, а потому и чувственных людей мало сегодня. Только математика процветает — деньги-деньги-деньги, считать, все точно... Но это не русский уже человек! Если бы я был министром образования, я бы в первую очередь поставил вопрос, чтобы достаточное количество часов уделялось богословию, а может быть, даже

Порушенное
гранитное
основание
вокруг
монастыря
еще предстоит
восстановить

христианской психологии, изучению Псалтири. Второе, что бы я сделал, – это вернул бы в школы методику преподавания математики с элементами арифметики Магницкого. Третье – языкovedение, и только потом все остальное. Может, тогда у нас получится новый Ломоносов...

А место для памятника выбрано неслучайно. Магницкий жил на Лубянке, там же был его приход – в храме Георгия Победоносца в Лучниках, там же неподалеку, в храме Гребневской иконы Божией Матери, он нашел последний приют. Сейчас в этом месте Камень политических репрессий лежит. Но Магницкий тоже подвергся репрессиям!

– Так он все-таки был наказан?

– В подвале сидел! Петру донесли, что он выступает против Тверитинова. Его арестовали, отправили в Петербург и посадили в подвал, где он оставался неделю или две до заседания Сената. И все на него смотрели как на мученика, потому что понимали, что с этого заседания он может не вернуться. А до истории с Тверитиновым, но в связи с ней, его ложно обвиняли в финансовых нарушениях. Петр допросил его лично и полностью оправдал.

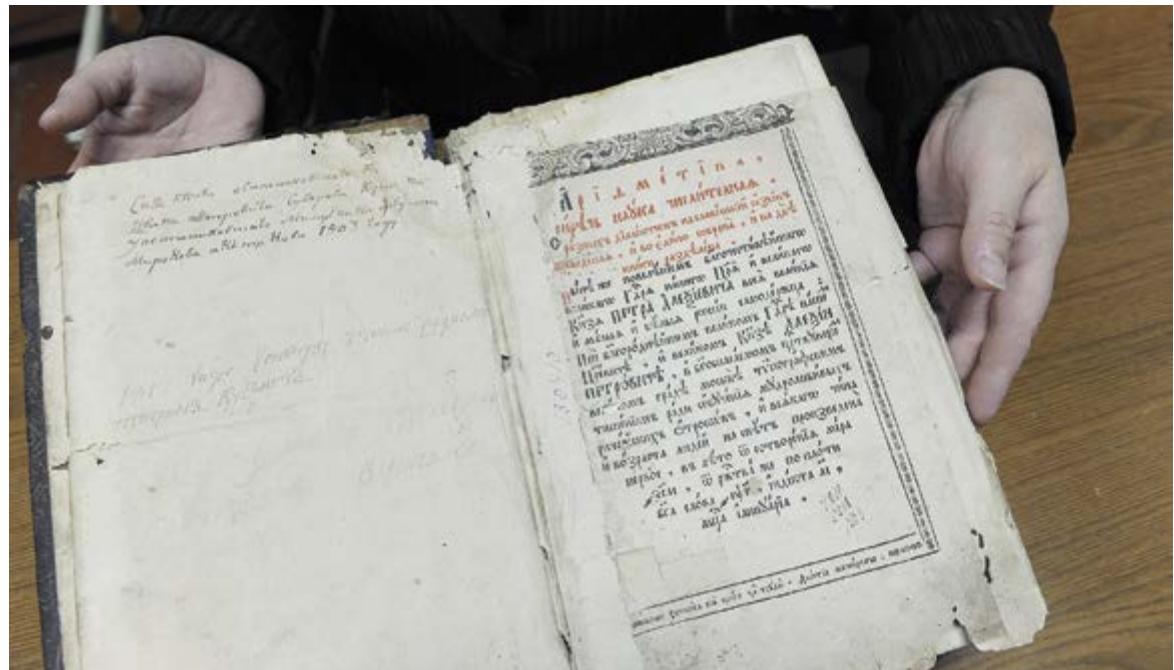
– Эпиграфия, «Арифметика», «Записка», доклады Петру – это все наследие Магницкого или есть что-то еще?

– Сразу по выходе «Арифметики» в 1703 году в соавторстве с «математико-навигацких школ учителями Андреем Фархварсоном, Стефаном Гвином и библиотекарем Василием Киприановым» он подготовил «Таблицы логарифмов и синусов, тангенсов, секансов». Это пособие также на русском языке, оно пользовалось спросом, и в 1716 году его переиздали. Но ведь у Магницкого

были воспитанники – и здесь нужна огромная исследовательская работа, что они могли о нем написать. Самый известный из них, конечно, Ломоносов. Непосредственно у Магницкого он не учился, но считал себя его учеником. Помимо него это десятки выходцев из разных слоев общества. Но самым близким из питомцев был Василий Киприанов. Он тоже из оставшей, Леонтий Филиппович выбрал его себе в помощники и работал с ним с самого открытия Навигацкой школы. Впоследствии Киприанов стал библиотекарем – первым хранителем Государственной библиотеки Петра.

– А что вас привлекло в Магницком? Почему он, а не другие русские просветители – братья Лихуд, скажем, или Смотрицкий и Ломоносов?

– Магницкий для меня притягателен тем, что он выражал в себе ту интеллигентность русскую, о которой писал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Второй момент очень для меня значимый – это что главным уроком его жизни стало нравственное правило «Быть успешным, не став порочным». И я бы очень хотел, чтобы через «проект Магницкого», через его прославление этот урок был усвоен. Вот Магницкий как раз стоял на таких позициях: мог интеллектуально ответить на вызовы своей эпохи, совершенствовать жизнь и укреплять страну и при этом был православным человеком с твердыми убеждениями. То есть был успешным и не стал порочным. А вы знаете, когда у него был исcus, – все-таки опорочить себя? А тогда, когда он мог отказаться от участия в заседании Сената по делу Тверитинова. «Что он возмущается, – все говорили. – А мы, большинство, согласны. Русская церковь тормозит развитие государства, науки, техники. Нам такая церковь не нужна. Бороды брить у мужиков

Один из сохранившихся экземпляров «Арифметики» Магницкого находится в Осташковском краеведческом музее

Вид на
окрестности
озера Селигер
с колокольни
Богоявленского
собора
монастыря

давайте, храмы начнем строить как у лютеран. Монастыри все – убрать! Чем они там занимаются, лодыри!..» Вот какие настроения были! Крен был огромный, корабль российский чуть не потонул! И Магницкий это понял: еще немножко – и начнутся гонения на православие. И он начал обходить высших чиновников и их убеждять. «Ты ошибаешься! Православие нужно любить, это великое наше сокровище!» И стал вокруг веры людей собирать. Про него доложили Петру: «Смотри-ка, что учитель делает! Против тебя идет! Все твое окружение уже обошел. По вице-губернаторам московским, в домах их вступает в диспуты, выясняет, кто за тверитинову ересь, а кто нет. И ведь убеждает, что те ошибаются, склоняет на свою сторону!» А с Петром шутки плохи. И Магницкий мог испугаться потерять должность, потерять жизнь. Кто бы в его положении не испугался? Но он не испугался и сохранил себя непорочным для нашей памяти. Не запачкал себя малодушием, потому что имел великодушие. Великие душевные имел силы! Имел ум великий – интеллект, имел чувство любви к Богу, к русскому народу, к России и имел волю объявиться и защитить. И не испугался! Разве это успех не высочайшей пробы?

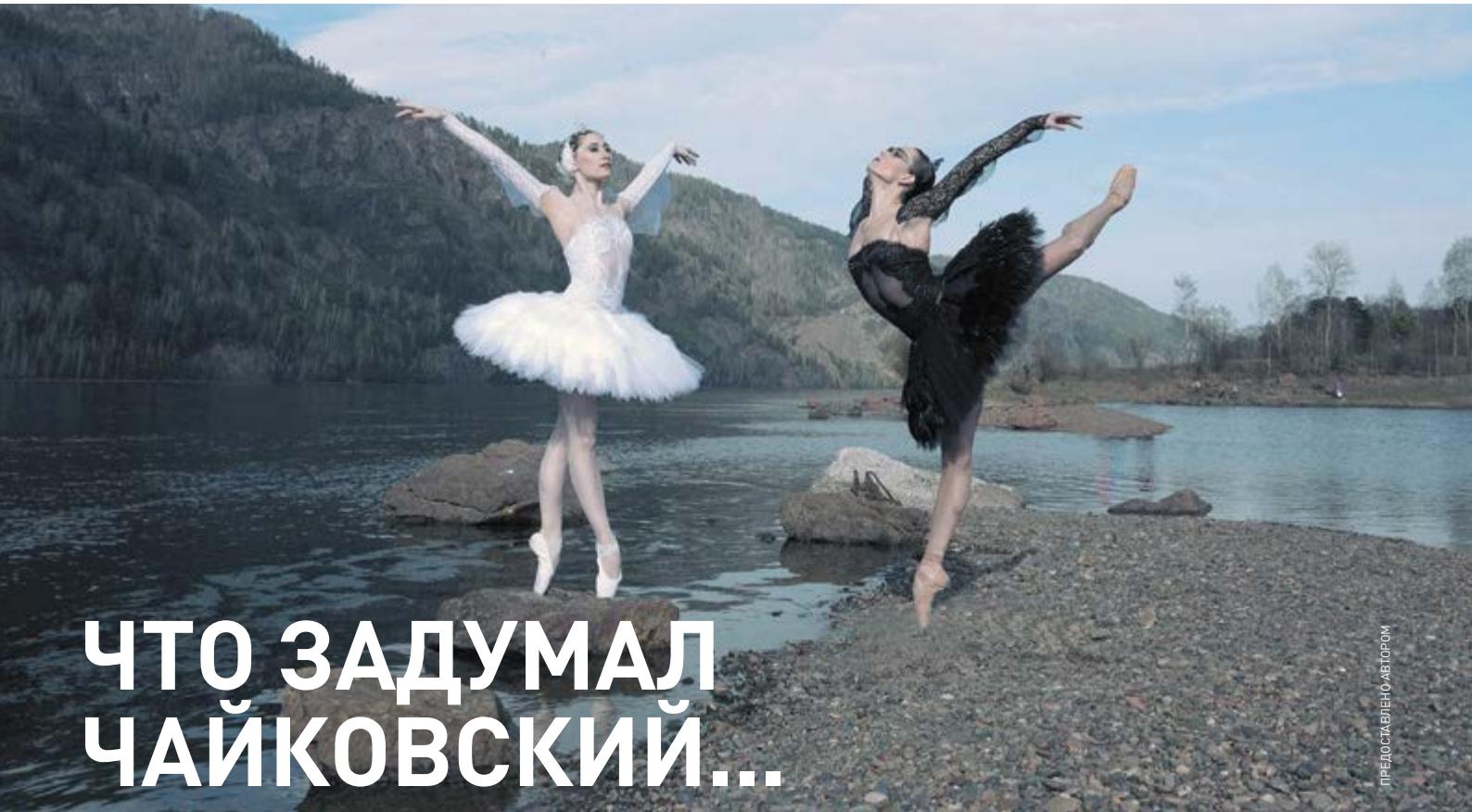
– Конечная цель «проекта Магницкого» – сделать автора «Арифметики» одним из государственных символов России. Но это работа на перспективу, а каковы ваши ближайшие планы?

– Во-первых, издать его тексты и монографию о нем. Во-вторых, снять документальный фильм – сценарий я написал. В-третьих, восста-

новить могилу. И чем ценна будет эта могила? Там будет полностью вся эпитафия воспроизведена, и каждый русский человек сможет ее прочитать. Еще вопрос – где ее поместить. Есть предложение сделать ее на Лубянке. Я убеждаю отца Аркадия, говорю, батюшка, если сделать в Москве, никто никогда не вспомнит о вкладе монастыря в историю России через Магницкого. Но если сделать могилу в обители, люди будут вопросом задаваться – а почему здесь? И вот уже начинается – здесь что-то услышал, там прочитал, и представление формируется. Заложено-то все в Осташкове, это потом он в Москву пошел, и прожил жизнь, и добрую память о себе оставил! Здесь он жил и возрастил знаниями до 15 лет, читал монастырские библиотечные книги, которые собрал его знаменитый дед, святитель Нектарий (Теляшин), архиепископ Тобольский и Сибирский, второй настоятель Нило-Столобенской обители.

– Чем он занимался после смерти царя?

– В 1731 году возглавил Навигацкую школу и ведал уже не только научной, но также и распорядительной ее частью. В 1733-м стал руководителем Московской академической конторы – в переводе на наш язык, министерства образования Москвы. В этом же году умерла его жена, Мария Гавриловна. А смерть ее была удивительной. Магницким сообщили, что их сын погиб на войне. Но весть оказалась ложной, сын вернулся, и она умерла от разрыва сердца, от радости. Всего сыновей было двое. Магницкий прекрасное образование им дал, судя по эпитафии, которую блестяще написал один из его сыновей, Иван. ¶

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЧТО ЗАДУМАЛ ЧАЙКОВСКИЙ...

БЕСЕДОВАЛА

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

В НАЧАЛЕ ОКТЯБРЯ В КРАСНОЯРСКОМ ТЕАТРЕ ОПЕРЫ И БАЛЕТА ПРОШЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «БАЛЕТ XXI ВЕК», КОТОРЫЙ В ЭТОМ ГОДУ БЫЛ ПОСВЯЩЕН БАЛЕТАМ ПЕТРА ИЛЬИЧА ЧАЙКОВСКОГО. ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО КЛАССИЧЕСКИЕ И ЗНАКОМЫЕ ВСЕМ ПОСТАНОВКИ МОГУТ ПРЕПОДНЕСТИ НЕМАЛО СЮРПРИЗОВ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РОССИИ СЕРГЕЙ БОБРОВ ПОПЫТАЛСЯ ВОССТАНОВИТЬ ВСЕМИ ЛЮБИМОЕ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО» ТАК, КАК ЕГО ЗАДУМЫВАЛ САМ ЧАЙКОВСКИЙ.

— Если бы вы не предупредили, что восстановили «Лебединое озеро» по тщательным записям Петра Ильича, то, наверное, вам бы пришлось выдержать мощное противодействие всех тех, кто сжился с классической версией этого балета. Расскажите, как же его изначально представлял сам композитор?

— Можно сказать, что мы сделали одновременно и новую, и старую версию этого балета, такую, какой она была за восемнадцать лет до постановки Мариуса Петипа. Мы взяли за основу оркестровку самого Чайковского, а не использующийся повсеместно вариант Дриго, а также опирались на по-метки Петра Ильича. Тот порядок музыкальных номеров, который воспроизведен в нашем спектакле, полностью соответствует задумке Чайков-

ского. Нужно также напомнить, что первоначально у Чайковского было другое либретто, отличное от того, что распространилось потом. Принципиальная разница между спектаклем Петипа и тем, что задумывал Чайковский, следующая: композитор написал классический романтический балет о невозможности счастливой любви между земным юношей и феей. Чайковский очень увлекался рыцарскими романами, наверное, именно оттуда в его творчестве появляются прекрасные волшебные феи.

У Петипа счастье принца и Одетты было бы возможно, если бы не сиюминутная, чисто человеческая увлеченность яркой, броской Одиллией. А у Чайковского трагизм балета заключается в том, что счастье между феей Одеттой и земным принцем невозможно изначально. Изменение замысла

Сергей Бобров
в роли Злого
гения в балете
«Лебединое
озеро».
Постановка
Юрия
Григоровича
в Большом
театре

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

композитора объясняет некоторые нестыковки, которые сто с лишним лет сопровождают прекрасную постановку Петипа. Сразу хочу сказать, балетное искусство вообще и «Лебединое озеро» в частности очень обязаны Мариусу Петипа. Ведь если бы не он, этот прекрасный балет могли бы вообще забыть. Именно в постановке Петипа он был увековечен и стал бессмертным. До этого московская версия считалась провальной, но, конечно, не из-за музыки, а из-за плохой хореографии.

Однако блестящая хореография Петипа и Иванова сделала из «Лебединого озера» иной спектакль. Если мы вспомним первоначальную идею Чайковского, то у него Одетта – это фея, свободная и гордая, которая может превращаться в лебедя, но никак не девушка, заколдованная в лебедя. И образ Одетты стал восприниматься в одном ряду с такими героинями, как Жизель, Снегурочка, Сильфида.

У Петипа обличье лебедя символизирует плен, а у Чайковского, наоборот, лебедь олицетворяет свободу. Из этого вытекает очень много важных моментов. Практически все танцы лебедей у Чайковского написаны в мажорной тональности. А то, почему у Петипа девушки-лебеди почти всегда такие грустные, наверное, можно было бы объяснить тем, что это – девушки, превращенные Злым гением в лебедей, и чувства у них, земных девушек, томящихся в неволе, соответствующие. Конечно, и у Чайковского в балете было заложено драматическое начало, однако иного свойства. Имеется в виду то, что фея и

земной принц изначально не могли быть вместе. Как раз чтобы показать замысел Петра Ильича, мы и возвращаем весь порядок номеров и всю аранжировку Чайковского, которые были совершенно изменены в 1895 году.

– Вы перечитали все источники, связанные с «Лебединым озером», и рассказывали, что мама Одетты, как оказалось, встречалась в юности с рыцарем. Что же это за семейная напасть такая, когда все феи себе на горе влюбляются в земных красавцев-ловеласов? Почему счастье-то невозможно, ведь сама Одетта и родилась от этой любви?

– У Чайковского подразумевается, что этот земной рыцарь каким-то образом погубил маму Одетты, которая из-за его предательства умерла. А потом он женился на другой фее, злой, которая ночами превращалась в сову, желая погубить Одетту. Но волшебник, дедушка Одетты, своими слезами наполнил целое озеро, внутри которого спрятал любимую внучку в обличье лебедя. У Чайковского Одетта вполне счастлива со своими подругами-лебедями, она лишь иногда превращается в девушку. Фактически Одетта унаследовала семейную трагедию. Появляющийся принц и любовь к нему повторяют историю ее собственной матери. Но к любовным перипетиям добавляются и действия отрицательного персонажа. У Петипа им был Ротбарт, волшебник, который заколдовал Одетту, а у Чайковского – та самая сова, в которую превращалась мачеха. Видите, даже в этом наблюдаются существенные расхождения. Если принять точку зрения Петипа, то сразу возникает вопрос: а кто такие в этом случае остальные лебеди? Откуда они взялись? Каких еще девушек Ротбарт заколдовал в лебедей? Скажу больше. Следующий закономерный вопрос: а кто такие лебедята? Откуда «маленькие лебеди» появляются в озере, если Ротбарт заколдовал одну Одетту?

– Какой еще «разрыв шаблона» мы можем ждать от вашей, она же и Чайковского, версии «Лебединого озера»?

– Давайте проанализируем образ Одиллии. Если принять версию Петипа о том, что Ротбарт сделал копию Одетты в виде черного лебедя, то получается, принц просто обознался. Он стал жертвой колдовства и злого умысла, а поэтому в такой трактовке особо ни в чем не виноват. У Чайковского же иная ситуация. Ротбарт приводит на бал Одиллию, которая похожа на Одетту. Но это – другая девушка, неслучайно эти две партии изначально танцевали две разные балерины. В этой ситуации принц отдает себе отчет в том, что это – другая девушка. Фактически он вполне сознательно меняет озерную фею на теплую русскую красавицу.

– «Русская красавица» – это некоторое преувеличение?

– Ничуть! Именно русский танец был написан как танец соблазнения Одиллией принца. А му-

зыка того знаменитого па-де-де Петипа, когда черный лебедь танцует с принцем, первоначально задумывалась для па-де-де поселянки и принца в первой картине. Сами же танцы лебедей в обработке Чайковского удивительно мажорны и жизнерадостны. Кроме белого адажио, в котором Одетта рассказывает принцу свою историю. Но даже здесь композитор Дриго внес изменения. У Чайковского белое адажио заканчивается вовсе не теми лирическими музыкальными фразами, которые мы привыкли слышать, а очень мажорным галопом. В либретто у Петра Ильича написано в окончании этого адажио: «Одетта не верит принцу и смеется над ним». То есть она фактически выскользывает у него из рук.

Не очень также понятно, почему в версии Петипа этот дуэт Одетты и принца происходит в окружении лебедей. Если Чайковский задумывал интимное объяснение, то зачем публично показывать чувства влюбленных? Мы сделали так, как это было у Чайковского: объяснение один на один, а музыка в конце – в мажорной тональности.

– *Какова была первоначальная реакция балетного сообщества на то, что вы «покусились на святое», на версию Петипа?*

– Конечно, критиковать нас непременно будут, но сам этот эксперимент вызывает сенсационный интерес. В любом случае напомню, что одновременно с «Лебединым озером» Чайковский писал Шестую симфонию. Нельзя говорить, что такой симфонист, как Чайковский, ошибся в симфоническом развитии своего собственного балета. Конечно, нет! Просто он по-другому видел и выстраивал балет. Чайковский брал за основу шестерки, па-де-сис. Первое действие: принц, его друг и четыре поселянки; второе действие: принц, Одиллия и четыре невесты и так далее. Потом это было переписано Петипа вместе с Риккардо Дриго. Нельзя не отдать им должное, благодаря им балет стал великим, но, наверное, интересно посмотреть и по-новому оценить версию самого Петра Ильича Чайковского.

– *Эта премьера такого неожиданного «Лебединого озера» – лишь одна из граней форума «Балет XXI век», который в этом году удостоился правительственного гранта и стал международным?*

– Да, одна из наших главных целей – дать возможность показать себя юным исполнителям, которые приезжают на наш конкурс со всей страны, а теперь география участников еще больше расширится. Для меня лично, как и для всего нашего театра, очень важным представляется постоянно работать над тем, как будет дальше развиваться балетное искусство, помогать молодым талантам, которые через десяток лет составят его славу. Этим летом в Йошкар-Оле прошло совещание, в котором принимали участие премьер-министр Дмитрий Медведев, вице-премьер Ольга Голодец и министр культуры Владимир Мединский.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

По его итогам создали комиссию, которая должна предложить необходимые меры для того, чтобы российский балет продолжал и в дальнейшем оставаться одним из самых признанных в мире. В эту комиссию выразили желание войти Валерий Гергиев и Владимир Урин.

– *А какие приоритеты, по вашему мнению, можно выделить?*

– Помимо вполне понятной необходимости развития хореографических училищ и поддержки театров, мне кажется, нужно давать возможность талантливым танцорам из регионов проходить стажировку в центральных театрах, а молодым артистам из балетных столиц доверять ведущие партии в региональных театрах. Может пройти очень много лет, пока балерина станцует Одетту–Одиллию в московском театре, а может быть, ей этого не доведется сделать вообще никогда. Но ведь «чтобы танцевать, нужно танцевать», как говорил Марис Лиепа. Если же она не будет ждать в москов-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

С главным
дирижером
Красноярского
театра оперы
и балета
Анатолием
Чепурным

ской или петербургской очереди, а украсит собой на сезон сцену какого-то другого театра, то это обогатит и ее саму, и театр, и даже целый регион.

С другой стороны, молодежь из региональных театров должна иметь возможность и поддержку, для того чтобы стажироваться в Москве и Санкт-Петербурге, поскольку это очень расширяет балетный кругозор. Соответственно, потом театры получат исполнителей иного уровня. Не нужно забывать и об обмене преподавательскими кадрами, что тоже практиковалось в Советском Союзе. Мы преодолели перестроечный спад, и сейчас в России есть настолько мощная театральная база, что мы вполне можем формировать балетных звезд в большом количестве. Вспомним лучшие эпохи Большого театра, в котором мне посчастливилось танцевать: какое там было одновременно созвездие великих исполнителей. А ведь талантов в каждую эпоху рождается приблизительно одинаковое количество. Значит, нужна система, которая поможет им заметить, развить и дать им шанс показать себя. Божья искра появляется в разных местах, вопрос в том, как она разгорится дальше. Если столичные театры пойдут на то, чтобы брать на стажировку молодых исполнителей из провинции, то это очень повысит общий уровень.

– Наверное, чтобы достигнуть такого философского взгляда на проблему, вам пришлось и через себя переступить, ведь нескольких талантливых танцов, которые сформировались в Красноярском театре оперы и балета, забрали столичные театры.

– Не покривлю душой, если скажу: мы только рады, что наши бывшие солисты Дмитрий Соболевский и Анна Оль теперь танцуют в Театре Станиславского и Немировича-Данченко. Ведь они будут развиваться дальше, получат возможность выступить в новых постановках, продолжат работать с другими педагогами. Эти талантливые исполнители получили свою профессиональную базу у нас, а теперь имеют все шансы вырасти до звезд мирового уров-

ня. И неизвестно, была бы у них сразу в Москве возможность танцевать ведущие партии, которые не только повысили их техническое мастерство, но и сделали их артистически уверенными в себе на сцене. А в результате от такого взаимного обогащения выигрывает все балетное искусство.

– *А как же тогда выбираться из классической ловушки, когда региональный театр долго-долго нестает танцов, а потом их забирает столица?*

– Потому я и говорю, что должна работать целая система, чтобы никто не чувствовал себя обойденным, недооцененным или навсегда прикрепленным к одному месту. Если столичные театры будут устраивать стажировки, а их собственные солисты, некоторые из которых взяты из регионов, получат возможность танцевать в театрах по всей стране, то тем самым профессиональный рост и взаимообогащение будут происходить естественным путем. В региональных театрах – нехватка кадров, в столичных – их переизбыток. При этом в провинции исполнители могут танцевать очень много и разнообразные партии, а в балетных столицах – жесточайшая конкуренция.

Причем формы взаимодействия между центром и региональными театрами могут быть самыми разнообразными. Например, мы в Красноярском театре создали фактически два равноценных «легиона» в балетной труппе со своими высокопрофессиональными солистами, балетмейстерами и преподавателями. Благодаря такой структуре наш театр может без ущерба для основной сцены гастролировать, а в это время в Красноярске на таком же высоком уровне идут плановые выступления. Когда же мы собираемся вместе, то можем давать фееричные спектакли.

И, конечно, взаимообогащение не замыкается только на уровне российских театров. Я сейчас принял предложение стать художественным руководителем балетной труппы в Варне. В этом болгарском курортном городе пятьдесят лет проводится балетный конкурс, но никогда не было сильной труппы. Я там летом уже поставил балет «Кармен», который прошел, мне это приятно сказать, с огромным успехом. Десять танцов приехали в Варну из Красноярска, а все остальные исполнители и оркестр были местные. Вот еще один пример того, как может развиваться балетное сотрудничество.

И, безусловно, главной составляющей, без которой немыслимо будущее балета, должен быть постоянный интерес зрителей. Ни артист, ни спектакль никогда не могут дойти до лучших своих «кондиций» лишь в процессе репетиций. Только реальные выступления перед зрителями дают возможность нарабатываться профессионализму. Только после 10–15 сыгранных спектаклей танцов начинает свободно ощущать себя в той или иной роли. Поэтому для артистов количественная возможность выступать совершенно необходима, для того чтобы они могли переходить в новое профессиональное качество.

ПИНЕЖСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ДВЕСТИ С НЕБОЛЬШИМ ЛЕТ НАЗАД ПИНЕГА – ОДНО ИЗ СТАРЕЙШИХ ПОСЕЛЕНИЙ РУССКОГО СЕВЕРА – ПРЕВРАТИЛАСЬ В ГОРОД, СТАЛА ЦЕНТРОМ ПИНЕЖСКОГО УЕЗДА. МЕЖДУ ПРОЧИМ, САМОГО ГУСТОНАСЕЛЕННОГО В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ. ПРОИЗОШЛО СИЕ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ В 1780 ГОДУ. НО МНОГО ВОДЫ УТЕКЛО С ТОГО ВРЕМЕНИ, И СЕГОДНЯ ПИНЕГА, ДАВНО ПОТЕРЯВШАЯ СТАТУС ГОРОДА, ВСЕГО ЛИШЬ НЕБОЛЬШОЕ ДАЛЕКОЕ СЕЛО, ДОБРАТЬСЯ ДО КОТОРОГО НЕ ТАК УЖ ПРОСТО...

200

КИЛОМЕТРОВ
от Архангельска до Пинеги
тянется разбитая грунтовка.

Даже не грунтовка, а темно-серое месиво песчаника. Деревни вдоль дороги редки и по большей части тоже темно-серые: обветренные винтильные срубы из массивных бревен, серые сараи и заборы, серые деревянные тротуары. В конце августа эти деревни особенно контрастируют с окрестными пейзажами, полными восхитительных красок. Ясное голубое небо, изумрудные сосны, тронутые золотом березы, седые мхи с красными брызгами бруслики. И, конечно, река-матушка Пинега – широкая, тихая, наливающаяся под косыми лучами заходящего солнца багрянцем...

При въезде в Пинегу появился асфальт, магазины и даже рекламные плакаты. Старых рубленых домов здесь все еще много, но большинство – выкрашены в разные цвета или отделаны сайдингом. А в прошлом году появилась в селе «Пинежская Рублевка» – так прозвали жители три новых панельных многоквартирных дома со всеми удобствами, построенных вместо горевших бараков. Ванная в квартире – для Пинеги роскошь. Ведь большинство пинежан в своих домах ни того, ни другого не имеют. Здесь принято мыться в бане. Почти у каждого жилого дома стоит небольшая рубленая баня. А вот приезжим помыться сложнее. В гостинице бани нет, а единственная общественная баня работает раз в неделю – по субботам.

Соборная
площадь Пинеги.
Фото конца XIX
века

ГОРА ЧЕРНАЯ И КРАСНАЯ

В любой энциклопедии можно прочитать, что первое письменное упоминание о Пинеге относится к XI веку. В 1991 году на раскопках в Новгороде была найдена княжеская деревянная пломба, по-видимому, от мешка с собранной данью, на которой написано: «В Пинезе 3000». Но местные краеведы до сих пор ничего не знают об этой находке, и возраст села отсчитывают от грамоты 1137 года новгородского князя Святослава Ольговича (сын знаменитого князя Олега Святославича, прозванного Гориславичем, и отец героя «Слова о полку Игореве», князя Игоря. – Прим. ред.), в которой говорится о Пинеге.

Но и до того люди жили в этом северном крае с незапамятных времен. В окрестностях Пинеги найдены каменные орудия тру-

да и два редких бронзовых топора, хранящихся сейчас в Эрмитаже. Все это – следы жизни древнего финно-угорского населения, прозванного новгородскими поселенцами «чудь белоглазая». Не одно поколение исследователей ломало голову над тем, что это за «чудь» такая? Недавно загадку разрешил один московский этнограф, который не стал заниматься теоретическими изысканиями, а просто проехался по деревням Пинежья, где набрал достаточное число желающих причислить себя к народности «чудь». Как говорят пинежане, интересовали этнографа светловолосые и светлоглазые жители с «чудным» говором. Теперь «чудь» присутствует в официально утвержденных правительством алфавитных перечнях языков и национальностей России.

Еще одну чудную историю мне рассказали в Пинежском краеведческом музее. Самый старый экспонат музея – большая деревянная чаша, на которой вырезаны цифры «1163» и соответствующий год от Сотворения мира славянскими буквами. Серьезное исследование чаши пока не проводилось, но специалисты, конечно, сомневаются в подлинности датировки. Интересно, что находка была сделана в деревне Кулой, где с глубокой древности добывали соль. А в XVII веке со-

Современный
вид знаменитого
Красногорского
монастыря

ФОТО АВТОРА

леварение здесь приобрело промышленные масштабы – тогда за промысел взялся Красногорский монастырь.

Эта обитель, выстроенная на самой высокой точке местности – Красной горе, более трехсот лет была духовным центром Пинеги. Основание обители связано с чудесной историей о том, как в 1603 году хранителю чудотворной иконы Владимирской Божией Матери явилась «некая световидная Жена» и повелела передать икону вдовому попу Мирону, с тем чтобы тот перенес образ на Черную гору и устроил там монастырь. И за пару десятилетий гора Черная, поросшая непроходимой чащой, превратилась в гору Красную – с храмами, братскими кельями, хозяйственными дворами, покосными лугами и пашнями. Главная заслуга в обустройстве обители принадлежит богатому ярославскому купцу Егору Лыткину, занесенному на Пинегу торговыми ветрами и взявшему под свою опеку новый монастырь. Купец жертвовал на строительство, подарил церковную утварь и более 100 богослужебных книг, 73 из которых были переписаны им самим. Лыткин сам создал план

Старые
рубленые дамбы
по-прежнему
держат
набережную
Пинеги во время
паводков

нового каменного храма и построил его на свои средства. А в 1629 году удивительный купец привез из Персии еще один чудотворный образ – Грузинской Божией Матери.

Обитель имела обширное хозяйство, почти весь соляной промысел в Кулое принадлежал монастырю. Ну а последние девяносто лет монастырь стоит в руинах. «Красным» на горе остался только вдохновляющий вид на вьющуюся Пинегу с островами, песчаными отмелями, лесистыми берегами. Канули в Лету и обе чудотворные иконы, и редкая библиотека. Погибло и соловарение. В последний раз старые варницы работали в годы Великой Отечественной войны, когда на некоторое время здесь была возобновлена добыча соли. Сейчас на соляных озерах Кулоя простор. Только внимательный наблюдатель может разглядеть торчащие обрубки деревянных труб, по которым когда-то подавался рассол в варницы.

В братских корпусах обители в разное время размещались: коммуна, детский дом, психоневрологический интернат, база отдыха. В середине 2000-х годов здесь решили устроить туристический комплекс. Но евроре-

ФОТО АВТОРА

монт с пластиковыми окнами пришелся не по нутру каменным кельям: в 2006 году пожар уничтожил все старания предпринимателей.

В самой Пинеге были свои три храма, целая соборная площадь. Самый большой – Свято-Троицкий собор – строили несколько десятилетий. Сначала Екатерина II на возведение главного храма Пинеги отпустила 8 тысяч рублей. А достраивали уже всей Пинегой: купец Кокин пожертвовал 15 тысяч рублей на колокольню, купец Дмитрий Шапкин воздвиг чугунную лестницу и отлил на свои средства большой колокол, купцы Володины жертвовали немалые суммы. Поучаствовали в строительстве и прославленные земляки – архиепископ Воронежский Игнатий (Семенов) и протоиерей Иоанн (Сергиев) – будущий святой праведный Иоанн Кронштадтский. В 1930-х годах храмы рушили, видимо, тоже всей Пинегой. От соборной площади не осталось и следа – на ее месте сейчас расположены детский сад, спортивплощадка и некое строение с табличкой «Дом образцового порядка». Малый колокол – вот и все, что уцелело от трех храмов...

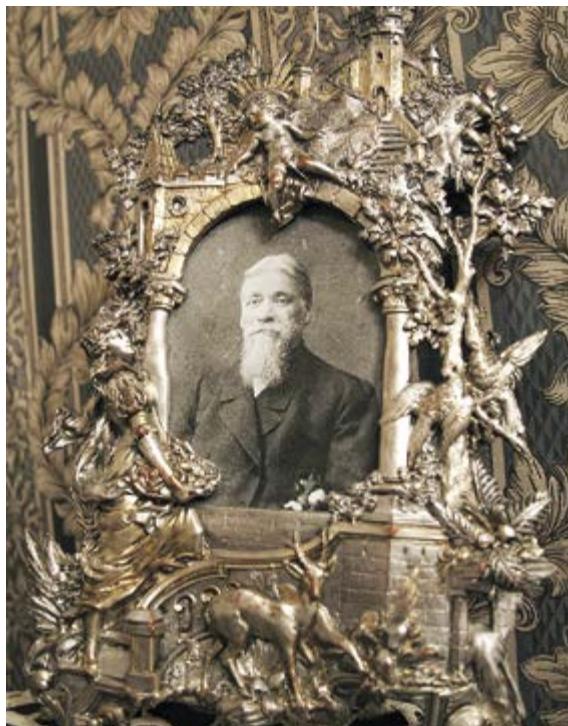

ФОТО АВТОРА

Родоначальник
знатного
купеческого
семейства Иван
Афанасьевич
Водолин

Так в начале XX
века проходили
ярмарочные
торги в Пинеге

ВОДОХЛЁБЫ И ВОЛОДИНЫ

Статус города Пинега получила во многом благодаря ярмарочным тorgам, которые проходили здесь с XVI века. Традиционно проводились две ярмарки: в декабре – Никольская, в марте – Благовещенская. Собирали они до 3 тысяч человек. Из тундры в Пинегу тянулись обозы с пушниной – это был один

из основных товаров ярмарок. Сергей Максимов в книге «Год на Севере», рассказывая о своем пребывании в городе в 1856 году, пишет, что Пинега только и жила этими торговыми, а от ярмарки до ярмарки «погружалась в спячку». Максимов замечает, что пинежане удивительно неумелые в торговле: «Покупала по четыре денезки, продавала по два грошика, барыса куза куцей, а денёг ни копиёцки» – так смеялись над местными торговцами и их северным «цоканьем» современники.

– Это свидетельство Максимова удивляет нас, пинежан, – говорит хранитель краеведческого музея Валентина Павловна Кушкина. – Старожилы утверждают, что местные жители на ярмарках торговали бойко: женщины продавали чай прямо из окон домов, мужики, которым совсем нечего было выставить, зарабатывали на воде. Брали пешню, пробивали лед на Пинеге и продавали воду из проруби. Покупателей было предостаточно, всей этой массе оленей и лошадей требовалось много воды. Потому жителей Пинеги и прозвали «водохлёбами». Другие путешественники откровенно писали, что пинежане «несколько корыстолюбивы». Писатель Александр Грин и его первая жена, Вера Павловна, пробывшие здесь в ссылке восемь месяцев, так вспоминали о зарплатке буфетчика в Народном доме: «Комната была небольшая, в ней находились две стойки, как в трактире. На одной стоял пузатый самовар, вокруг которого толпились стаканы; на другой – небогатая закуска: леденцы и селедка. Украшением был граммофон. Но поставить пластиночку – надо было заплатить копеечку. А так как буфетчик отчаянно экономил иголки, то когда мы попросили поставить «Аиду», было непонятно: то ли это железо пилият, то ли «Аиду» исполняют»...

Расцвет Пинеги пришелся на конец XIX века. Причиной его, естественно, стало местное купечество и в первую очередь

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПИНЕЖСКИМ КРАЕВЕДЧЕСКИМ МУЗЕЕМ

ФОТО АВТОРА

семья Володиных. Все каменные здания в центре города принадлежали Володиным. В 1903 году их общий семейный капитал составлял 13 миллионов рублей. Занимались Володины не только торговлей. В 1872 году Иван Афанасьевич Володин построил в Пинеге винокуренный завод, на котором по шведскому патенту получали спирт из... белого мха. Завод проработал два года и сгорел. Позже Володины построили на его месте лесопильный завод, высокая кирпичная труба которого сохранилась до сих пор и видна с любого места на берегу реки. Владели Володины 26 пароходами, перевозившими пассажиров от Архангельска до самых верховьев Пинеги. По сегодняшним временам это кажется потерянным раем. Сейчас, например, от Пинеги до райцентра Карпогоры дороги нет совсем, и нужно ехать в объезд 200 километров по песчаному месиву, несколько раз переправляясь на паромах и понтонных мостах через реки. А раньше пароход шел плавно и легко по Пинеге. Да еще и все малые деревни по пути захватывал, которые, не будь они отрезаны от всего мира, может быть, и не вымирали бы сегодня. Сейчас на Пинеге можно увидеть пассажирское судно только в годы сильных весенних паводков, когда песчаный большак оказывается под водой. А про грузовые суда и говорить нечего. Тогда как у Володиных плавало 70 грузовых барж! Построили Володины и судостроительную верфь.

Могильные камни Ивана Афанасьевича Володина и его сына Георгия все еще ждут своей участи

Наряд пинежанки конца XIX века: городское платье в сочетании с завязанным по-деревенски платком

ФОТО АВТОРА

Первым с нее сошел пароход «Е.М.А.», названный по первым буквам имен трех братьев Володиных – Егора, Михаила и Алексея. Сконструировали судно сами пинежане – специально для своей мелководной реки. В народе пароход прозвали «камбалой». Это круглобокое, плоскодонное судно было настолько мощным, что с его штурвалом справлялись только два матроса. Зато «Е.М.А.» хорошо преодолевал отмели и мог близко подходить к берегу. После революции большая семья Володиных растаяла, как дым их пароходов. О некоторых не известно вообще ничего. Иные эмигрировали. Появилась «новая» история их семьи, согласно которой отец семейства украл в Петербурге кассу, а в Пинегу заявился с поддельным паспортом. Тем не менее память о Володиных в Пинеге хранилась добрая. Люди пом-

нили, что миллионеры построили в городе школу, богадельню открыли, свой большой каменный дом передали Министерству народного просвещения, товар в своих лавках отпускали местным по низкой цене. Улица каменных домов, принадлежавших славному семейству, сохранилась, и до сих пор в народе ее называют «Володинский квартал». Помнят и то, что приземистая пекарня, где и сейчас выпекают хлеб на весь поселок, когда-то была «Володинской». Могилы Володиных, впрочем, как и все старое кладбище, были стерты с лица земли. Каким-то чудом два надгробия знаменитых купцов – отца семейства и его старшего сына – были найдены в болоте в близлежащем лесу. Недавно их перенесли на территорию небольшой деревянной церкви – первой в новой истории Пинеги.

ФОТО АВТОРА

В селе очень
много больших
старых домов –
строили тогда
основательно,
на века. Теперь
же заколачивают
окна – тоже
основательно,
надолго

ДОМОРОЩЕННЫЕ ГРАФИНИ

Коллекция предметов быта XIX века в краеведческом музее очень богатая, есть даже костюм и снаряжение охотника, инвентарь первых лесорубов, сельхозорудия. Более всего, пожалуй, женских нарядов – повседневных и праздничных, порой соединяющих в себе городскую и деревенскую культуру. Судя по всему, местные барышни любили модничать. Автор статьи о Пинеге, опубликованной в журнале «Русский турист» за 1906 год, так описывает публику на пароходе: «Две молодые девушки прогуливались, взявшись под ручки, вдоль палубы. С виду – похожи на графинь. Но размашистая походка, грубый хохот и то, как они отплевывались шелухой, говорило о том, что это доморощенные крестьянские девицы, которые любят одеваться по последней моде».

Печи –
единственное,
что уцелело из
позапрошлого
века в обста-
новке старых
домов Пинеги

ФОТО АВТОРА

Ну а другие девицы города за-
рабатывали себе приданое, та-
кая волоком суда из русла Пи-
неги в русло Кулоя, – давнее
занятие местных жителей (от-
сюда старое название села – Во-
лок Пинежский). Есть в музее и
женский наряд времен Великой
Отечественной войны. Масте-
рицы пытались облагородить
все, что было доступно, – шили

одежду даже из мешковины.
И вот в такое-то время одна из
девушек, валившая валенки, по-
лучила вечернее платье из Лон-
дона – в качестве союзнической
помощи. Валильщица долго хра-
нила английский наряд, но в
конце концов передала его в музей.
Об одном сожалела – пла-
тые так ни разу и не пришлось
надеть. Некуда было...

ПИСЬМА ИЗ ПИНЕЖСКОЙ
ССЫЛКИ

Кстати, в Пинегу частенько ссылали неугодных, что, учитывая удаленность местности от «центров цивилизации», вовсе не удивительно. Первым ссыльным стал князь Василий Васильевич Голицын, фаворит царевны Софьи и фактически глава правительства во время ее регентства, отправленный в изгнание Петром I. Последние 22 года своей жизни князь провел на Пинеге. Завещал похоронить себя на территории Красногорского монастыря, что и было исполнено после его смерти в 1714 году.

В конце XIX – начале XX века в отдаленную Пинегу ссылали революционеров и прочих «неблагонадежных» граждан. Из своих личных собраний ссыльные создали в Пинеге хорошую библиотеку, которая стала для многих отдушиной в далеком краю. А студент-революционер Александр Попов за годы, проведенные в городе, нашел свое призвание, став писателем. В Пинеге он написал свои первые рассказы под псевдонимом Серафимович.

В марте 1930 года 70 тысяч раскулаченных крестьянских семей (около 350 тысяч человек) депортировали в Архангельский округ, в котором население тогда составляло приблизительно 250 тысяч жителей. В лесах на Пинежье для переселенцев строили спецпоселки. В музее имеется документ, утверждающий дневной рацион в одном из таких спецпоселков: 600 граммов хлеба для тех, кто работал в лесу, 200 граммов – старикам и детям, сидевшим дома; 20 граммов под boltочной муки, 20 граммов крупы, 75 граммов рыбы, 195 граммов картофеля. По воспоминаниям одного из переселенцев, в поселке «люди крепко умирали от голода и болезней, ели траву и пропавших лошадей». Убежать было почти невозможно, на дорогах дежурили посты НКВД. Пойманых сажали в холодную избу на три дня и отправляли обратно в по-

ФОТО АВТОРА

Место захоронения князя Василия Васильевича Голицына у алтарной части храма Красногорского монастыря (вверху) и первая надгробная плита с его могилы, хранящаяся в пинежском музее (справа)

ФОТО АВТОРА

оставшиеся в живых получили вольную – справку, разрешающую уехать с Пинеги.

От спецпоселков сейчас не осталось ничего. Лагеря Кулойлага с каждым годом все больше поглощают лес и мхи. Сотрудники музея решили, что и об этой страшной странице истории должны сохраниться материальные свидетельства. Организовали экспедицию и вывезли из леса уцелевший угол барака заключенных, стену штрафного изолятора с решеткой, некоторые вещи из столярной и швейной мастерских лагеря.

Ссылали на Пинегу много священников и монахов. Среди них – последний оптинский старец, преподобный Никон (Беляев). Сначала отца Никона отправили в Соловецкий лагерь, но по дороге он заболел туберкулезом и был направлен на поселение в Пинегу. Разместили его в доме у местной жительницы, которой отец Никон обязан был платить непомерную плату за жилье, а также выполнять тяжелую работу по хозяйству: пилить, колоть дрова, носить воду, что для больного туберкулезом смерти подобно. Единственной радостью для старца был Свято-Троицкий собор, в котором он старался молиться каждый

селок. Самых непокорных сдавали в Кулойлаг – отделение ГУЛАГа на Кулое, самый большой лагерь которого находился всего в 20 километрах от Пинеги. К 1934 году спецпоселки наполовину вымерли. Для осиротевших детей открывали детские дома – первый из них разместился в братском корпусе Красногорского монастыря. Во время Великой Отечественной войны переселенцы были призваны на фронт. Воевали так же, как и все остальные, но после Победы вернулись в свои бараки. Только в 50-х годах

ФОТО АВТОРА

По этому спуску к реке когда-то шло оживленное движение – одни направлялись на пароход, другие – в центр города

В наше время
Пинега бедна
рыбой. Рыбачат
в основном
приезжие – ради
удовольствия

ФОТО АВТОРА

день. Но храм не отапливался, и отец Никон слег окончательно. Хозяйка дома вознамерилась выгнать его на улицу. Ссыльный оптинский монах Петр (Драчев), прия проводить отца Никона, застал его лежащим на табуретках в валенках и шапке-ушанке; рядом стоял его вещмешок. Отец Петр перевез старца в соседнюю деревню Валдокурье, в дом, где квартировал, и до последнего дня ухаживал за умирающим. Сам отец Петр дожил до 93 лет. О годах ссылки на Пинежье вспоминать не любил. Однажды обмолвился так: «Народ там какой-то не любовный»... Тот дом в Валдокурье еще стоит, но, как говорят деревенские, вот-вот рухнет. А на могилу отца Никона на валдокурском кладбище ведет проптанная паломниками тропа. Побывали в Пинеге и ссыльные иностранцы. В 1934 году сюда привезли итальянца Эмилио Гоарнакелли. Вообще-то он приехал в Москву на восемь дней, чтобы посмотреть столицу и встретиться с девушкой из итальянского посольства Неллой Гарратти, с которой переписывался. Но был арестован и сослан в Пинегу. Вскоре к нему приехала Нелла, в Пинеге они и поженились. Эмилио любил ри-

совать с натуры проникновенные пейзажи Русского Севера и отправлял рисунки на родину. Их семейная жизнь продолжалась два года, после чего Эмилио отправили в Магадан и там расстреляли. Нелла уехала во Францию. В Пинегу она вернулась через полвека, ходила по дорогим сердцу местам, вспоминала свой медовый месяц – тяжелое, но счастливое время. О своей первой любви Нелла написала книгу на французском языке «Письма из Пинежской ссылки»...

А советским гражданам тех лет Пинежье рисовалось совсем в иной, параллельной реальности – по творчеству Михаила Пришвина, который в 1935 году дошел до верховьев Пинеги и написал повесть «Корабельная чаща»...

ФОТО АВТОРА

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ БАБУШКА»

Наверное, неспроста многие, побывавшие на Пинеге, решали взяться за перо. Старое русское слово здесь издавна хранили пинежские сказители. Самая знаменитая из них – Мария Дмитриевна Кривополенова, или Махонька, как называли ее земляки. Всю свою жизнь Махонька ходила по окрестным деревням с сумой. Распевала былины, а ее за это благодарили кто чем мог. Тем и жила. В 1915 году Марию Дмитриевну повстречала на Пинеге собирательница фольклора, исполнительница северных народных сказок Ольга Озаровская. Впечатления от сказительницы были столь сильны, что Озаровская устроила Марии Дмитриевне гастроли в Петербурге и Москве. Выступления произвели фурор, скромная пинежская старушка стала известной на всю страну. Очевидцы сравнивали ее голос и манеру исполнения с органом. Кривополенова поражала слушателей музыкальностью, глубиной и силой своего слова, искренней верой в правдивость рассказываемых былин, умением непринужденно общаться с залом. Один журналист, види-

Хранитель музея
Валентина
Павловна
Кушкина
проводит
экскурсию
для гостей
из Архангельска

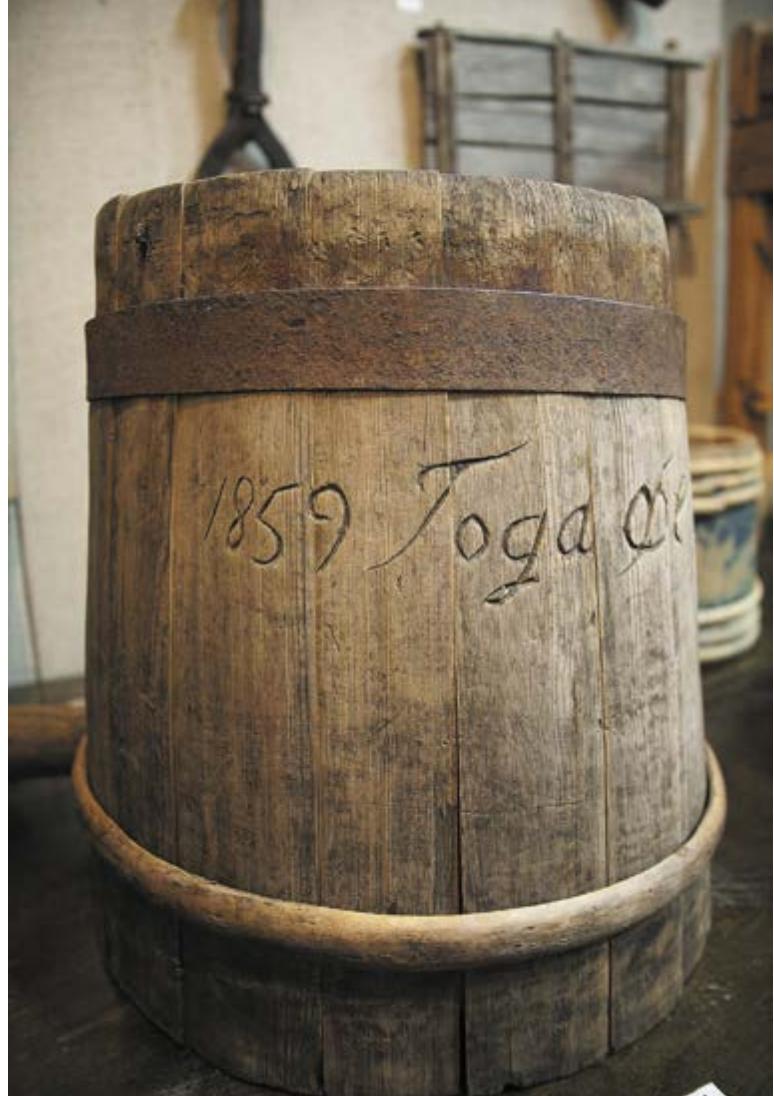

ФОТО АВТОРА

В музее собрано
множество
редких
предметов
быта пинежан
прошлого

Старая
надгробная
доска с могилы
Марии
Дмитриевны
Кривополеновой

выступлений, связанные ею рукавички, подобные тем, которые были подарены Луначарскому... А также памятная доска, установленная Ольгой Озаровской на могиле сказительницы, умершей в 1924 году. За год до этого американский журналист Альберт Вильямс, желая познакомиться с жизнью самобытной Руси, случайно встретился на Пинеге с Махонькой. «Она была вся захвачена искусством, — вспоминал Альберт Вильямс сказ Кривополеновой, — истинная артистка с превосходно поставленным дыханием. Голос ее, хотя и ослабевший к 80 годам, был крепок и ясен. Казалось, она может сказывать много часов подряд». А когда журналист попросил Марию Дмитриевну записать в его блокнот несколько стихов, сказительница призналась, что писать не умеет: «Это память сбивает», — объяснила она.

...Сказители уже давно стали историей. «Память сбила», конечно, не грамотность. Телевизор и компьютеры заменили все: былины, сказки, песни за прялкой. Старинные сказы распевает теперь сама река Пинега — широко, протяжно, глубоко. Выйдешь к реке, побродишь среди старых, потрескавшихся бревенчатых стен, удерживающих берега от размыва, и услышишь речные распевы...

Впрочем, в отдаленных деревнях на Пинежье еще живут старушки, которые рассказывают заезжим путешественникам «бытальщины» из своей долгой жизни. Сказывают особой северной «говорью», долгими зимними вечерами, когда хиус наметает суметы... ●

мо, пытаясь выяснить, куда теперь переберется талантливая сказительница, спросил Марию Дмитриевну, где ей больше понравилось — в Петербурге или Москве. Пинежанка ответила уклончиво: «В Москве таки получше будет. В Москве — люди русские, а в Петербурге — господа». Мария Дмитриевна нигде не думала оставаться, как ее ни уговаривали. Дала около 60 концертов в разных городах страны, после чего вернулась на Пинегу к своей привычной жизни. В следующий раз Кривополенову пригласил в Москву нар-

ком просвещения Луначарский в 1921 году. Он наградил сказительницу титулом «государственная бабушка», назначил ей пенсию и академический паек. В благодарность Кривополенова связала Луначарскому рукавички. Нарком удивился:

— Почему такие пестрые?
— А чтобы скучно не было, — объяснила Мария Дмитриевна. — У нас на Севере носить серые скучно очень. В пинежском музее сохранилось много личных вещей Кривополеновой: прядка, за которой она сказывала былины, костюм для

КАЛЛИГРАФ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

РОВНЫМ КАЛЛИГРАФИЧЕСКИМ ПОЧЕРКОМ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАПИСАЛ ДАТУ РОЖДЕНИЯ, ФОРМУ ГЛАЗ, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПОЛОЖИЛ НА ЛИСТОК ТЮБИК С СЕРОЙ КРАСКОЙ. ЭТОТ ЦВЕТ Я НАЗВАЛ СРЕДИ СВОИХ ЛЮБИМЫХ.

В СЕ ЭТИ ДАННЫЕ ВЛАДИМИРУ Александровичу необходимы для создания моей тугры. Тугра – персональный знак правителя, содержащий его имя и титул, в виде орнаментально украшенной арабской вязи (текст может быть написан на любом языке). Русские цари,

вплоть до Петра I, имели в своем распоряжении тугры для подписывания грамот и посланий владыкам мусульманского Востока.

В жизни я никем никогда не правил, потому мне страх как любопытно увидеть тугру, которую напишет для меня Попов...

ТУГРА ПРЕЗИДЕНТА

Стены мастерской Владимира Александровича украшают не только тугры, но и шамаили. Шамаиль – это живописно-графическое произведение, связанное с духовной культурой, в котором обычно изречение или целая глава (сура) из Корана выполнены изысканной арабской вязью и дополняются красивой орнаментальной композицией или архитектурными пейзажами. Шамаилей у Попова много, но тугр в его мастерской – гораздо больше, счет идет на сотни. И все они разные, ни один узор, ни один вензель не повторяется. Линии ровные, сделанные твердой рукой мастера, силу которой оцениваешь сразу – при рукопожатии.

Попов создал тугры практически для всех современных правителей не только восточного, но и западного мира! Конечно, почти никто из них не бывал в мастерской Попова и не остав-

Владимиру Попову – 90 лет. Его энергии и вдохновению позавидуют иные юноши. Свою собственную тугру (рядом с его локтем) мастер сделал в виде парусной лодки, бегущей по бурным волнам жизни

лял ему свои данные, как я. Да и сами тугры Попова, посвященные земным владыкам, конечно, не всегда доходят до адресата. Некоторые из них, живущие на другой стороне планеты, даже не подозревают, что каллиграф из Казани написал для них тугру. Но все же тех, у кого тугра, созданная Поповым, висит на видном месте, заметно больше. А кому-то из них Владимир Александрович сумел вручить тугру лично. Например, президенту Иранской Республики. Перед поездкой на VIII Международный фестиваль Корана и каллиграфии в Тегеране в 2000 году Попов помимо шамаилей сделал тугру президента Ирана, основываясь только на том, что о нем читал и слышал. С той вы-

ставки началась слава Попова-калиграфа в исламском мире. ...Президент Ирана Мохаммад Хатами обходил выставку за два дня до ее завершения. 17 стран исламского мира представляли тысячу лучших каллиграфов. На осмотр павильона каждой страны президент тратил несколько минут. Потому Владимир Попов хоть и волновался, но на особое внимание главы государства не рассчитывал. Любаясь в предыдущие дни на шедевры ведущих каллиграфов планеты, он только вздыхал. Как многому ему предстоит учиться! Жизни не хватит. Каллиграфией начинают заниматься с малых лет, а он увлекся ею буквально пять лет назад! Смешно говорить: по опыту он самый молодой каллиграф, а по

В руках каллиграфа одна из его любимых работ. Тугра-шамаиль-память Баки Урманче, основоположника татарского живописного искусства

возрасту – самый старый. Ему тогда шел 76-й год. Но не только возраст поразил в Попове президента Ирана, когда он оказался в павильоне России. Необычность исполнения каллиграфических работ заставила главу Ирана пребыть в русском павильоне более получаса. Такого внимания Попов не ожидал. Президенту понравился большой шамаиль «Возрождаемая мечеть Кул-Шариф». Дошла очередь и до тугры. «А вот ваш личный знак», – смущаясь, сказал Попов. «Какой знак?» «Тугра...» – ответил Попов и предложил президенту прочитать. Президент стал читать вслух и прочел свое имя. Попов не растерялся: «По восточному обычая, раз гостю понравилась вещь, а тугра вам понравилась, – дарю. Хоть сейчас сниму». «Спасибо, – ответил президент. – Но пусть повисит до конца выставки. Нам интересны ваши работы. Они не похожи на виденное нами. Но они ласкают наши сердца». С тех пор прошло четырнадцать лет. Немало накопилось на нашей планете тех правителей, у кого в рабочих кабинетах тугры Попова красуются на почетном месте. А их копии хранятся у автора в мастерской. Рассматривая тугры владык во всех подробностях, лестно сознавать, что я, как и они, благодаря Попову буду иметь свою тугру, выполненную по всем многовековым канонам каллиграфии. Но не обольщаюсь. Помимо земных владык каллиграф делает тугры и самым обычным людям. Только при мне его навестили несколько заказчиков. Восторженные дамы, рассказывающие, как мужчинам нравятся произведения Попова, которые ставят их в один ряд с султанами, ханами и царями, ждут не дождутся готовой тугры, чтобы порадовать своих домашних или служебных «владык». К человеческой слабости иметь тугру, похожую на знак какого-нибудь султана или шейха, Попов относится спокойно. Пусть хоть так, но люди все равно прикасаются к чудесному миру восточной каллиграфии, многим практически незнакомой....

Центральная часть триptyха-шамаила «Единый»

ШКОЛА ВОЙНЫ

Что он сам знал о каллиграфии в свои 17 лет, кроме общих представлений о том, что каллиграфия – это когда тонким перышком пишут ровные буквы в школьной тетради? Намучился Владимир с буквами в детстве, потому что пошел в школу в украинском Мариуполе, а когда семья переехала на Урал, то он долго не мог избавиться от букв украинского алфавита, которые у него часто проскакивали в словах. Два года из-за этого просидел он в одном классе. Зато буквы выводил, как печатные.

Иные представления о каллиграфии Владимиру Попову дала война. Лето 1941 года, когда он окончил девятый класс, запомнилось Владимиру частыми походами в лес за грибами, ягодами и кедровыми шишками. За рюкзак, набитый кедровыми шишками, мать купила ему на рынке первое в жизни пальто. Военный комиссар, которого он вместе с одноклассниками атаковал заявлениями с просьбой отправить на фронт, предложил десятиклассникам отправиться на учебу в военное авиатехническое училище, эвакуированное в уральский город Миасс из-под Киева. Весну 1942 года Попов встретил в артиллерийской части, куда курсантов отправили после расформирования училища вследствие тяжелого положения на фронтах. Узнав, что в школе и училище он выпускал стенгазету, юношу зачислили в разведроту и поручили как можно ближе подбираться к переднему краю противника и детально зарисовывать панораму местности боевых действий с нанесением точек базирования боевых средств врага. Так до самого конца войны была определена воинская специальность Попова. От него требовалось подручными средствами тщательно зарисовывать на ватмане линии вражеских позиций и обновлять их каждый день. Так он впервые, не осознавая того сам, начал проходить школу каллиграфии, главным учителем в которой для него была война.

Память о войне:
парадный
костюм
из шевиота,
сшитый гвардии
ефрейтору
Попову в 1945
году в Потсдаме,
и собственно-
ручно
изготовленные
военные
штабные карты
и дневники,
заполненные
калиграфи-
ческим почерком
в перерывах
между боями

Чернил не хватало. Проблему Попов решил просто: брал красный порошок из неразорвавшихся немецких осветительных ракет и разбавлял его водой. Эти красные чернила он использовал при составлении карт. Ими же вел свой дневник, в котором описывал участие своей бригады в освобождении Крыма, подробно записывал, как преодолевали

Пинские болота и освобождали Брест. Потом было освобождение Риги. Здесь он в свободное время зарисовывал поразившую его рижскую архитектуру. То же самое повторилось и в Варшаве. В польской столице он впервые побывал в костеле, который привлек его своей красотой. Внутри храма перед статуей Девы Марии молилась женщина. Ее глубокая молитва так поразила молодого солдата, что он запомнил этот момент на всю жизнь. Попов задумался о Боге, правда, делиться этими мыслями он не стал даже с дневником...

Свой дневник Попов закончил писать в Берлине. После победы штаб бригады расквартировали в одном из дворцов под городом Потсдамом. В дворцовых закоулках стояли ящики со старинными картинами, подготовленными немцами к вывозу. Некоторые ящики оказались разбиты. И Попов, прислонив картины к стене, мог часами рассматривать шедевры европейских мастеров. Он хорошо помнит, что там были даже работы Рембрандта... Эти светлые дни победы заставили его забыть ужасы отступления в 1942 году, дважды перебитые ноги, контузию, от которой он не только терял временами память, но и стал заикаться. Но больше всего его ра-

довала возможность спокойно рисовать. В итоге выставку портретов офицеров, их жен, товарищей по полку и пейзажей, нарисованных Поповым, организовали в Потсдамском доме офицеров.

Ко всякому празднику Попов выполнял огромный объем художественных работ: писал для сцены герб СССР, гербы союзных республик, рисовал разны-

ми шрифтами огромные, много-метровые транспаранты, буквы для которых выводил шваброй, смоченной в ведре с краской... Поощрением за работу была возможность брать недельные увольнительные, которые он тратил на осмотр музеев и дворцов Германии. Для этих путешествий он купил себе макинтош, жилетку, шляпу и лайковые перчатки.

Владимир Попов предпочитает видеть в жизни исключительно хорошее и ходит только по солнечной стороне улицы...

«ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ»

В таком щегольском виде Попов и прибыл после демобилизации в 1947 году в одно из сел Татарстана, куда с Урала временно перебрались его родители. Для учебы выбрал Казанское художественное училище. Среди своих «зеленых» однокурсников прошедший войну Попов выглядел переростком. Постоянного места жительства не имел, снимал самые дешевые углы. Но это не мешало ему штудировать горы литературы по изобразительному искусству, не пропускать все выставки и театральные постановки. Посиделками за столом и спиртным он не увлекался, на танцы не ходил. Каникулы с первого до последнего дня тратил на этюды. В 1951 году он получил диплом с отличием. Преподавать в школе он, однако, не мог. Речь не восстанавливаясь, проблемы с памятью оставались, перебитые на войне ноги подводили, стали наваливаться другие болезни и новые проблемы. После участия в Московской выставке живописи в 1952 году его – единственного из казанских художников – отметила

В свои 90 лет он уверен, что для него впереди еще много неоткрытых дверей

центральная газета. Неприязнь местного художественного бомонда закрыла молодому живописцу продвижение на местном уровне на долгие десятилетия. В это тяжелое для себя время Владимир Попов окончательно сформулировал главное правило, выстраданное им еще на войне: никогда не изображать ничего отрицательного. Не рисовать даже карикатур, которые, по мнению Попова, коверкают изображение людей. Поломанные заборчики в заброшенных мечетках или руины, которые так любят художники, он ни разу не сделает предметом своих полотен. Он всегда будет показывать только созидательные процессы в жизни и выступать против зла и насилия в мире.

Полностью воплотить эти идеи он смог только в восточной каллиграфии. Попов увлекся ею в 72-летнем возрасте, а до этого чём только не пришлось ему заниматься! Расписывал огром-

Часами, сутками, неделями, месяцами каллиграф ищет нужную линию...

ные занавесы для театральных сцен. Трудился оформителем в «Татпотребсоюзе». Делал для магазинов огромные мозаичные панно, для которых сам колол и раскрашивал в нужные цвета плитку. Четыре десятка лет эти магазины, кстати, были украшением центра Казани. Заработанные деньги тратил на семью и на поездки по стране.

Именно во время этих путешествий он оказался под большим впечатлением от дворцовых комплексов в Туркмении, Таджикистане и от гробницы Тамерлана в Самарканде. Тогда же он обратил внимание на узоры и орнаменты, которыми они были украшены. Его привлекала графическая составляющая этих шедевров. Увиденные во время войны храмы и соборы, поездки в Среднюю Азию побудили Попова создать серию живописных пейзажно-архитектурных работ под общим названием «Шедевры культовой архитектуры всех

времен и народов» и разделить ее на три части: христианскую, мусульманскую и буддистскую. Наиболее удались работы, связанные с исламом. И Попов решил: почему бы не продолжить исламскую серию в каллиграфии? Правда, после революции в Советской России это искусство, как и иконопись, находилось фактически под запретом. Да и не всякому носителю мусульманской традиции доступны тайны каллиграфии. Попов, конечно, знал, что ислам не приемлет изображения человека, а концентрирует художественный поиск в письме. Знал, что искусство каллиграфа требует высочайшей виртуозности. Поэтому шаг в совершенно другой мир потребовал от Попова немалого мужества. И уж совсем не мог представить Владимир Александрович, что первая же его каллиграфическая работа – шамаиль «Черный камень» – перевернет всю его жизнь.

АФГАНСКИЕ КАЛЛИГРАФЫ

В 1997 году казанский искусствовед Рауза Султанова впервые за все годы после революции организовала в Казани выставку, посвященную Корану, намазлыкам (молитвенные коврики) и каллиграфическим работам из фондов Национального музея Республики Татарстан. На ней же были представлены и работы современных каллиграфов. Искусствовед Розалина Шагеева заметила на выставке «Черный камень» Попова и отметила эту работу. Владимир Александрович поделился этой радостью со своим другом – Любовью

Сперанской. И началось... Любовь Сперанская, первая женщина-сценограф Татарстана, основоположник национального сценического костюма в музыкальном театре, сумела распознать в 73-летнем художнике молодой задор. В коллекции ее покойного мужа, Петра Сперанского, хранился редчайший 125-страничный альбом шамаилей. Оказывается, до революции на Волге жили прекрасные мастера-каллиграфы, обучавшиеся на Востоке. Попавший во время войны в Казань в эвакуацию московский профессор Михаил Покровский собирал

Еще одна память о войне: после контузии на фронте Владимир Попов стал записывать ровным почерком даже самые мелкие дела своей жизни, чтобы ничего не забыть и не перепутать. Этой «бытовой каллиграфией» усеяны стены его квартиры

шамаили где только мог. Всю оставшуюся жизнь Владимир Александрович будет вспоминать с благодарностью Любовь Сперансскую и ее подарок. Этот альбом так повлиял на Попова, что он немедленно обратился к Корану и стал учиться каллиграфии. В возрасте, когда другие уже сами делятся своим опытом, Попов не побоялся пойти в ученики. Его наставником стал казанский ученый-востоковед Наджип-Накаша Исмаилов. Благодаря ему Попов освоил традиционные на Востоке образцы художественного письма: куфи, сульс, талик, насталик, райхани, шекасте. И даже такой трудоемкий, используемый в Средние века для исполнения торжественно-государственных актов, репрезентативный декоративный почерк, как дивани. Другие каллиграфы, которых в Казани считаные единицы, давать уроки Попову не хотели, считая, что русскому в этой сфере делать нечего.

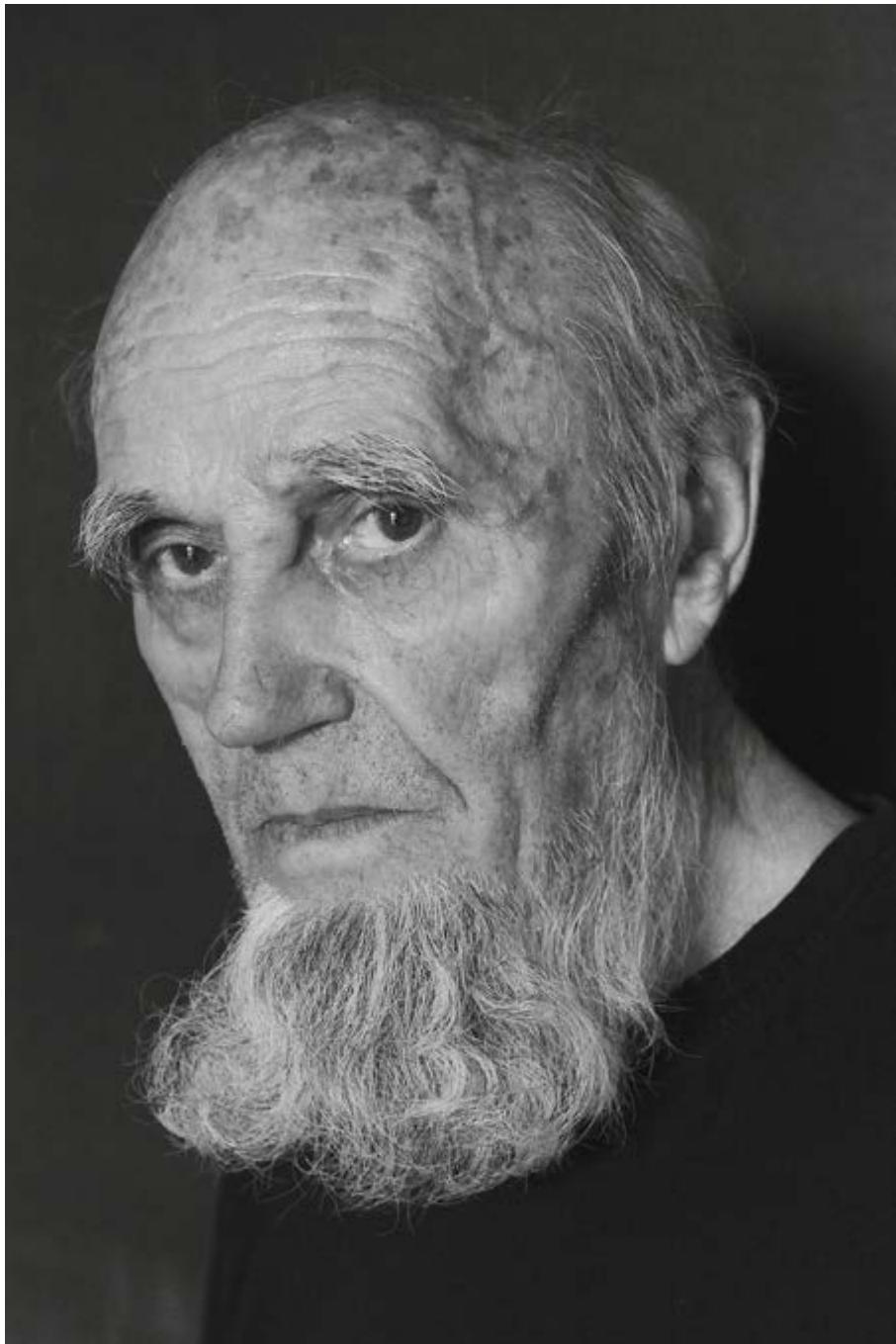
Помогло Попову строительство мечети Кул-Шариф, начавшееся во второй половине 90-х годов в Казани. Выполнять для нее каллиграфические работы был приглашен мастер-каллиграф из Афганистана. В Казань он приехал со своим братом, тоже каллиграфом. Жили они недалеко от строящейся мечети. Попов показывал им свои работы, заходил к ним в гости. Соперника в этом почти 80-летнем человеке с белой бородой и больными ногами приезжие каллиграфы не почувствовали. Попов помогал каллиграфам в работе чем мог, а они за это делились с ним своим опытом. Этих каллиграфов, которые превосходили казанских, Попову было важно увидеть в работе, узнать их технологию. А они настолько доверились Попову, что даже делились секретами. Именно от них Попов впервые услышал о международной выставке Корана и восточной каллиграфии. Сооружалась мечеть Кул-Шариф несколько лет. И примерно столько же длилось обучение Попова у афганских каллиграфов.

фов, подробности которого он старается и сейчас никому не рассказывать. Эти мастера посоветовали Попову делать тугры для того, чтобы побыстрее набить руку. Попов стал добавлять в тугры психологическую составляющую характера человека, передавая ее путем подбора шрифтов и начертания букв. В свои тугры он закладывал сюжет. Вот, к примеру, тугра президента Болгарии: написана почерком сульс в виде кувшина. По мысли автора, это – чаша жизни. Господь все создал на земле, чтобы мы могли существовать безбедно и благотворно... Попов стал смело вводить и другие новшества в каллиграфию. Он первый в истории каллиграфии соединил русский и арабский шрифты в написании тугры Аллаха. А полумесяц расположил – на вологодских кружевах. А кружева – на домотканых половицах.

Благодаря туграм Попов привлек внимание известного в Казани профессора-исламоведа Гульнары Балтановой. Как-то Попов прочитал в газете статью о ней и написал тугру ученого. А потом пригласил Балтанову на одну из выставок, предупредив, что среди экспонатов будет выставлена ее тугра, которую ей придется найти самой. Гостья пришла с матерью. Свою тугру они узнали сразу. Значит, Попов сумел написать ее верно! К такому приему Попов потом прибегал часто. Позже Гульнара Балтanova напишет, что Попов сумел соединить западное и восточное начало искусств и фактически достоин той же оценки в глазах Казани, что и Лев Гумилев.

Но местная школа каллиграфии с присутствием чужака не соглашалась. На выставки Попова особенно не пускали. Действовал стереотип: не может русский человек, немусульманин, работать в восточной каллиграфии! На обсуждение выставок каллиграфических работ Попова даже приглашали высказать свое мнение представителей муфтията самой старой мечети Казани, Марджани. Думали,

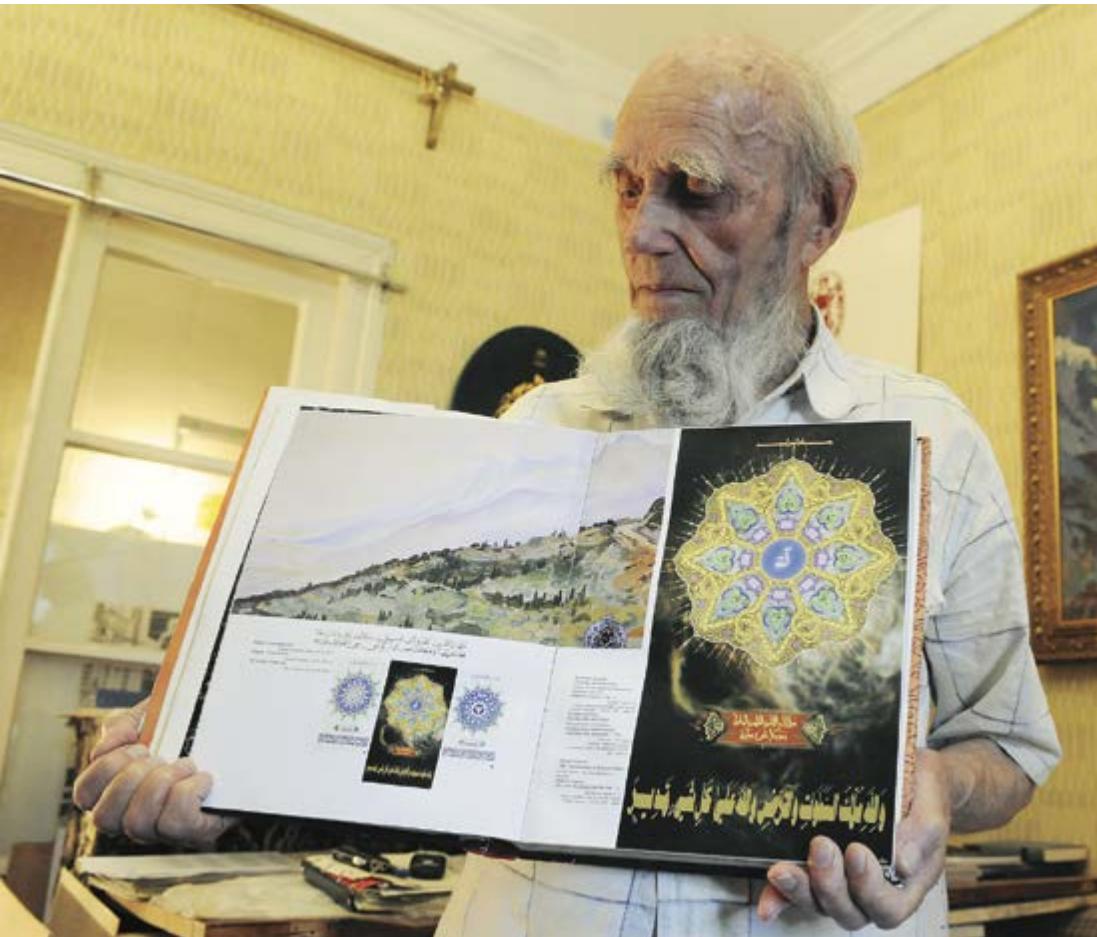
Глядишь
на каллиграфа
и веришь: да,
человек с таким
взглядом может
безошибочно
написать
тугру любого
правителя
современного
мира

те разгромят его работы. Но на открытом обсуждении они выступать не стали, а после его окончания подошли к Попову и сказали, что «если бы не нашсан, то мы бы расцеловали вас за то, что вы создали».

Учиться в Казани Попову было больше не у кого и нечему. А останавливаться на достигнутом он не собирался. И тогда Владимир Александрович отправился в Москву – в Государственный музей искусства народов Востока, посмотреть на старинные ша-

мали и тугры. Искусствовед Розалина Шагеева попросила его узнать, не может ли московский музей предоставить коллекцию намазлыков для выставки в Казани. Во время беседы с заместителем генерального директора музея Попов показал альбом своих каллиграфических работ, который вез для отчета в Союз художников РФ. Посмотрел альбом и второй заместитель. А когда дело дошло до генерального директора, тот вдруг предложил Попову сделать выставку.

У Владимира Попова уже готов макет альбома с его каллиграфическими композициями. Дело осталось за малым – найти средства и выпустить... Возможно, интерес к альбому проявит Иран

Вопреки опасениям Попова недостатка в интересе посетителей выставка не испытывала. Даже посольства многих стран ею заинтересовались. А после завершения выставки все ее экспонаты «переехали» в Культурный центр при посольстве Египта. Потом работы Попова выставлялись в Духовном управлении мусульман европейской части России.

ВЛАДЫКА СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЫ

Пока выставка Попова покоряла посетителей московского Музея искусства народов Востока, к Владимиру Александровичу обратились сотрудники посольства Исламской Республики Иран в РФ и предложили поучастовать в VIII Международном фестивале Корана и каллиграфии в Тегеране. Правда, билет до Тегерана Попову предстояло оплатить самостоятельно. Что ж, пенсии ветерана войны для этого ему вполне хватало. Так

что работы, уже показанные в Москве, Попов повез в Тегеран. А в качестве сюрприза приготовил тугру тогдашнего президента Ирана.

Собираясь в Иран, Владимир Александрович Попов ни секунды не думал, что ему настать. Более полувека в его гардеробе висит темно-синий костюм из шевиота, предназначенный для самых торжественных случаев. Сшит он был еще в 1945 году в Потсдаме. С немецким портным Попов расплатился тогда несколькими банками сгущенки и тушеники. Портной, утверждавший, что шевиот был вывезен немцами еще из России и прослужит долго, не обманул. За полвека Попов даже подкладку не менял. И сидит костюм на Попове так, словно ему по-прежнему 21 год... Тогда, в 2000 году, иранские газеты писали, что русский мастер каким-то чудесным образом смог одновременно отойти

от тысячелетних канонов каллиграфии, разить их и при этом не нарушить. «Было полной неожиданностью то, что мы увидели, – оценивали композиции Попова арабские каллиграфы. – Всеми фибрами души чувствуем, что это – наше, родное». А когда в Тегеране был выпущен проспект выставки, то на нем было всего два портрета: президента Ирана и каллиграфа из России. Из Тегерана Владимир Попов привез в Казань материал и инструменты для каллиграфии, особо ценное издание Корана, полученное им в подарок за участие в фестивале, и звание русского каллиграфа исламского мира.

С тех пор выставка Попова под названием «Каллиграфия за мир» прошла во многих странах: в Ливане, Сирии, Египте, Турции, Марокко, Иордании, Италии, Монголии... Основу выставки составляли тугры знаменитых политиков и каллиграфические композиции.

Признан Владимир Александрович теперь и в Казани. Рядом с домом Попова в центре города находится медресе. Когда ученики медресе встречают на улице Владимира Александровича, то почтительно кланяются ему.

Долго он не мог понять – почему? А потом узнал, что на уроках арабской каллиграфии в этом медресе изучают именно его каллиграфические композиции. Попов этим фактом очень гордится. Для него такое признание – выше всех похвал, не раз услышанных на выставках и фестивалях.

...Еще в самом начале нашей встречи я прошу Владимира Александровича показать его собственную тугру. И когда в стопке, которую он листает как книгу, вижу желто-черный лист, на котором арабская вязь складывается в лодку под парусом, бегущую по бурным волнам, то сразу догадываюсь, что это – она. Такой и должна быть тугра Попова – владыки собственной судьбы. Вечного странника, стремящегося к совершенству.

МОСКВА - ВОЛГА: ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ ОТ КАЛЯЗИНА ДО УГЛИЧА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПОКИДАЯ КИМРЫ, ОБРАДУЕШЬСЯ ХОТЬ ОДНОМУ: СИСТЕМА ЛАГЕРЕЙ ОБОШЛА ЭТОТ ГОРОД, НИ ЛАГПУНКТОВ ТУТ НЕ БЫЛО, НИ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛА, НИ БРАТСКИХ МОГИЛ - ПРИБЫВАЛИ ТОЛЬКО ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ, КОГДА ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КАНАЛА МОСКВА - ВОЛГА ВОВСЮ ЗАРАБОТАЛ НОВЫЙ МЕГАПРОЕКТ: «БОЛЬШАЯ ВОЛГА».

И

ЧЕМ НИЖЕ ПО ВОЛГЕ (до самого Рыбинска), тем чаще раздумья горькие и чувства, раздирающие душу, будут посещать нас. Здесь неизбежно столкнемся мы с тем, как строительство водного пути разрушило устоявшуюся жизнь сотен тысяч, а может быть, даже миллионов людей. Корчева, Скнятина, Молога - городки, оказавшиеся в зоне затопления, сотня-другая деревень, десятки церквей и несколько монастырей - не такая уж как будто великая плата за

волжскую ширь, за белые пароходы в шлюзах Рыбинской или Угличской ГЭС. Но вот недавно, будучи в Калязине на чтениях, посвященных истории города, я услышал слова протоиерея Евгения Морковина, благочинного церквей Кимрского округа и Калязина, о том, что нынешняя эпоха должна быть эпохой искупления страшных дел прошлых поколений. Дел, совершенных как в 30-е годы, так и во время «шоковой терапии» 90-х: и те, и другие одинаково характеризуются холодным презрением к человеку и «окамененным бесчувствием» сердец властей предержащих и каким-то безысходным отупением самого народа.

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №7, 8, 9.

Чудесным образом решилась судьба святого Макария Калязинского в эпоху Волгостроя

И если эпоха наша не станет «временем искупления», временем прозрения совести - то и смысл ее исторический окажется равным нулю, как бы ни разбухала вширь Москва и кочельки толстосумов. А в чем же смысл? Вот за этим-то смыслом и следуем мы по голубой волжской жилке, прозревая вещи до банальности очевидные: есть у нас Родина, и зовется она Россия...

ЭПОХА ВОЛГОСТРОЯ

В начале 30-х, практически одновременно с решением о строительстве канала Москва - Волга, ЦК партии и Совнарком принял другое решение - проект потом получил название «Большая Волга», - смысл которого сводился к тому, что всю Верхнюю Волгу от Ярославля до Твери необходимо сделать проходимой для крупнотоннажных судов. Для этого на участке от Перми и Нижнего до Ярославля предполагалось построить три ГЭС - решив, таким образом, и проблему электроэнергии, в производстве которой Советский Союз сильно отставал от промышленно развитых стран. Вопрос, где ставить эти ГЭС, особенно последнюю, на Верхней Волге, имел принципиальное значение, так как от места расположения плотины зависела площадь затопления: это ведь не Сибирь, а коренная Россия, места издавна обжитые и густонаселенные. Верхневолжский участок прорабатывала организация «Средневолгоярстрой», главным инженером которой был опытный гидростроитель, участник возведения Волжской ГЭС Г.С. Веселаго. Он пришел к выводу, что плотину

целесообразно строить на 14 километров выше Ярославля, выше села Норское. Решение было одобрено, началось возведение поселка гидростроителей на левом берегу Волги и ветки железной дороги к нему. При этом руководство Средневолжгстроя решительно высказалось против применения труда заключенных, и, хотя строителям, особенно в голодном 1931 году, было непросто, они зозвели рабочий поселок на 7 тысяч человек с общежитиями и многоквартирными домами, хлебопекарней, детскими садами, клубом и теплостанцией. Слово «экология» в 30-е годы было уже известно, поэтому проект ярославских гидрологов можно назвать наиболее экологически обоснованным. Долго выбирали они золотую середину между величиной напорной отметки (от которой зависит мощность ГЭС) и минимальным отчуждением земель под затопление. В результате определили уровень воды по горизонту наивысшего весеннего паводка, 1926 года, плюс 1 метр – в этом случае подпор воды доходил бы до Углича, и тут достаточно было построить еще одну плотину, чтобы вся Волга стала судоходной. Но проектировщики были столь щепетильны, что предложили выстроить не одну, а две плотины: выше города Мышкина и выше Калязина. В этом случае образовались бы три небольших водохранилища, расположенных в долине Волги, так что затопления были бы минимальными: перенос грозил только тем деревням, которые и так заливались во время половодий. Этот вариант был оптимальным. Он не подразумевал ни неизбежной гибели зеков на стройках, ни того бедственного и разрушительного по своим последствиям затопления, которое самый центр Среднерусской равнины опустошил, как война. К сентябрю 1935 года под Ярославлем было выполнено 60 процентов всех работ. Неожиданно стройка была приостановлена.

Несмотря на все утраты, Углич сохранил свою изначальную красоту

ЛОББИСТЫ ИЗ НКВД

Аргументы, которые выдвигались против «щадящего» варианта строительства, в сущности, не важны: превращение Мологи-Шекснинского междуречья в «сплошное болото», размыв берегов города Тутаева и т.д. Никому никакого дела не было до Тутаева! Просто к 34-му году уже был опробован другой, не требующий денежных затрат (зато требующий огромного количества з/к) способ гидростроительных работ. Все герои Беломорканала получили ордена Ленина, почет и уважение. Они хотели

красоваться на первых полосах газет. Они хотели славы. К тому же в мае 1937-го должно было закончиться строительство канала Москва – Волга, освобождались от дела десятки, если не сотни тысяч заключенных. На Ярославской ГЭС вспомогательные работы были закончены, и, в сущности, «каналоармейцы» были там не нужны. Но куда их в таком случае девать? Нужен был не «щадящий», а максимально «широкий» и беспощадный вариант «Большой Волги». Перенос плотины в Рыбинск был козырем в этой игре. Заливалась террито-

рия в 4,5 тысячи квадратных километров (нынешнее Рыбинское водохранилище), открывавшая колоссальное поле для деятельности з/к: только лесоповал для подготовки ложа водохранилища требовал десятков тысяч рабочих рук. Строительство большой плотины в Угличе угрожало на две трети затопить город Калязин: этот вариант продавливавшийся с 1933 года, когда некий Гаевский приезжал на заседание Калязинского исполнкома и говорил о перспективах затопления города. Нужны были большие жертвы, максимальные затраты, может быть, нужно было большое бедствие народа, чтобы тот не думал о том, что творится в стране победившего социализма.

Автор «щадящего» проекта Г.С. Веселаго долго не сдавал своих позиций, доказывая, что «на затапливаемых землях развито семеноводство кормовых трав и после затопления страна лишится этих семян, что очень плохо скажется на животноводстве...». Однако подобные доводы уже не действовали. В сентябре 1935-го года группа инженеров-гидротехников во главе с профессором А.Н. Рахмановым предложила Сталину перенести стройку в Рыбинск и Углич. Всячески расписывались преимущества такого переноса, говорилось, что наше время – время великого размаха, стремительных решений и предельно сжатых сроков. Прекрасно понимая, что это значит не на словах, а на деле, Сталин в ответ на письмо Рахманова написал коротеньку резолюцию: «Я за...» Не последний аргумент нашел НКВД: ссылаясь на опыт Беломорстроя, он заявил, что все затраты на сооружение Рыбинского гидроузла, включая ликвидацию Ярославского, перенос затапливаемых построек и сооружений не будут превышать 760 миллионов рублей. Расход «человеческого материала» никто, разумеется, в расчет не брал. Волголаг был создан в 1935 году, первоначально в нем было 19 тысяч заключенных, в августе 1941-го – уже 85,505 тысячи (по официальной статистике). Мы не

будем сейчас углубляться в подробности жизни этого аппендикса ГУЛАГа, отметим только, что в 1942-м в Волголаге умерла от голода половина заключенных. Главным инженером Волгостроя был назначен майор ГБ С.Я. Жук, который впоследствии получил звание генерал-майора инженерной службы и звание академика. Созданный и возглавляемый им институт «Гидропроект» до самого конца своего существования поддерживал самые «грандиозные» и затратные стройки. Уже после смерти Жука именно «Гидропроект» лоббировал поворот северных рек в республики Средней Азии, и только предельное напряжение общественного мнения уберегло тогда страну от катастрофы, которую вызвало бы подобное строительство.

ЕЩЕ РАЗ ОБ УТРАТАХ

Угличская и недостроенная Рыбинская станции в годы войны обеспечили столицу электротермией. Но проходят годы – и что-то другое выходит на первый план. Одним электричеством жив не будешь: не оно только, как выясняется, рассеивает тьму, дает свет, без которого людям и жизнь не в жизнь, а мрак духовный. И так выясняется, что тогда, в годы рокового подвига, поволжские города чуть не утратили душу. Угличу еще повезло. Конечно, потерял он много. В 2 километрах от створа плотины пал жертвой строительства Покровский монастырь с удивительным, са-

мым старым в Поволжье (1466 года) и гигантским по размерам собором, в барабане единственного купола которого помещалась небольшая церковь Герасима Иорданского. Шлюз прорезал заречную часть города, на центральной площади были разобраны торговые ряды и Успенский собор, но даже эти утраты не смогли лишить «Зачарованный град Китеж» – как не помню кто назвал Углич – ясной вертикали, поднятой в небо куполами и колокольнями. Может быть, город был когда-то лучше, но он остался красив, никто не смог изложить его исторический облик: старая регулярная застройка по «образцовым проектам», которые в екатерининское и Александровское время рассыпались каждому градоначальнику и не позволяли застройщикам своеизвличать, осталась как есть; живая ткань Углича сохранилась неразорванной. Никто не в силах был лишить Углич его главного мифа – о царском граде, об убиенном царевиче, который сразу же был впечатан в тело и душу города церковью царевича Димитрия «на крови». Мифа и тайны. Убит был царевич или, как «выяснила» следственная комиссия Василия Шуйского, сам закололся «тычкой» в приступе «черной немочи» (эпилепсии)? Современные криминалисты отрицают такую возможность, но как четыреста лет назад, так и сейчас вопрос этот не решен, и, значит, миф живет, миф наматывает на себя смыслы нового времени и бесконечно переосмысливается в искусстве. А Калязин, когда-то сложенный, по сути, тремя слободами, пострадал по-настоящему. У него выпнули душу. Сейчас даже туристические теплоходы здесь не останавливаются. И всякий приезжающий сюда в поисках достопримечательностей будет, несомненно, разочарован: ничего, кроме знаменитой Калязинской колокольни, «которая торчит из Волги», с наскоку тут не отыскать. Тем более когда купы сочной летней зелени скрывают от глаз старинные здания суда и городской думы, ку-

печеские особняки на бывшей Московской улице, здание Поливановского техникума и тогда же, в начале XX века, построенного общежития для студентов, брошенного посреди запустелого парка (само здание роскошное, его много раз перекупали, хотели гостиницу делать, да потом бросили). Кажется, ничего в Калязине и нет, кроме этой торчащей из воды колокольни. Солженицын в своих «Крохотках» написал об этом поразительно: «...Она стояла при соборе, в гуще изобильно-го торгового города, близ гости-ного двора, и на площадь к ней спускались улицы двухэтажных купеческих особняков. И никакой же провидец не предсказал тогда, что древний этот город, пережив-ший разорения жестокие и от та-тар, и от поляков, на своем вось-мом веку будет невежественной волей самодурных властителей утоплен на две трети в Волге...» Утоплен. И ни гостиного двора, ни улиц этих, ни сердца города – Макарьева монастыря на левом бере-гу – не существует. Вся городская интрига Калязина в том и состо-ит, что ткется из пустоты, вокруг пустоты – места, которого нет и больше никогда не будет. С Макарьевым монастырем связаны история Святого и история Героя. И тот, и другой у Калязина были. Была мощная их энергетика. А потом на долгие десятилетия ис-чезла. И город превратился в скопище строений, «откуда уехали все, кто могли уехать», а остались «только те, кто уехать не смог». На кладбище возле Вознесенской церкви устроен был стадион. В футбол играли. Это, знаете, настоящий метафизический ту-пик, безвыходный. Но чудом ли, человеческим ли старанием – а это все перевернулось. Стадион убрали, церковь-красавицу под-няли из руин. Вернулись в город и Святой, и Герой, и так он снова из россыпи строений стал городом. Появилось необходимое городу духовное измерение. Причастны к этому перевороту несколько че-ловек, которых всех можно пере-честь по пальцам. И тогда первым среди них надо, конечно, назвать Ивана Федоровича Никольского.

ПРИЗВАНИЕ: ХРАНИТЕЛЬ

Иван Федорович Никольский родился как раз в Скнигине. Прежде село это было городом, именовалось «Коснитин» и находилось при впадении Нерли в Волгу. Сейчас там грандиозный разлив сразу трех рек: Волги, Нерли и Волнушки. Как-то в студенческие годы мы с дру-зьями рыбачили в тех местах и однажды наткнулись на островок, который местные жители называли «Могильный», там, действительно, под пологом леса и малинника лежали по-верженные мраморные надгро-бия, и весь остров окружен был окатанными, как морская галь-ка, обломками красного кирпи-ча, в которых часто попадались человеческие кости. Верхушечка старого кладбища – вот и все, что осталось от древнего Скнигина-Коснитина. И судьба самого Никольского оказалась будто сплетена с историей его родины: он прожил яркую, под-вижническую жизнь и умер, ничего своего, личного не оставив. Даже могила его затеря-лась. Только дело, которое он начал, не оборвалось, продол-жилось.

По родовой традиции Иван Федорович должен был стать священником, но революция всю жизнь его переинчила. В 1919-м 20-летний Никольский включен был в комиссию, ко-торая занималась описанием церковной и усадебной утвари, «экспроприированной» большевиками. Это было колоссальное богатство, включающее и раритеты калязинского Свято-Троиц-кого Макарьева монастыря, перво-го по богатству и значению в Тверской губернии. Николь-ский понимал (хотя он, скорее, так вообще чувствовал), что все это каким-то образом надо спасти. И в монастырской трапез-ной уже в 1920 году создал один из первых в стране краеведче-ских музеев, который обладал по тем временам экспонатами мирового значения. Стоимость собранных реликвий, оценен-ных как «драгметаллы», составляла миллионы рублей. Гово-

рят, ходил он в ботинках без шнурков, как совершенный бес-сребренник, всю зарплату тратил на пополнение коллекции. Но были в ней одному ему извест-ные экспонаты, не внесенные в музейные описи, которые в то время «воинствующих безбож-ников» вряд ли кто мог оценить. Когда монастырь был закрыт и превращен сначала в дом отды-ха, а потом в пионерлагерь, Ни-кольский в обычном ящике под церковными ризами сохранил в запасниках мощи святого Ма-кария Калязинского, с которым неразрывно связана вся исто-рия города.

Святой Макарий (1402–1483) – удивительное явление в русской духовности, своеобразный мост, связующий традиции пустын-ножительства и нестяжатель-ства, от Сергия Радонежского (1321–1391) до Нила Сорского (1433–1508). Происходил он из дворянского рода Кожиных, подвизался сначала в кашин-ском Клобуковом монастыре, но скоро настоятель заметил его рвение и отпустил, как тог-да принято было, «в пустынь». Макарий пришел в сосновый бор напротив Калязина. Здесь срубил себе келью, а потом, когда еще семеро монахов при-стало к нему, построил и цер-ковь. От Бога имел он особый дар: исцелять больных и вра-зумлять преступных. Короче, был он настоящий Божий, свя-той человек, на которых, как говорится, «земля держится». Неслучайно к высшей помо-щи святого Макария обращал-ся бесстрашный витязь Миха-ил Скопин-Шуйский, когда в Смутное время выступил про-тив воевод Тушинского вора. Более того, он укрывался в сте-нах основанной Макарием оби-тели и здесь накапливал силы для решающей битвы...

Не исключено, что в 30-е годы, время великого ослепления и страстного богоборчества, только Никольский и пони-мал, что в ящике под церков-ными ризами лежат у него не «просто кости». Иван Федоро-вич был настоящий музейщик,

С любого места берега, с земли и с воды видна знаменитая Калязинская колокольня

страстный краевед, всесторонний исследователь: сохранилась тетрадь с несколькими страницами его доклада о стариином Скнытине-Коснитине с записями народных легенд: «...в Пасхальную ночь развернется холм – верхушка горы, а оттуда доносится церковное пение. Небо загорается множеством огней – как будто кто зажег свечи на верхушках сосен, по склонам холма. Старики говорят, что идет служба, поют ангелы...»

Он много писал статей, но стиль газет того времени – лапидарный, сухой – не позволял эти публикации собрать в одну книгу. Их растаскили по идеям и цитатам позднейшие исследователи – так взошли семена, посевленные Никольским. Но одна большая литературная работа его – «Пушкин и Ушаковы» – сохранилась и до сих пор ценна: она проливает свет на большую (и взаимную) любовь, которая связывала поэта и Екатерину Николаевну Ушакову, быть может, единственную женщину, с которой ожидало бы поэта счастье. Она до конца осталась верна своему «Сашеньке» и вышла замуж только после его гибели, но счастлива в браке не была. Перед смертью она пожелала сжечь сохранившиеся письма Пушкина: «Мы любили друг друга горячо. Это была наша сердечная тайна. Пусть и она умрет вместе с нами...»

ОДИН ПРОТИВ НКВД

Но литературная работа Никольского прервалась в 1933-м, когда прозвучали первые, еще не носящие директивного характера слова о создании Угличского водохранилища, которое грозило на две трети затопить Калязин. Каждый город – это живой организм, и как историческая целостность он не может... Потом выяснилось – что может. Представьте себе человека, которого не убили совершенно, а на две трети ампутировали ему все, что можно. Бывают такие несчастные случаи...

Разумеется, в планах развития «Большой Волги» Калязину после затопления сулили генеральную реконструкцию и новое будущее, но то ли война помешала, а только никакой реконструкции город не дождался. И даже электроэнергия – ради которой все и затевалось – пришла сюда только в 1951 году...

Никольского проекты будущего рая нисколько не волновали. Не раздумывая о том, что машину НКВД не остановить, он бросается на защиту древних святынь и древней истории, пытаясь успеть спасти хоть что-то. Составляет список памятников, которые исчезнут в водах водохранилища, инициирует раскопки курганов и городищ, но главное – пытается сохранить сердце города – Свято-Троицкий Макарьев монастырь. Сейчас неподалеку от Калязина есть острова, которые здесь зовут «монастырскими». Площадь одного из них достаточно велика, чтобы значительная, по крайней мере, часть монастыря на нем сохранилась. А Никольский предлагал сохранить монастырь целиком, сделав вокруг него обваловку. Тщетно! «Памятник истории высшей категории» просто оценили по остаточной стоимости в 21 тысячу 245 рублей и в 1936 году приняли решение о его сносе. Единственное, что удалось спасти вместе с реставраторами из музея архитектуры, – это малую часть уникальных фресок XVI–XVII веков из Троицкого собора, расписанного в свое время лучшими живописцами московской иконописной школы. Примерно 150 квадратных метров из тысячи.

И еще колокольню. Удивительно, что присутствие духа никогда не оставляло Никольского. В его душевном складе нет места отчаянию – это подлинный рыцарь без страха и упрека. Уже взорваны соборы монастыря, уже нескончаемым потоком идут подводы с кирпичом – в Углич, на строительство ГЭС, и в Савелово, на завод

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

«Монастырские острова» возле Калязина. Крест на месте Свято-Троицкого Макарьева монастыря

«САВМА», уже музей со всеми коллекциями переведен на Свистуху, в уцелевшую часть города, в небольшую Богоявленскую церковь, а он бросается спасать последнее – ту самую колокольню Николаевского собора, которая сегодня «торчит из Волги», а когда-то украшала фасад города с воды. Никольский писал о необходимости сохранить точенную пятиярусную колокольню как «памятник первоклассного архитектурного мастерства», построенный учеником великого Растрелли Ж.-Б. Деламотом. Понимая, после разгрома монастыря, что слова об архитектурной ценности памятника вряд ли тронут сердца разорителей города, он предлагает сохра-

нить колокольню... как маяк. И как ни странно, этот аргумент подействовал! Если приглядеться, то легко заметить, что Калязинская колокольня торчит не совсем из воды: вокруг нее насыпан крошечный островок, в который ушли полтора яруса этого удивительного сооружения...

ДЕЛО ЗЯБЛИКОВЫХ

Трагично сложилась судьба Никольского. Ему удалось собрать и сохранить уникальную коллекцию, благодаря ему экспонаты ее не были «реквизированы» и проданы за границу, как другие церковные ценности, не расплзлись по другим музеям. Но когда пришла старость и болезни – город еще не готов был возвратить должное своему ангелу-хранителю. Его определили на пенсию и отправили в дом престарелых в Ржев, где он и умер. Похоронили по стандарту: холмик, железная табличка с фамилией. Теперь, правда, насквозь ржавая, как и на большинстве окрестных могил. Среди них могилу Никольского не найти. Но было время (совсем недавно), когда дело всей его жизни было поставлено под вопрос.

В конце 70-х, что ли, на место директора музея назначили сокращенную из партноменклатуры тов. Зябликову. Та тут же пристроила в музей своего мужа. Они быстро обнаружили ценности, которые Никольский хранил в алтарной части церкви-музея, те ценности, которые в сохранности пролежали там всю войну, покуда мобилизованный Никольский (по возрасту к строевой службе не годный) описывал коллекцию Нижне-Тагильского музея...

Зябликовы были темны и беспощадны. Они быстро поняли, что попали вовсе не в музей, а на Клондайк. Тов. Зябликова ходила в жемчугах, снятых с церковного облачения и с окладов икон, а древние рукописные книги – в это почти невозможно поверить – сдавала в макулатуру. Когда торговля антиквариатом стала явной, в музей приехал проверяющий из области. Но ему тов. Зябликова широким жестом отдала огромный изумруд из креста митрополита Филиппа (за нeliцеприятные слова казненного Иваном Грозным), оставив себе «на зубы»

золотую оправу. Проверяющий так ошелел, что бросился в Москву скорее продавать камень, но оценщик узнал давно разыскиваемый Алмазным фондом СССР изумруд (один из крупнейших в мире) и дал ход делу. Когда обвиняемых спросили, где они вообще нашли эту драгоценность, кто-то из Зябликовых обронил: «В мощах Макария Калязинского». Так всплыли мощи. Что с ними делать, в то время никто не знал. Кончилось тем, что новый молодой директор музея, А. Земляков, получил из обкома расплывчатую директиву: сделать так, чтобы этих мощей не было. Андрей Земляков был тогда еще не верующим. Но сразу понял, что нельзя уничтожать святыню, которую люди сохраняли сотни лет. Которой сотни лет поклонялись. Он не мог взять на себя такую ответственность. Но в этом случае предстояло взять на себя ответственность другого рода – эти мощи сохранить. И он, позвонив в обком, доложил, что вопрос решен, а сам отнес ящик домой и спрятал подальше... Такая вот невероятная история...

Свистуха – единственная не затронутая затоплением калязинская слобода

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МАКСИМЫ

Полноте знания о Никольском я обязан прекрасному фильму калязинского режиссера Сергея Козлова, который так и называется – «Ангел-хранитель». Сергей Козлов – человек уникальный. Он делает то, чего не делать не может: на то ему и дан талант, который есть богатство души. И поэтому раз в несколько лет Сергей пускается в такое опасное и сложное дело, как съемка большого фильма. Он и режиссер, и оператор, и автор текста. «Ангела-хранителя» он три года делал: там съемки уйма, да во многих местах, в музеях и архивах – в общем, без всяких уступок «любительству». И каждый такой фильм потрясающ. Между этими вспышками – пропасть быта. На жизнь и на кино Сергей зарабатывает в своем фотовидеоателье, где работа поточная и беспощадная: первоклассники, выпускники, свадьбы.

А потом вдруг – стоп машина! Конец рутине! Он начинает Фильм. И каждый фильм – как судьба. Поверьте на слово, до глубины души его искусство пробирает. Причем с неожидан-

ной какой-то стороны. Провинция ищет своих святых, своих героев. Она по-своему идентифицирует себя. Иначе, чем Москва. Иные песни поет. Иначе думает. И в скромном вроде бы культурном вкладе провинции в нашу духовную жизнь (по сравнению с культурпродуктом Москвы!) есть тем не менее какое-то очень важное, сущностное послание. И идея спасения родной земли, которой воодушевлялось целое поколение провинциальной интеллиген-

«Она стояла при соборе, в гуще изобильного торгового города...»

Сценарист, режиссер, оператор и просто необыкновенный человек Сергей Козлов

ции, – это, может быть, самый главный, самый нетривиальный (при всей кажущейся banalности) вывод нашего времени. «Нам нашу землю надо сохранить» – эту провинциальную максиму никакими столичными умствованиями не перешебешь.

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

После дела Зябликовых основная часть коллекции калязинского музея перекочевала в запасники музея тверского. В Твери же, в храме Белой Троицы, долгое время пребывали после всех перипетий и моши святого Макария. Не сразу в Калязине возникла потребность вернуть себе небесного покровителя – сколько лет жили без него! – но уже сегодня представить себе Калязин без Макария невозможно. Церковь к возвращению мошей отнеслась с осторожностью. «Прежде чем что-то наполнить – необ-

ходим сосуд» – так иносказательно молвил по этому поводу отец благочинный Евгений Морковин. Город должен был подготовиться к встрече своего Святого, подготовить храм для него...

Вознесенская церковь стояла тогда в руинах. И вот, один человек, десяток, десятки потом – стали приходить на субботники. Появились жертвователи. Городу явилась цель. Если сейчас на Вознесенский собор взглянуть – невозможно поверить, что можно было храм с провалившейся крышей превратить во что-то столь прекрасное и легко устремленное ввысь. И вот когда превращение свершилось, когда чаша была подготовлена – влили в нее и свет. В 2012 году Святой вернулся в город.

А Герой? Был же у города и герой еще, если помните? С возвращения героя мы и начнем наше следующее повествование...

